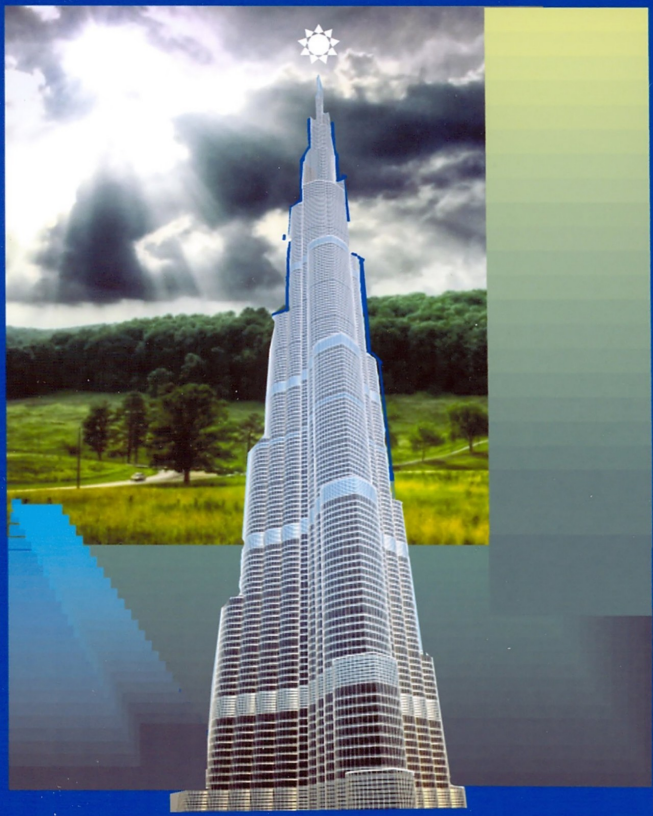
Г.Н. Муравьев



ШКАЛА ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Герман Николаевич Муравьев

Шкала жизненных ценностей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27339481
SelfPub; 2017

Аннотация

В 2006 году Г.Н. Муравьевым была издана книга "Троичность вокруг нас", где развивается мысль о том, что, обладая триединой от сотворения природой (дух, душа, тело), человек моделирует троичность "вокруг себя": в жизненных ситуациях, любви, искусстве. В новой книге автор расширяет эту тему, пытается взглянуть с позиций троичности на структуру арсенала жизненных ценностей, соотношение духовно-нравственных и материально-чувственных его составляющих.

Содержание

От автора 5

От «Троичности вокруг нас» до «Шкалы жизненных ценностей» 11

Шкала жизненных ценностей 36

Место пятой божественной заповеди на шкале жизненных ценностей 57

Между дедом и внуком 57

Пятая заповедь в пределах диады-семьи 65

Пятая заповедь в пределах родственной триады 72

Пятая заповедь вне пределов родственной триады 81

Способен ли родитель быть нравственным наставником? 90

Но если не родители, то кто же? 103

Человек – образ и подобие не только бога 113

Воздаяние за добрые дела 113

«Я не виноват!» и «Я прав!» – две стороны одной медали 121

«…глупому по глупости его…» 150

«Я такой, какой я есть! 158

«…неверный в малом неверен и во многом» 190

«По вере вашей да будет вам» 212
«Вера от слышания, а слышание от слова Божия» 260
«И вечный бой! Покой нам только снится…» 286
Литература 430

От автора

В Евангелии от Матфея (19, 16-22) есть эпизод, в котором некий богатый юноша поставлен Христом в несовместимые условия выбора: либо обретение страстно желаемой им жизни вечной («сокровища на небесах»), либо сохранение в целости своего имения – сокровища, уже обретенного, но на земле. Юноша выбрал второе. Точнее – остался при втором, предпочтя плотское духовному. А в Евангелии от Луки (21, 2-4) бедная вдова отдает в дар Богу две лепты – «все пропитание свое, какое имела», жертвует плотским во имя духовного.

Эти евангельские примеры дают наглядное представление о двух моделях ценностной шкалы человека. Принципиально различаются они, как видим, полярно противоположным размещением приоритетов «по вертикали». Ниже и выше этих «реперных» точек шкалы находятся различные по своему характеру индивидуальные ценности в «чистом виде» – положительные и отрицательные, истинные и ложные, а также их хитросплетения: замещения и смешения ценностей, спекуляция ими, маскировка их и т. д. (К примеру, суетное обрядоверие, подменяющее истинную веру; ханжество и лицемерие, выступающие под маской добрых дел и любви к справедливости. Всех же вариантов «гибкого курса» ценностей – несть числа). С *этим* мы жили, живем и в полной

уверенности называем себя людьми.

Однако все имеет начало и конец: произошла смена эпох. Воцарившийся Водолей, в силу внутренне присущих ему высоких духовно-нравственных критериев, выставляет более жесткие (в сравнении с предыдущей эпохой Рыб) условия получения титула – *Человек*. Конечно, категории «бедных вдов» и тех, кто «положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13) – вне конкурса. Но их, к сожалению, подавляющее меньшинство. А что остальные? Все те «богатые юноши» и «волки в овечьей одежде» – лицемеры, жившие и живущие полуправдой и суррогатом ценностей? Их ведь «так много, как много звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском» (Евр. 11,12), да еще и зараженных губительным вирусом «священной» частной собственности. (Последняя дана нам Богом в конце эпохи Рыб для *отягощения* условий нашего нравственного роста в эпоху Водолея). Иными словами, какова судьба человека, переставшего осознавать себя как личность? Утратившего нравственный самоконтроль? Думается, на все воля Творца, но *не в отрыве* от воли человека, которому даются два пути – на выбор.

Первый – «широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими» (Мф. 7,13).

Второй – «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7,14).

В первом варианте человек эпохи Рыб в составе бездуховного стада *автоматически,* без каких-либо усилий погибает

духовно, переходя в категорию: «человекообразное животное эпохи Водолея», а имя его «изглаживается из книги жизни» (в контексте Отк. 3, 4-5).

Во втором – человек эпохи Рыб охватывает критическим взором свою шкалу жизненных ценностей, очищает ее от следов самости и прилагает *максимум* усилий к духовно-нравственному совершенству, памятуя о заповеди: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5,48). В результате он становится *кандидатом* в категорию: «человек эпохи Водолея» – и обретает *шанс* перейти в новую жизнь, на очередной этап божественного эксперимента; теперь все зависит только от божественного волеизъявления.

Но как пробиться к душе человека, обитающего в духовно убогой и морально деградирующей среде? Как в таких условиях побудить его к нравственному самосовершенствованию, если он тупо доволен тем, «какой я есть»? Вряд ли следует соблазнять его светлыми, по-настоящему человеческими, перспективами того образа жизни, к которому он *должен* стремиться в эпоху Водолея. Это не для него: *заземленной* душе духовно-нравственные идеалы либо чужды «от юности ее», либо служат предметом ехидных насмешек и циничных издевательств. Ей доступны лишь ценности, воспринимаемые сугубо по-животному, то есть – пятью органами чувств. В силу этих «особенностей» вряд ли стоит приступать к самосовершенствованию с попытки обрести *аб-*

страктные достоинства. Логичнее, по-моему, сперва «замахнуться» на подавление *конкретных* недостатков своего «я»; тем более, что подобное стремление уже само по себе есть *главнейшее из достоинств.* Апостол Петр дает двойную заповедь: «Уклоняйся от зла и делай добро» (1 Пет. 3,11). Как видим, для апостола «стань менее плохим» – актуальнее, нежели «стань более хорошим».

Мудрый Восток учит: «Прежде, чем сделать шаг, посмотри, где стоишь». В данном случае: «чтобы стать *лучше*, чем я есть, надо сперва узнать – *каков* я есть». Но зеркала, где бы отражалась наша моральная физиономия, не существует, а обратить *добровольно* внимательный непредубежденный взгляд внутрь себя, к своей шкале жизненных ценностей – охотников, прямо скажем, не так уж много. Еще меньше тех, у кого *увиденное* вызовет неподдельную брезгливость и глубокую неприязнь к самому себе. Ведь не каждый так образцово строг в нравственной самооценке, как, к примеру, Пушкин:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю…

И уж совсем единицы тех, кто возненавидит свое убогое, зоологическое «я» до такого накала, что решится «очеловечить» его, очистить от скверны. Так что возникновение желания критически «прочитать жизнь свою», порожденное

некоей вспышкой самосознания (да еще в условиях, противных тому), сегодня – маловероятно, и прежде всего – из-за никчемной вероятности самой вспышки.

Сегодня человек весьма болезненно реагирует даже на легкие замечания извне. А уж попытка, мягко говоря, припечатать его «фасадом к столу», разумеется, вызовет у него взрыв «благородного» негодования. Зато он *чисто по-человечески (!)* (ведь безнравственному-то животному сие чувство не ведомо!) радуется, тайно или явно, когда подобной моральной экзекуции подвергают другого человека, особенно – антипатичного ему. Или же совершенно спокоен, до безразличия.

В моей работе в роли такого «другого человека», своего рода козла отпущения, выступает человек условный – *среднестатистический,* что в какой-то степени должно ослаблять напряжение мнительного читателя а. Это не слепок с конкретной личности, а собирательный негативный портрет, каждая черта которого высвечивается только в определенной жизненной ситуации, при исполнении человеком определенной социальной или нравственной функции.

Я понимаю, что эта однозначно непривлекательная фигура будет воспринята все же по-разному. Вполне возможно, что читатель, который смотрит на сучек в глазе брата своего, а бревна в своем глазе не чувствует (образ из Мф. 7,3), не заметит плевел в своей шкале жизненных ценностей и, отбросив чтиво, самоуверенно заявит: «*Это* ко мне не относится!

Я – *не таков!*» Что же, отрицательный результат – тоже результат. Однако вполне возможно и другое.

Поскольку условный образ *среднестатистического* человека, главного героя данной книги, по своей логической сути есть соединение (в неких соотношениях) образов множества реальных людей, постольку вполне вероятно, что существует читатель, которому в этом одиозном портрете почудится отдаленное сходство с собой по многим параметрам или бросятся в глаза некоторые «родственные» черты и «родимые» пятна».

Подвести человека к подобному открытию, хотя и неприятному, но безусловно полезному, и есть *цель* данной работы.

Теперь перед личностью (уже не среднестатистической!), получившей начальные знания о том, *какой я есть,* открываются два пути, о которых говорил Христос в Мф. 7,14: либо «в жизнь» – духовно-нравственная эволюция; либо «в погибель» – духовно-нравственная деградация. Третьего *на рубеже эпох* не дано.

С выбором – *какими* вратами, то есть в качестве *кого*, входить в новую эпоху, пусть решает каждый, памятуя при этом, что «каждому же из нас дана благодать» (Еф. 4,7), но и судим будет «каждый по делам своим» (Отк. 20,13). Вот и все! Остальное – в книге (кое– что!) и за ее пределами (безгранично!).

От «Троичности вокруг нас» до «Шкалы жизненных ценностей»

Данная работа изначально предполагалась как заключительный (четвертый) раздел изданной в 2006 году книги «Троичность вокруг нас».

Однако по ряду причин издать пришлось только три раздела, объединив их в книгу с упомянутым выше названием, а четвертый раздел, в связи с его значительным объемом и разноплановой тематикой, издать отдельной книгой с названием «Шкала жизненных ценностей».

В результате такого разрыва в работе читателю, не имеющему возможности ознакомиться с предыдущей книгой, затруднительно установить их органическую связь, без чего теряют смысл авторские ссылки на предыдущую работу. Для восполнения этого пробела, хотя бы частично, я счел необходимым кратко изложить отдельные положения «Троичности», имеющие непосредственное отношение к темам настоящей работы.

Хотелось бы обратить внимание читателя на следующее: апеллируя к Библии, взятой мною в качестве «опорного» источника информации, я цитирую библейские стихи – аргументы, как правило, в полном объеме. Тем не менее для лучшего уяснения их связи с излагаемым материалом я реко-

мендую читателям, особенно тем, для кого Библия является малознакомой книгой, перечитывать не только эти стихи, но и смежные с ними непосредственно в тексте Библии.

* * *

Концептуальным положением предыдущей работы является гипотеза, сводящаяся к предположению, что земная жизнь каждого человека есть неповторимая форма участия его в *божественном эксперименте.* (Идея, имеющая нечто общее с данной версией, высказана, например, в книге «Священная загадка»: «Вся христианская теология основана на принципе воплощения Иисусом Бога на земле; Бога, проводящего личный эксперимент в человеческих условиях» [53], с. 295). Заключается же он в том, что в мир, функционирующий лишь по законам инстинктов, Творец внедряет существо – человека, в которого *наряду с инстинктами* вживляет и *механизмы управления ими*. Взаимоотношения человека с этим миром и себе подобными существами являются предметом пристального интереса Творца. Но *какими* будут эти отношения, *каким* станет со временем сам человек – Всевышний не знает: будучи Всемогущим, Он *не является Всеведущим.* Творец может уничтожить водным потопом (Быт. 6-8) сотворенный Им мир, но Он не способен предвидеть даже ближайшее, а уж тем более отдаленное его будущее. Примеров тому в Библии более чем достаточно. Творец не является Гарантом безошибочности собственных прогнозов и заявлений. Он не знает заведомо, как поведет

себя лучшее из Его творений даже в Раю и уж тем более – за его пределами, поэтому и проводит с целью углубленного изучения человека бесконечные серии наблюдений за его мыслями, словами и поступками в задаваемых Им жизненных ситуациях. Бог, действительно, пытается поднять тот самый камень, который создал Сам.

Информация, полученная в результате такого изучения, служит «справочным материалом», крайне необходимым Творцу для повышения вероятности Его дальних и ближних прогнозов, касающихся человека, и подготовки для него новых индивидуальных программ. Так что, «небесная история и небесная судьба человека предопределяют земную судьбу и земную историю человека» [11], с. 35.

Как известно, достоверность результатов статистического метода, лежащего в основе божественного эксперимента, тем выше, чем больше единичных наблюдений задействовано в нем. В данном случае – чем больше «просмотренных» Творцом индивидуальных человеческих жизней. (Кстати, уже одно это условие делает невозможным физическое бессмертие, которое, в соответствии с христианской традицией, якобы было предназначено человеку изначально при его сотворении. Каждому человеку, участнику божественного эксперимента, определена индивидуальная жизненная программа, рассчитанная на *конечный* временной интервал, по прошествии которого дальнейшее пребывание человека на Земле становится нецелесообразным с позиции Творца-экспе-

риментатора). Таким образом, человек необходим Богу в не меньшей степени, нежели Бог человеку. «Потому что, если есть тоска человеческая по Богу и ответом на эту тоску является откровение Бога в Человеке… то есть и тоска Божья по человеку… тоска по любимому и любящему *в свободе* (курсив мой – *Г. М.*) и ответом на эту тоску – рождение человека в Боге» [11], с. 45.

Однако эксперимент Творца – не хаотическое нагромождение бесчисленных единичных опытов, – это сложнейшая система предопределений, в которой каждому индивиду задана целевая программа на весь период его земной жизни. Бесцельно живущих, лишних (по обывательским оценкам) людей в божественном эксперименте просто не существует, ибо в каждом человеке, даже преступнике, сокрыт образ Божий (Быт. 1,27). «Этот «образ» отразился главным образом в троичности (триединстве) человека и его природы» [1], с. 12. Согласно 1Фес. 5,23, человек есть и дух, и душа, и тело во всей целости, освященной во всей полноте самим Богом мира.

Опираясь на это весьма важное утверждение апостола Павла, правомерно сделать следующий вывод: расхожее мнение, будто бы в человеке уживаются *две* противостоящие друг другу сущности, два его непримиримых «Я», верно лишь отчасти – победителя в этом извечном противоборстве определяет *третья* сущность, *третье* человеческое «Я», исполняющее роль третейского судьи. В трехплановой струк-

туре человека – это душа, средний план триады, на который воздействуют «снизу», со стороны физического плана, животные инстинкты человека, а «сверху», со стороны плана духовного, механизмы управления этими инстинктами. Оценив доводы обеих сторон (сразу или в результате долгих и мучительных колебаний), наш третейский судья принимает решение в пользу *одной* из них, ибо компромиссное решение, непосредственно примиряющее в человеке духовное и животное начала, просто невозможно. «Не можете служить Богу и маммоне», – утверждает Христос в Мф. 6,24. Но каким бы ни было конкретное судейское решение, оно в любом случае должно быть независимым, свободным от любого давления извне, в том числе и божественного.

Для обеспечения этого условия Творец наделяет «подопытного» человека *свободой воли* (в разумных, с божественной точки зрения, пределах, конечно), то есть способностью и правом принимать вполне самостоятельные решения в ситуациях выбора, троичного по своей структуре. Образно говоря, Творец обозначает на душевном плане человека зону, в которую не вхож даже Он Сам! В силу этого свобода воли обретает статус внутренне присущего человеку качества, становится одним из неотъемлемых признаков божественного *образа* в человеке. Господь Бог может уничтожить человека, но свободу воли в человеке – никогда. (Послепотопное обновленное человечество, как следует из Библии, сохраняет тем не менее старые допотопные корни в лице уже обладав-

ших свободной волей Ноя и его сыновей). В противном случае эксперимент утратил бы генеральную идею и, как следствие, всякий смысл, ибо человек стал бы послушной игрушкой в руках Творца.

Что же касается божественного *подобия*, то его, по первоначальному промыслу Творца, человек также должен был получить при сотворении (Быт. 1,26). Однако реально Бог создал человека лишь «по образу Своему, по образу Божию» (Быт. 1,27), представив ему возможность обрести богоподобие, опираясь на уже полученную свободу воли. Эту возможность наши библейские прародители реализовали в эдемский период своего бытия, преступив божественный запрет на вкушение плода, несущего в себе *знание добра и зла.* Таким образом, знание добра и зла есть *первый и полноценный* плод свободной воли человека. В Быт. 3,22 Господь Бог, обращаясь к неизвестным нам горним силам сразу же после грехопадения Адама, заключает: «Вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло». Естественно, речь идет только о знании *критериев* добра и зла, общих признаков того и другого. Неведомое же Творцу безграничное многообразие конкретных форм добра и зла должно раскрываться поэтапно в процессе Его длительного эксперимента с человеком.

Соединенные в одной личности врожденная свобода воли и благоприобретенное знание основ добра и зла делают эту личность способной к творческой деятельности, что в основном и составляет содержание понятия «богоподобие». *Со-*

творчество Бога-Творца и творца-человека проявляется в процессе божественного эксперимента как форма специфических взаимоотношений Дающего и Принимающего. Причем и Бог, и Человек отдают и воспринимают *одновременно,* ибо только при этом условии можно осуществить стабильный информационный взаимообмен.

Обретение знания добра и зла через вкушение запретного плода послужило для Творца критерием готовности людей к участию в эксперименте на проклятой Им земле. Внешним же мотивом, *поводом* к изгнанию, согласно библейской версии (Быт. 2), послужило злостное нарушение человеком божественной заповеди, за что он, разумеется, и должен был понести заслуженную кару свыше. Эту версию разделяют все христианские конфессии.

Однако божественный эксперимент с человеком по замыслу Творца и должен был проводиться на земле, а не в «раю на земле». В Быт. 2, 4-5 прямо говорится, что на определенном этапе сотворения неба и земли еще «не было человека для возделания земли». (В этом, как видим, и состояла его главная миссия). Поэтому изгнание человека из Эдема не есть нечто, *непредвиденное* Творцом на первой, эдемской стадии Его эксперимента. Нет! Это начало *плановой* божественной акции – троичного разделения единого, синкретического мира на мир божественный (горний), мир тварный (дольний) и мир человека, связующего в силу своей троичной структуры эти миры.

Посредническую миссию Человека, живущего одновременно в двух мирах, образно изложил Г. Р. Державин:

Я связь миров повсюду сущих;
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих;
Черта начальна божества;
Умом громам повелеваю.

«В Библейской мифологии рассказывается и о земной исторической судьбе человечества, и о небесной судьбе; грани между небесным и земным оказываются стертыми… Первый этап земной судьбы человечества зарождался на небе, зарождался в какой-то духовной действительности…» – писал Н. А. Бердяев [11], с. 34.

Конечно, Творец мог бы (ведь Он – всемогущ!), создав человека, *сразу же* разместить его во всеоружии знаний добра и зла непосредственно на земле, а не вводить его предварительно в эдемские испытания; и уж тем более мог безболезненно вывести его из этих испытаний, коль скоро такой экзамен был необходим. Почему же Творец не следует этим, безболезненным для человека путем?

Дело в том, что Господу Богу необходимо не просто внедрить человека в земные условия и не просто удалить его из Эдема, а проделать это в форме *карательной акции*, возло-

жив на человека груз *вины* перед Богом-экспериментатором! Этот божественный гнет должен породить в человеке постоянно действующий фактор страха пред Господом: «Господа, Бога твоего, бойся и ему одному служи» (Втор. 6,13). Чувство вины и страх перед наказанием за нее призваны ограничивать свободу воли человека, не давать ей расширяться беспредельно, до размеров свободы воли Творца. Вина в «первородном грехе», *проникшая* в сознание и чувства человека, используется Творцом как вожжи для управления экспериментом, обеспечивая надежную и долговечную связь Творца с Его творением.

Каков же в конечном счете «личный багаж» наших прародителей, с которым они прибывают на проклятую Богом землю, где все надо начинать с нуля? Он состоит из трех компонентов образа и подобия Творца: троичной структуры человеческой природы, свободы воли, знания добра и зла. Синтез этих качеств есть первичное, изначальное условие для самостоятельной творческой деятельности в троичном мире Земли. (В этом мире «мы находим три главных царства, а именно: царства минеральное, растительное и животное» [2], с. 43). Поскольку человек троичен по своей природе, постольку и мир, созидаемый им, оказывается неизбежно троичным по структуре и организации. Образно говоря, все, к чему человек ни прикоснется, становится троичным: повседневные ситуации, любовь, искусство, взаимоотношения и т. д.

О *триединстве* природы человека как отражении образа Бога уже говорилось со ссылкой на Библию и примечания пастора Ч. И. Скоуфилда [1], с. 12.

Свобода воли – это свобода выбора любого из возможных решений проблемы, не обусловленная нравственными нормами. Это свобода на внешнем, проявленном плане бытия.

Знание добра и зла – это индивидуальный набор нравственных критериев – эталонов, с которыми мы сравниваем и по которым оцениваем критически или самокритически мысли, слова и поступки как свои, так и других людей. Это знание человеком границ *морально приемлемого* в пределах дарованной ему свободы воли; это лимит свободы внутренней, непосредственно влияющей на границы свободы внешней.

* * *

И свобода воли, и знание добра и зла как свойства человеческой природы, несмотря на их противостояние, *по сути* исходят из одного Источника – от Бога. Поэтому человек как участник божественного эксперимента поставлен на земле в рамочные условия: с одной стороны – это должна быть независимая, инициативная, творчески самостоятельная личность, способная пополнить базу данных «божественного компьютера» ценной, оригинальной информацией; с другой стороны – эта личность не должна быть самоуправляемой настолько, чтобы разорвать узы «раба божьего», пренебречь божественным водительством. И только сов-

мещение *обоих* граничных условий делает человека участником эксперимента, руководимого Творцом.

Однако Творец во имя чистоты эксперимента начинает его, последовательно апробируя каждое условие в отдельности. Сперва Он предоставляет человеку практически неограниченную свободу воли, корректируемую лишь единственной и к тому же обобщенно сформулированной нравственной заповедью. Я имею ввиду обращение Господа к Каину – первому рожденному *на Земле* человеку: «Если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» (Быт. 4,7). И все – практически больше *никаких* нравственных ограничений и конкретных духовных ориентиров Творец не устанавливает человеку вплоть до исхода избранного Им народа из египетского рабства.

К чему же в конце концов привела человека столь длительная личная свобода от нравственных ограничений? К беспредельному моральному разложению.

Как и следовало ожидать, человек не стал господином своего греха. Скорее, наоборот – грех до такой степени обуял людей, что возникла реальная угроза срыва божественного плана. Тяжелый, насквозь пропитанный грехом человек под весом этого греха отпадает от Бога *естественным образом* и, следовательно, выбывает из участия в божественном эксперименте.

Если же учесть, что в таком растленном состоянии пребывает вся земля, и «что всякая плоть извратила путь свой

на земле» (Быт. 6,12), то становится вполне очевидным, что Творец-экспериментатор рискует остаться в скором времени вообще без участников, точнее – без объекта своего эксперимента. Спасти человечество, погрязшее в грехе, уничтожить грех, не уничтожив его носителей, теперь уже не под силу даже Богу, и Он, *по-человечески* раскаявшись, что в свое время создал человека (Быт. 6,6), истребляет физически (водами потопа) всех людей; правда, за небольшим исключением. Каков же его смысл?

Дело в том, что Свой эксперимент Творец прервать или начать заново не может, второго сотворения мира и человека не будет, и поэтому Он сохраняет для послепотопного продолжения эксперимента допотопные корни человека в лице одной семьи, способной «господствовать» над грехом – праведника Ноя и его ближайшей родни. Это образцовые, по мнению Творца, допотопные родоначальники послепотопного человечества: «И благословил Бог Ноя и сынов его, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. 9,1). (Творец ошибся в предположении, что у праведного отца неизбежно должны быть столь же праведны и его сыновья. Кстати, как следует из Быт. 9,20, Творец ошибся прежде всего в выборе коренной личности, праотца «обновленного» человечества – Ноя).

Обращает на себя внимание тот факт, что и *до* потопа, и по его *окончании* Творец делает Себе одно и то же признание: «… все мысли и помышления сердца человеческого были

зло от юности человека и во всякое время» (Быт. 6,5; 8,21). Иными словами, зло неистребимо (можно лишь научиться подавлять его проявление, то есть господствовать над ним), и, следовательно, неизбежно переходит по наследству в сердце послепотопного человека от старых, допотопных носителей этого сердечного зла.

Созерцательная по своей природе тактика невмешательства Бога в дела людские и неограниченная никакими жесткими моральными нормами свобода воли человека привели последнего к убеждению, что «все можно!» Гордыня (самый страшный грех в христианской традиции) до такой степени переполнила людей, что они вознамерились добраться до Бога, построив «себе башню высотою до небес», и сравняться с Богом, «сделав себе имя». Таким образом, божественный эксперимент снова на грани срыва! На этот раз Бог не уничтожает людей (Творец клялся Ною в Быт. 8,21 не уничтожать более род людской), а только рассеивает их по всей земле и смешивает языки «так, чтобы один не понимал речи другого». (Следствием этой божественной акции стали в дальнейшем кровопролитные войны на религиозной и межнациональной почве.)

Итак, *первое* условие участия человека в божественном эксперименте (свобода воли) апробировано Богом сполна и в «чистом виде» – без малейшего давления на волю человека. Какие же изменения претерпела структура человеческой триады в период разгула ничем не сдерживаемых стра-

стей и животных инстинктов, беспредельного насыщения исключительно биологических потребностей? Она становится крайне уродливой, деформированной за счет неимоверного разрастания ее нижнего, физиологического плана. Последний гипертрофирован настолько, что практически полностью порабощает «снизу» средний душевный план триады. Заземленная душа в свою очередь превращается в верную служанку низменных страстей человека и надежную защитницу его от моральных нападок и упреков извне. Она постоянно оправдывает и даже стимулирует безудержное стремление человеческой плоти к чувственным наслаждениям и комфорту: «Живем один раз! Бери от жизни все!» Высший же, духовный план человека отделен от души и фактически атрофирован, так как не получает ни питания, ни полезной нагрузки свыше. По причине своего обескровления он, конечно, не в состоянии активно воздействовать «сверху» на душу человека и возвышать ее. Налицо угроза превращения триады в диаду «тело – душа», а точнее – в своеобразный биологический монолит, поглотивший душу (прообраз модели троичности современного среднестатистического человека!).

В итоге Творец убеждается в том, что личность, свобода воли которой не ограничена рамками знания добра и зла, то есть представлением о том, *к чему* следует стремиться и *от чего* уклоняться, обречена на духовную, а затем и физическую деградацию.

* * *

Приступая к апробированию *второго* необходимого условия (знание добра и зла), открывающего человеку доступ к участию в божественном эксперименте, Творец, как и на предыдущем его этапе, прежде всего обеспечивает чистоту опыта. С этой целью Он отсекает первое условие – свободу воли человека – и навязывает ему Закон, знание которого *приравнивает* к знанию добра и зла. При этом ревностное и пунктуальное соблюдение всех его заповедей считается следованием добру, а нарушение или исполнение их без энтузиазма, не говоря уж об уклонении от них, есть зло (часто наказуемое смертью). Беспредельный по охвату рассматриваемых жизненных ситуаций, этот Закон настолько мелочно регламентирует поведение каждого человека, что практически аннулирует его свободу воли и понятие «индивидуальность».

Если на предыдущем этапе эксперимента границы ненаказуемости за греховные мысли, слова и поступки были бесконечно широки, то теперь, когда «законом познается грех» (Рим. 3,2), а «грех есть беззаконие» (1Ин. 3,4), ненаказуемости *как понятия* уже не существует. Наказание за беззаконие, будучи *незыблемой* нормой самого же Закона, становится просто неизбежным. Если до Закона набор жизненных ценностей человека представлял собой плод (хотя и весьма недоброкачественный) его личной воли, то с введением Закона – это уже плод воли Бога, навязанный человеку.

На данном этапе божественного эксперимента резко расширяется состав его участников: теперь это не отдельные личности или отдельные семьи, а отдельный, специально созданный народ – Израиль. Этот экспериментальный народ, сведенный Творцом воедино из двенадцати еврейских племен (колен израилевых) и выведенный из египетского плена, должен только чтить единого Бога и, следовательно, жить в русле Его закона. Иными словами, множество бывших рабов египетских должно теперь стать единым, многоликим *рабом божьим.* И вместе с тем – элитной «силовой структурой», *бичом божьим* в отношении других народов (Втор. 7,6). Эта модель предварительно отрабатывается на аборигенах «земли обетованной» – ханаанеях, уничтожение которых инспирируется Самим Творцом: «И истребишь все народы, которые Господь Бог дает тебе; да не пощадит их глаз твой» (Втор. 7,16).

Бог воспитывает Свой народ по системе «кнута и пряника». С «кнутом» все ясно – это животный страх перед жестоким наказанием за малейшее уклонение от изнурительных требований Закона. Буквально – «шаг влево, шаг вправо – расстрел!» (Втор. 5, 32-33). А что же представлял собой «пряник»? Да все, что с Божьей помощью будет награблено и захвачено народом избранным у народов не избранных Всевышним. В качестве примера возьмем фрагмент Втор. 6, 10-12, где Моисей, харизматический лидер Израиля, с предельным цинизмом разъясняет своему народу, за

что тот должен любить Бога и быть преданным Его Закону: «Когда же введет тебя Господь, Бог твой, в землю с большими и хорошими городами, которых ты не строил, и с домами, наполненными всяким добром, которых ты не наполнял, и с колодезями, высеченными из камня, которых ты не высекал, с виноградниками и маслинами, которых ты не садил, и будешь есть и насыщаться; тогда берегись, чтобы не забыл ты Господа». (И все же, несмотря на божественные стимулы, как, впрочем, и божественные угрозы, призванные рождать и поддерживать всенародную любовь к Творцу, неблагодарный Израиль тем не менее не единожды предает своего Бога, заигрывая с «богами другими». За измену Своему культу, принимающую массовый характер, Господь отвергает от лица Своего народ, отвергший Бога, и предает его в конце концов в руки врагов на разграбление и длительное пленение.)

Попытаемся в общих чертах оценить ущерб, нанесенный каждому из планов человеческой триады на данной фазе эксперимента. Предписания Закона прежде всего поразили высший, духовный план триады: они вытеснили из него индивидуальные нравственные идеалы и насадили глобальную идею избранности на беззаветное служению Богу, воплощаемую в ортодоксальном следовании всем Его установлениям. В этом и должны состоять по Закону и высшая духовность, и высшая мудрость избранного народа.

Душевный план воспринял эту идею не «всею душою своею», а всем своим душевным *трепетом*, и не столько перед

святостью заповедей, сколько перед неотвратимостью наказания свыше за их нарушение. Иначе говоря, в душах экспериментального народа искренняя вера в единого Бога замещена ее суррогатом – трусливой религиозностью. Страх же рождает отчаяние, под влиянием которого человек способен сойти с «путей добрых», уклониться от «стезей праведников» (Прит. 2,2). Таким образом, налицо связь духовного и душевного планов, определяемая притчей Соломона: «Начало мудрости – страх Господень» (Прит. 1,7).

Нижний, физический план триады находится, как уже отмечалось, под мощным влиянием безнравственных стимулов, поощряющих хищнические инстинкты и желания.

Таким образом, душа «сына израилева» подвержена как устрашающему воздействию «сверху», так и растлевающему воздействию «снизу», что делает ее чрезвычайно капризной и агрессивной.

В результате триада обретает настолько уродливую форму, а сердце человека ожесточается *против Бога* до такой степени, что Творец, вопреки клятвенным обещаниям, порывается даже уничтожить народ «жестоковыйный» и произвести народ от нового образцового родоначальника – Моисея. Однако благодаря дипломатическим способностям последнего этого не происходит (Исх. 32). Но в дальнейшем Господь все же значительно сокращает численность избранного народа, сведя количество участников Своего эксперимента к минимуму, возвращенному Им из вавилонского пле-

на.

Этот остаток экспериментального народа, жестоко подавляемый на своей исторической родине «слугами божьими» – жрецами и учителями Закона, спасается от окончательного духовного вымирания только благодаря активному вмешательству *Высших Сил* в эксперимент Творца материального мира. Миссия Христа – Спасителя *духовной* сущности в человеке органически связана с Его спасительной же функцией на этапе *физического* сотворения человека. (Необходимую информацию об этом космическом процессе читатель найдет в апокрифе Иоанна [29] и в статье В. Филимонова «Образ порядка» – журнал «Наука и религия» № 10-92 г.)

Явление Христа – Доброго Пастыря деградирующему людскому стаду знаменует собой начало *третьего* этапа божественного эксперимента, объемлющего в конечном счете *все* человечество, всемирный народ («нет ни Еллина, ни Иудея, ни… варвара, Скифа… но все и во всем Христос» – Кол. 3,11) и длящегося по *сей* день («и се, Я с вами во все дни до скончания века» – Мф. 28, 19-21). Однако прежде чем говорить об особенностях третьего этапа, подведем краткий итог первым двум.

* * *

Итак, вполне очевидно, что ни одно из двух условий, рассмотренных выше, *само по себе* не способно решить главную проблему – сделать человека сотворцом Бога.

Несмотря на принципиальное различие целей и методов

эксперимента на первом и втором его этапах, нравственные портреты людей, сформировавшиеся на каждом из них, имеют единую определяющую черту – *бездушие*. В первом случае доминируют бездушные эгоисты, во втором – бездушные формалисты. И те и другие одинаково *бездуховны*: у первых духовный план – чистый лист, а у вторых – хранилище, до отказа забитое устрашающей мелочно-формальной информацией.

Вероятно ли, чтобы в такой изуродованной триаде, которая и *человеческой*-то может быть названа лишь с большой натяжкой, возникло хоть какое-то поползновение к творчеству? Отрицательный ответ вполне очевиден, но ведь способность именно к творческой деятельности является главным признаком богоподобия. Следовательно, на втором этапе созревает угроза исчезновения богоподобия в человеке, а затем – и самого человека как объекта дальнейшего эксперимента Творца. Спасению *гармонии* божественного образа и божественного подобия в человеке и посвящена вся земная жизнь и крестная смерть Христа.

Третий этап характеризуется функционированием *обоих* «базовых» условий, открывающих человеку шанс стать Человеком. По существу, именно этот этап и правомочно считать *экспериментом* как таковым, ибо человеку впервые была дана возможность *выбора* для себя доминирующих жизненных ценностей как духовно-нравственных, так и материальных, находящихся подчас в противостоянии к

первым. Эпизод с богатым юношей, возжелавшим обрести жизнь вечную, наглядно демонстрирует трудность такого выбора (Мф. 19, 16-22).

Христос не отрицает Закона: «Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или пророков» (Мф. 5,17), но наряду с этим Он утверждает нравственный приоритет Своих заповедей, заповедей любви, категоричным противопоставлением: «А Я говорю вам» (Нагорная проповедь в Мф. 5). В итоге духовный план «сына израилева», доселе заблокированный догмами Закона, открывается Истине, то есть о*бретает свободу*: «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8,32). Свобода же в сцепке с познанием истины (знанием добра и зла) предопределяет творческое начало в человеке, что и является доминирующим признаком его божественного подобия.

Нравственные ориентиры, устанавливаемые Христом, в отличие от заповедей Закона не подавляют свободы воли человека, не ущемляют его права выбора пути. Христос лишь расставляет *приоритеты* по степени их значимости для человека: «Дух животворит, плоть не пользует ни мало; слова, которые говорю Я вам, суть, дух и жизнь» (Ин. 6,63) и дает людям *принципы* формирования иерархии жизненных ценностей: «Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную, которую даст вам Сын человеческий» (Ин. 6,27). Однако принять ли приоритеты и принципы, провозглашаемые Христом, *как личные* или отвергнуть

их вовсе – каждый человек решает сам, в чем и реализуется дарованная ему свобода воли. В первом случае – во имя нравственного совершенствования личности, *эволюции* человеческой души через возвышение духа, во втором – во имя бездонных потребностей нижнего, биологического плана человеческой триады. «Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир», – заключает апостол Павел (Рим. 8,6).

Сошествие Бога к человеку, воплощение Сына Божьего в Сыне Человеческом («в образе Христа совершилось рождение Бога в Человеке и рождение человека в Боге» [11], с. 45) есть доминирующая идея нынешнего этапа божественного эксперимента, который вот уже более двух тысячелетий проводится под эгидой *Высших Сил* («…дана Мне всякая власть на небе и на земле», – говорит Христос ученикам в Мф. 28,18). Отныне рядом с каждым человеком, участником эксперимента, всегда, «во все дни до скончания века», стоит Учитель, невидимый глазом и неслышимый ухом, но воспринимаемый лишь чуткой человеческой душой, ибо Наставник этот есть «Дух Святой, которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам… Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Ин. 14, 26-27). Как видим, Высшие Силы, *Божественная Троица*, протягивают человеку руку помощи в реализации им индивидуальной программы эволюции. Теперь очередь за человеком, у которого есть три варианта выбора. Он

может или отринуть божественную руку в иллюзорной надежде на свои «безграничные» силы; или безвольно «повиснуть» на божественной руке, не борясь с собой и ситуацией: «Каков уж я есть, таков и есть, что будет, то и будет. Все – от Бога!» (удобная позиция, не правда ли?); или же, наконец, он может, крепко соединив свою руку с рукой Творца, стать Его сотворцом.

Без божественного участия нравственное совершенствование человека, конечно, невозможно, но и без активного устремления к этому самого человека – тоже, ибо «дорогу осилит *идущий*» (курсив мой. – *М. Г.*). Поскольку же человек в результате предыдущих этапов божественного эксперимента усвоил (и, к сожалению, в большинстве своем сохранил до сих пор!) мощный животный план, заземленную душу – его служанку и крайне низкий уровень духовности, постольку ему крайне трудно осилить, *даже* при поддержке свыше, тернистый путь эволюции. Но другого пути спасения нет, и Христос предупреждает, что только «претерпевший до конца спасется» (Мф. 10,22).

«Помоги сильному, дай богатому», – гласит восточная мудрость. Так вот, с целью выявления этих сильных и духовно богатых людей, достойных божественной поддержки в обуздании ими в сердце своем «зла от юности», и промыслен текущий этап божественного эксперимента. А дальше что? «Победивший наследует все» (Откр. 21,17), а значит – и право на следующий виток эволюции. Участь же осталь-

ных, неисправимых носителей зла, зависит от решения праведного суда Сына Божия: «И изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения» (Ин. 5,23). «Будучи звеном, соединяющим мир божественный с миром тварным, человек увлекает за собой природу в своей эволюции, Богочеловек увлекает за Собой человечество в своем восхождении к божественному миру, к которому в конце концов все стремится и в чем может осуществить свой смысл» [3], с. 133 – так формулирует доминирующую идею бытия ныне покойный мыслитель – протоиерей Александр Мень, одна из светлейших личностей ушедшего века.

Следует подчеркнуть, что хотя земная миссия Христа и реализуется только среди «овец Израилевых», *спасительная* же Его миссия охватывает все человечество. Так, в молитве за Своих учеников Христос произносит: «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их» (Ин. 17,20). И уж непосредственно перед вознесением Он назидает Своих апостолов: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16,15).

Суть божественного промысла в целом – «преображение мира, Царство Божие. А мы должны только его предвосхитить, предчувствовать» [3], с. 18. Иными словами, преображение мира должно осуществляться в *сотворчестве* Бога и человека, но начинаться – с преображения самого человека, с коренной перестройки его индивидуальной *шкалы жиз-*

ненных ценностей.

Шкала жизненных ценностей

Дух животворит, плоть не пользует
ни мало; слова, которые говорю Я вам,
суть дух и жизнь.
Евангелие от Иоанна, гл. 6, ст. 63

Совесть есть глубина личности,
где человек соприкасается с Богом.
Н.А. Бердяев

В стихотворении В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо?» крошку-сына очень интересуют вопросы, вынесенные в заголовок произведения, с которыми он и обращается к отцу. Под влиянием отеческой лекции малолетний человечек, еще едва способный хоть что-то анализировать и сравнивать, делает, тем не менее, зрелый моральный вывод: «Буду делать хорошо и не буду – плохо». Это решение есть первое достижение человека на долгом пути нравственного самосовершенствования. Что ж, «даже самая длинная дорога начинается с первого шага», – тонко замечает мудрый Восток.

В рассматриваемом стихотворении обращают на себя внимание два, на мой взгляд, принципиальных момента. Во-

первых, вполне осознанное (мы не знаем под влиянием чего), выношенное желание «крохи» стать лучше, чем он есть. Во-вторых, вера в авторитет отцовских определений относительно того, что есть «хорошо» и что – «плохо» (естественно, в терминах, доступных ребенку).

Вывод, вложенный В. Маяковским в уста «младенца, глаголящего истину», созвучен призыву апостола Петра: «Уклоняйся от зла и делай добро» (1Пет. 3,11). Но апостольская заповедь обращена все-таки не к малолетним детям, начинающим жизнь «с чистого листа», а скорее к их родителям и вообще к человеку с *уже* сложившейся нравственной ориентацией, которого не обуревают приступы детского и юношеского максимализма. Петр призывает сделать решительный внутренний шаг в направлении духовного совершенства. В сущности, это переход на новый принцип нравственного бытия, поскольку старый, воплощенный в законе Моисея, сводился лишь к тезису: «Не делай другому зла».

Однако для этого в качестве первичного условия необходимо *внутренне* же и прозреть, определиться с личными критериями добра и зла и уж только затем решать: *от чего* уклоняться и *чему* следовать.

Шкала жизненных ценностей – это детище троичной структуры человека, итог деятельности всех планов его триады. Формируется она нашим внутренним «третейским судьей» – нашей душой. Именно она устанавливает на каждом этапе жизни человека, что *лично для него* важно, а что –

нет; что следует считать ценным, а что – вредоносным или по меньшей мере бесполезным. На душевном плане производится не только анализ «содержимого» посылок верхнего (духовного) и нижнего (физического) планов, планов-антагонистов, но и сопоставление с ценностями, *уже* закрепленными в качестве эталонов на некоей разветвленной вертикали нравственных приоритетов. Эта сложная система индивидуальных эталонов правильного и неправильного, хорошего и плохого, добра и зла, являющаяся своеобразным скелетом нашей души, и есть шкала жизненных ценностей конкретной личности. На этом своеобразном каркасе и покоится набор тех самых «своих аршинов», которыми мы, согласно поговорке, меряем не только поступки человека, но и его мысли и чувства. Отношение к себе мы так же пропускаем сквозь этот оценочный частокол.

В сущности, это мощный нравственный фильтр, стоящий между общим принципом «уклоняйся от зла и делай добро» и конструктивным решением «буду делать хорошо и не буду плохо». При этом, конечно, отфильтровываются только те решения, которые не расходятся с личными эталонами того, *что* есть хорошо и *что* есть плохо. В общем и целом, это, скорее, гибкий многофункциональный рабочий инструмент, а не набор закостенелых догм.

Несмотря на индивидуальную «окраску», шкала жизненных ценностей имеет общую для всех людей структуру, отражающую троичную сущность человека. В условно-образ-

ном виде – это разветвленная вертикаль. Ее верхняя, духовная зона уготована для ценностей, воспринимаемых «органом», находящимся *вне* физического тела человека (к примеру, чувство духовного голода).

В нижней, чувственно-материальной зоне ценностной шкалы «живет» все то, что воспринимается и оценивается нашими пятью органами чувств.

Между этими крайними зонами размещается соединяющая и одновременно разделяющая их область – зона морально-нравственных ценностей, являющихся, по сути, *критериями* самого понятия – Человек. Здесь происходит сравнение, принятие в себя или отвержение ценностей, «предлагаемых» и духом, и телом. Но поскольку «плоть желает противного духу, а дух противного плоти» (Гал. 5,17), то посылки эти, конечно, противоречивы. Тем не менее они способны уживаться в едином душевном пространстве человека в бесконечно разнообразных сочетаниях.

Шкалой жизненных ценностей как индивидуальным поведенческим кодексом обладает каждый человек, но далеко не каждый способен наблюдать ее в себе, как бы со стороны, а тем более критически оценивать. Некритическое же отношение к собственным мыслям, словам, поступкам и оценкам возможностей ведет к ложному самоутверждению, гарантирующему крушение жизненных идеалов, поскольку последние не выверены как ценности. «Как ни вредно непонимание самого себя и проистекающие отсюда колебания и ча-

стые ошибки в поведении, – утверждает Л. Тихомиров, религиозный мыслитель и философ истории, – все-таки гораздо страшнее утвердиться в *ложном* понимании себя. Это ложное понимание самого себя заставит потратить бесполезно уже не какую-нибудь часть своих сил, а ложно направить *всю жизнь,* все силы, то есть уже не просто ослабить, а совершенно погубить себя» [4], с. 258-259.

Внутреннее, духовное прозрение, когда тайное становится явным, дается человеку как откровение: или внезапное, подобно озарению (например, духовное преображение Савла в апостола Павла); или поэтапное, в результате добровольного самосовершенствования – длительной, последовательной работы наблюдательного и взыскующего ума. Но в любом случае осознание себя, своей внутренней троичной природы неизбежно приведет человека к переоценке нравственных стереотипов и, как следствие, – сознательному реформированию шкалы жизненных ценностей. Однако *такое*, к сожалению, – удел очень немногих. У большинства людей самосознание, самооценка, самоконтроль и другие позитивные «само», как правило, не участвуют в формировании нравственного облика в силу того, что они успешно подавляются стабильными негативными «само»: самодостаточностью, самодовольством и даже самовлюбленностью, то есть букетом пороков, составляющих понятие «природная самость». Поэтому расстановка (перестановка) жизненных ценностей «по вертикали» у таких людей носит вынужденный характер

и обусловлена лишь возрастом и резкой сменой внешних обстоятельств: личных (семейная трагедия, ломка служебной карьеры) или общих, масштабных (война, стихийные бедствия, смена политического режима). Сознательный же, целенаправленный анализ сложившейся иерархии ценностей и, как следствие, ее корректировка подавляющему большинству людей абсолютно чужды как понятие.

Естественно, индивидуальные причины, влияющие на мобильность шкалы жизненных ценностей, впрямую связаны с последствиями общественных катаклизмов. Масштабные события, охватывающие огромное число участников (например, смена политического режима), в итоге формируют определенный ценностный императив, который выдается за *общественную* шкалу жизненных ценностей. Он насаждается в сознание людей посредством СМИ, реклам и других методов пропаганды. Навязываемые эталоны ценностей, в том числе и моральных, чаще всего противоречат устоявшимся, зафиксированным на *индивидуальной* ценностной шкале. Происходит болезненная ее деформация, ломка стереотипов добра и зла, разочарование в моральных устоях, считавшихся доселе непогрешимыми.

Все это – на земле: внешне все земные события вершатся, казалось бы, умами и руками людей. Однако во всем происходящем сокрыт промысел Божий: пришло время радикального изменения условий божественного эксперимента. Время на *стыке* его этапов (допустим, социализма и российско-

го неокапитализма) и представляет наибольший интерес для Творца. Ведь главное, что изначально неведомо Господу Богу – это характер взаимодействия между плотской (прахом земным) и духовной (дыханием жизни) составляющими человека, души живой (Быт. 2,7). В переходные периоды эксперимента эти начала интенсивно сталкиваются друг с другом, выдавая новую для Творца информацию. Следовательно, шкала жизненных ценностей участника эксперимента во многом есть продукт условий, в которые он помещен Экспериментатором.

Образно говоря, индивидуальная шкала жизненных ценностей – это изначально чистый лист *постоянных* размеров, соответствующих формату жизненной программы конкретной личности. Ясно, что при *таком* условии введение в него новых ценностей не беспредельно. Придет время, когда оно может состояться лишь за счет вывода ценностей уже внесенных. Нельзя к тому же расширять одновременно духовно-нравственную и материально-чувственную зоны шкалы. Душа, наш третейский судья, не может раздвоиться в окончательном выборе доминанты ценностей, ибо «никакой слуга не может служить двум господам… Не можете служить Богу и маммоне» (Лк. 16,13). Например, в Мф. 19, 16-22 богатый юноша испытывает почти физические муки перед выбором, предложенным Христом: либо духовное совершенство ценой отказа от богатств земных, либо их сохранение ценой отречения навсегда от благ небесных.

Такой подход имеет место, скорее, как мировоззренческая позиция. Но в повседневно-бытовом аспекте все гораздо проще и даже примитивнее. Дело в том, что шкала жизненных ценностей, будучи детально развернутой «мелкозернистой» структурой, вместе с тем не имеет достаточно четких границ: представить себе пределы ее размытого контура совершенно не возможно. Да и надо ли? Ведь, работая с ней как с *поведенческим кодексом*, мы обращаемся, как правило, лишь к сравнительно узкому наработанному кругу ценностей, входящих в нее. (Примерно так заурядный фотолюбитель пользуется лишь минимумом возможностей из числа заложенных в дорогом фотоаппарате.)

Кстати, большинство людей живет по нескольким одинаково ценным для них, но разным по назначению сводам моральных норм: для себя (как должно мне относиться к другим); для других (как должно им относиться ко мне); для третьих лиц («вот, я бы на их месте…»). Это не двойные стандарты нравственных ценностей, как принято считать, а кривое толкование одних и тех же понятий.

* * *

Понятие «ценность», входящее в субъективную систему, составленную по принципу шкалы (от меньшей значимости к большей или наоборот), относится, естественно, к категории добра. Однако главной добродетелью является, на мой взгляд, способность человека ненавидеть зло и противостоять ему. По словам Н. Г. Чернышевского, «добро не возмож-

но без оскорбления зла» (Цит. по [39], с. 226).

Итак, добро, *искусственно* сведенное человеком в систему жизненных ценностей, противоборствует *врожденному* злу, живущему в человеке «от юности его» и «во всякое время». Полем сражения является душа человека; цель сражения – подчинение ее, нашего третейского судьи, хотя бы частично и на время, своему влиянию. Так что, знание добра и зла, полученное в раю в виде сокрытых критериев, человек расширяет и углубляет в процессе их активного противостояния на проклятой Богом земле. Этим же неисчерпаемым источником информации пользуется и Творец-экспериментатор, пополняя Свои знания о человеке. Для расширения Своего арсенала Он периодически вмешивается в ход эксперимента, изменяя и дополняя его условия. Следовательно, в шкале жизненных ценностей человека наслаиваются устойчивые признаки минувших этапов божественного эксперимента. Обратимся к одному из них.

Ранее говорилось, что в целях повышения эффективности управления избранным народом, Бог в свое (ветхозаветное) время решил тщательно нивелировать шкалу жизненных ценностей всех «сынов израилевых». Заблокировав в человеческой триаде ее высший, духовный план и выхолостив из него *индивидуальные* представления человека о том, *что* есть добро и зло, Творец вменил людям единый Закон – развернутый поведенческий кодекс, который предписывал им под страхом смерти чтить только единого Бога; в отноше-

нии же людей достаточно вполне не мстить и не иметь «злобы на сынов народа твоего». В целом – это и есть добро *по Закону*.

Понятие же «добро» как благое деяние, *мотивированное любовью*, естественно, не могло стать нормой Закона, ибо последнему было чуждо само понятие «любовь». (Сказанное вскользь в Лев. 19,18: «Люби ближнего твоего, как самого себя» звучит совершенно нелепо в контексте всего Закона, основанного на страхе пред Богом, Который узурпировал по праву сильного абсолютно всю человеческую любовь. Что же может дать *при этом* человек – человеку? В лучшем случае – только не причинять ему зла). Исключив из буквы и духа навязанного Закона добро как понятие, Творец отрезал тем самым человеку путь к духовно-нравственному совершенству, по существу, обезглавил шкалу его жизненных ценностей. Резкое сокращение в ней зоны добра привело к сильному расширению зоны, *нейтральной* в отношении как добра, так и зла. (В иных условиях эксперимента – это естественный буферный участок шкалы, разделяющий добро и зло, где размещены ценности, не обладающие явно выраженными свойствами ни того, ни другого, разросшийся теперь до необычайных размеров.) На шкале морально-нравственных ценностей общества в целом со временем образовалось обширное пространство равнодушного потребления материальных благ, в котором все *нравственные и духовные* ценности неминуемо обезличиваются, «теряют в весе», растворя-

ются, становясь не просто излишними, но подчас и вредоносными для психологии его обывателя. Единственными ценностями в этой обширной и бездушной зоне признаются, а потому усиленно насаждаются в умы и души людей, лишь ценности чувственные или же откровенно зоологические (в человеческой упаковке, конечно). Иными словами – ценности, адаптированные к потребностям нижнего физического плана человеческой триады, все более вырождающейся в уродливую диаду.

Прямое злодеяние в нейтральной зоне запрещено тем же Законом, но вполне допустимо косвенное – как *следствие* разрешенного неделания добра. А добро как таковое здесь выступает в относительной форме, ибо оно сводится не к *благодеянию*, а всего лишь к *уклонению от злодеяния.* Это неизбежно приводит к изменению морального климата общества, понижению «средней температуры» общения его членов. Теперь каждый из них всего лишь «тепл, а не горяч, и не холоден», по определению Христа в Откр. 3,16.

Лишь благодаря животворящей миссии Высших Сил, реализуемой Христом в эпоху Рыб, разблокируется духовный план триады, реанимируется его способность воспринимать благотворную энергию свыше. Инъекции этой исцеляющей энергии в душевный план неизбежно вызывают пусть и слабое, но просветление плана душевного и, как следствие, – очищение души от привычного страха перед законом. Это в свою очередь ослабляет ее привязанность к темному фи-

зическому плану с его низменными животными инстинктами. Начинается одухотворение души, длительный и трудный процесс спасения, а затем и гармонизации человеческой триады, что, по словам А. Меня, и означает Воскресение [3], с. 12.

Духовная встреча человека с Богом стала возможной благодаря нисхождению Бога на доступный для человека уровень, где он способен воспринимать Бога всем сердцем, душой и разумением своим. Сын Божий воплощается в Сына Человеческого, чтобы донести до людей исти-ну на *человеческом* же языке (примерно, как мудрый отец «крохи» у В. Маяковского разъясняет сыну «что такое хорошо и что такое плохо» в сравнениях, доступных малолетнему ребенку).

В результате переоценки ценностей приоритетными объявляются ценности *духовно-нравственные,* главной из которых признается *Любовь* – постулат, провозглашенный Самим Спасителем: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас» (Ин. 15,12). Причем на самый высокий ценностный уровень Спаситель возносит *самопожертвование*: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13). В принципе же любое добродеяние, независимо от его масштабов и последствий, это всегда жертва, всегда отдача. Итак, формируется высший уровень нравственной зоны шкалы жизненных ценностей – уровень любви и добра, а шкала в целом вновь обретает явно выраженную троичную структуру.

В этой организации ее нравственно нейтральная зона, разделяющая ценности духовного и материально-биологического свойства, хотя и несколько сужается за счет относительного расширения верхней зоны, но остается все же несоизмеримо шире последней. Естественно, *в такой* условно нейтральной зоне душа человека считаться нейтральной может тоже лишь условно: испытывая влияние ценностей противоположного свойства, она тяготеет к тем, которые ей ближе, к которым, как говорится, душа лежит. К каким же? Перенесемся в день сегодняшний.

* * *

Несложные наблюдения как за реальными живыми людьми вокруг нас, так и за людьми на телеэкране, убеждают нас в том, что в большинстве своем люди или не имеют даже зачаточного представления о духовных ценностях, или же откровенно, а подчас и весьма цинично, отвергают их в пользу ценностей материально-биологического свойства. Так что сегодня человек воспринимает мир как существо в большей степени зоологическое, нежели духовное. «Современная цивилизация является цивилизацией инстинкта», – заявил патриарх Кирилл в телепередаче «Слово Пастыря» от 9 января 2011 г. Исчерпывающая формулировка!

Еще две тысячи лет назад Христос призывал сравнительно небольшую аудиторию слушателей Нагорной проповеди: «Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель и многие идут ими; пото-

му что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 13-14). С тех давних пор врата, «ведущие в жизнь», значительно расширились, но многие тем не менее не вписываются в них. Сегодня всем без исключения доступны и развернутые в Евангелиях нравственные ориентиры, и пути восхождения к ним, но следует ими подавляющее меньшинство. Формальное же признание Христовых заповедей без веры в них, без осмысления их лишь усугубляет грех. «Если бы Я не пришел и не говорил им (народу – *М. Г.*), то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем», – говорит Христос Своим ученикам (Ин. 15,22). Слова Учителя остаются актуальными в полной мере и для наших современников.

Тенденция к восхождению человека в зону любви и добра, не говоря уж о самих духовных акциях, просматривается слабо. Но, справедливости ради, следует заметить, что и к падению в нижнюю зону, зону откровенно животных стереотипов поведения, тяготеют не столь уж многие людские души, хотя последних все же несоизмеримо больше, нежели душ, восходящих к духовным идеалам.

Подавляющее же большинство людей, в том числе и формально *относящих себя* к христианам, то есть носящих нательный крестик с распятием и залетающих изредка в храм, нравственно пребывает в той зоне ценностной шкалы, где, как уже говорилось, человек обязан уклоняться от злых деяний, но вовсе не обязан вершить деяний добрых. Однако в

силу закона энтропии *такое* пассивное кредо само по себе не способно *в принципе* удержать людскую массу на фиксированной нравственной высоте, спасти человека от неминуемого сползания к нижнему биологическому уровню мировосприятия.

Для предотвращения неизбежного угрожающего смещения вниз человеку необходимо устремиться вверх, навстречу Высшим Силам, преодолевая, по выражению Николая Рериха, «серого дракона повседневности», «земные нагромождения» и «монотонность обыденности», т.е. духовную инертность нейтральной зоны. Об этой зоне и ее обитателях и будет идти речь в дальнейшем. Здесь уместно оговориться, что все рассуждения, связанные с понятием «человек», подразумевают среднестатистическую личность. Это своего рода среднее арифметическое из огромного количества отдельных личностей. В силу самого принципа усреднения среднестатистический человек, естественно, не похож ни на одно из «слагаемых», конкретную живую личность, и в то же самое время унаследовал черты каждой из них.

* * *

Непричинение зла как нравственное требование, освященное Творцом, легло в основу человеческого общежития, стало главным принципом, регламентирующим взаимоотношения людей в течение нескольких тысячелетий, включая и наше время. Ведь и современный Закон, как и Закон ветхозаветный, перебирая подробно потенциальные злодеяния,

определяет и соответствующие наказания за их совершение. Добродеяние же не является законодательной нормой, если это, конечно, не входит в профессиональные обязанности человека, например врача, и, будучи акцией добровольной, свершается по *закону совести*. Но последняя является весьма «дефицитным продуктом» (в пределах нравственно нейтральной зоны, конечно), вследствие чего обрести ее способен далеко не каждый человек. Поэтому добродеяние, будучи уделом высоконравственных одиночек, *в принципе* не может носить массового характера. Проведя параллель с известной притчей Христа (Лк. 10,30), можно сказать, что добрых самарян вокруг нас – единицы, зато священников и левитов – подавляющее большинство.

Непричастность к злу, а *не причастность* к добру принимается ныне за высшее нравственное достижение на ценностной шкале личности, служит мерилом «непогрешимости», источником душевного *само*успокоения, надежным доводом в *само*оправдании. Обратите внимание, как растерянно реагирует подчас один человек на холодность или неприветливость другого: «Не понимаю, ведь я не сделал ему ничего *плохого*». А причина отчуждения кроется, вероятнее всего, в том, что один человек не сделал другому ничего *хорошего*, когда последний очень нуждался в этом. Согрешил ли тем самым человек или нет? С позиции апостола Иакова – да: «Итак, кто разумеет делать добро и не делает, тому грех» (Иак. 4,17). А кто *не разумеет?* Тому достаточно про-

сто уклоняться от зла, чтобы чувствовать себя праведником.

Обуздание зла, коренящегося «в сердце человеческом от юности его», можно и нужно признавать добром, духовной победой, если только она одержана не под давлением животного страха перед суровостью наказания за свершенное зло, а в результате того самого разумения.

Вытеснение альтруизма как морального принципа за рамки древнего Закона, породившее необязательность содеяния добра, обернулось в последующем трагедией для человечества. Бездушное отношение к себе подобным надежно разъединило людей. «Это – твои проблемы» – таков типовой приговор нашим надеждам на помощь и сочувствие, выносимый теми, кто должен возлюбить ближнего как самого себя. Интересно, что моральных норм как таковых общество формально не отрицает. Но, право же, впечатление такое, будто оно сохраняет их лишь для *издевательства* над ними же! Чаще – откровенно грубого, но подчас – и утонченно циничного.

Однако самоустранение от добродеяния становится совершенно аморальным явлением, когда откровенный воинствующий эгоизм переходит в свою высшую стадию – эгоцентризм и становится *естественной* психологической нормой, «узаконенной» нравственной меркой. Он все более подрывает духовно-нравственные основы бытия. Но пока что человек еще удерживает себя, хоть и с трудом, в придонном слое нейтральной зоны. Пока что даже его оскотинива-

ние носит в целом *человеческий* характер. По крайней мере, методы надругательства личности над личностью чаще носят словесную форму. Впрочем, звериные разборки и другие животные формы насилия уже не редкость.

Говоря о ценностной шкале моих соотечественников, необходимо учитывать, что помимо тех воздействий, о которых уже шла речь, она претерпела за короткий срок, соизмеримый с человеческой жизнью, два диаметральных преобразования, связанных с коренным изменением условий божественного эксперимента.

В первом случае – ликвидация в стране частной собственности, питательной среды самости – источника всех низменных пороков человека, сердечного «зла от юности его», и, как следствие, создание условий для возрождения и развития индивидуальных качеств, возвышающих человека над зоологическим миром. Моральные нормы и требования, распространяемые на всех, были кодифицированы и заявлены публично в Моральном кодексе 1961 года, основу которого составлял видоизмененный религиозно-нравственный закон времен Моисея. Условия божественного эксперимента советского периода в целом согласованно поощряли духовно-нравственное начало в человеке и сдерживали начало зоологическое: аморальность и безнравственность были наказуемы.

Во втором случае – реставрация «священной» частной собственности в самой ее отвратительной и унизительной

форме, уничтожившей все моральные нормы и нравственные завоевания предыдущей фазы эксперимента. Маятник божественного эксперимента качнулся в обратную сторону, всесторонне потворствуя животному началу в человеке, умножая меру «зла во всякое время». Каков же Высший промысел этого возврата в прошлое?

«Всего лишь» в проверке *крепости* нравственных устоев, обретенных участниками эксперимента в условиях его советского периода. Если те условия вынуждали многих людей соблюдать нравственную благопристойность, то нынешние – *провоцируют* их на попрание нравственных ценностей во имя ценностей материально-чувственных. Многие ли устоят – сие неведомо даже Творцу, и Он создает более суровые условия для отделения «злых из среды праведных» (Ин. 13,49), «как пастырь отделяет овец от козлов» (Ин. 25,32). Так подвергается божественной ревизии в канун новой эпохи, эпохи Водолея, *ожидаемо* устоявшаяся шкала жизненных ценностей каждого (не среднестатистического!) человека.

Как известно, самое темное время бывает перед рассветом. Но если рассвет связывать с наступлением эры Водолея, то следует признать, что время торжества мракобесия пока еще не отступило. Скорее наоборот. Под покровом кромешной нравственной тьмы совершается самое страшное: фронтальное порабощение духовного плана животным планом бытия, эксплуатация ценностей духа ради безмерного

насыщения прихотей плоти. Причем этой экспансии «снизу» человеческая душа (точнее, человеческое малодушие) скорее способствует, нежели препятствует. Но «какая польза человеку, если он приобретает весь мир, а душе своей повредит?» – вопрошает Христос в Мк. 8,36. Да, действительно «мы живем обычно какими-то поверхностными слоями нашей души и сознания» [23], с. 155, причем в режиме самоликвидации личности (в том числе – и физической).

Духовные ценности (к примеру, духовные знания), если они не переходят в ценности духовно-нравственные, в *Духовность,* не укрепляют и не расширяют «слои» душевного плана – ничего не значат. Состояться как индивидуальность (не личность!) мы можем только, подключив наш истощенный душевный запас к ценностям Духа. Лишь духовностью, «живущей» в нашей ценностной шкале, мы индивидуальны: разновысоки и разноглубинны. На уровне же инстинктов и биологических потребностей, в какие разные одежды и оболочки их ни ряди, мы абсолютно одинаковы как стадо. «Взятое в массе, человечество представляет собой скопище существ низких, эгоистов, стоящих выше животного только в том одном отношении, что их эгоизм более обдуман, чем у животного» [42], с. 356.

Безусловно, «тот, кто теряет нравственные ценности, теряет все» [10], с. 49, в том числе и человеческий облик. Но начинается потеря этого «всего» с утраты нами ценностей «со стажем»: наработанных веками и записанных в обоих За-

ветах, а кончается – *естественным* сближением с «братьями нашими меньшими». Будучи всеобщими, ценности эти тем не менее сугубо индивидуальны по принадлежности. К примеру – наши предки, неуважение к которым, по выражению Пушкина, «есть первый признак дикости и безнравственности» [46], с. 335.

Место пятой божественной заповеди на шкале жизненных ценностей

Почитай отца твоего и матерь твою, как повелел тебе Господь, Бог Твой, чтобы продлились дни твои, и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.
Второзаконие, гл. 5, ст.16

Между дедом и внуком

Поскольку заповеди Закона даны для предупреждения, вскрытия и исцеления недугов в человеческом общежитии, постольку напрашивается вывод, что в целом отношение к предкам в среде библейского Израиля нуждалось в серьезной коррекции Свыше. Даже во времена апостола Павла, когда возраст Закона перевалил за полтора тысячелетия, проблема почитания родителей, судя по 1Тим. 5,4, оставалась еще весьма актуальной: «Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они пусть прежде учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям, ибо сие угодно Богу».

Исполнение человеком Пятой заповеди осуществляется

под непосредственным воздействием Высших Сил, которые:

во-первых, пробуждают в нем *осознание необходимости* почитать родителей. (Так, в Мф. 15, 4-6 Христос жестко упрекает фарисеев, которые, издеваясь над Пятой заповедью, приносят в дар Богу то, что отнимают у своих родителей);

во-вторых, обогащают душевный план человека энергией *Любви к ближнему,* сконцентрированной в заповедях Христа. (Например, в Мф. 19,19 Христос сводит воедино две заповеди: почитания предков и любви к ближнему).

В конечном счете все это должно привести к тому, чтобы формальное требование Пятой заповеди ветхозаветного закона, исполняемое сегодня «за страх, а не за совесть», трансформировалось в *потребность души* человека. Однако очень уж различны и переменчивы эти самые души людские, в то время как ответственная миссия потомков не должна зависеть от их прихотей и эмоционального состояния.

Стабилизировать функцию «почитай» можно, лишь разделив ответственность за ее исполнение между чутким подвижным душевным планом и устойчивым, основанным на стабильных природных инстинктах, планом физическим. С этой целью Высшие Силы методично воздействуют на последний через обогащаемый Ими духовный план и душу, *теперь уже* не чуждую любви к ближнему. В результате целенаправленного, «точечного», воздействия духа и души (сознания и чувств) на нижний, биологический, план в течение

длительного времени, функция заботы о предках закрепляется в нем на правах *врожденного* качества, то есть становится, как и забота о потомстве, *органически* присущей биологическому плану человека.

Таким образом, в целом инстинкт продолжения и сохранения рода человеческого реализует себя двояко. В заботе о потомстве – как инстинкт животный, в заботе о предках – как инстинкт собственно человеческий. Их гармоническое сосуществование – одно из условий эволюционного продвижения человека к понятию – Человек.

Если животный инстинкт в человеке узаконивается заповедью: «Вы же плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по земле и умножайтесь на ней» (Быт. 9,7), то сугубо человеческий инстинкт, дремлющий в нем «до времени», побуждается к действию Пятой заповедью. Это единственная предписывающая и первая из шести заповедей Декалога, регламентирующих межчеловеческие отношения. Остальные же табуируют преступные действия человека (убийство, ложь, воровство и др.).

* * *

Присутствие в организации человека двух «попечительных» ветвей обусловлено его троичной природой, а точнее – наличием в ней плана духовного наряду с планом физическим. Соединяет эти ветви общий ствол – душа человека. В семейно-родственной сфере эти две ветви представляются как две ипостаси (сына и отца) одной и той же личности,

через которую не только реализуется родственная связь деда с внуком, но и, что самое главное, устанавливается *духовная* связь трех поколений. Этим обеспечивается преемственность моральных установок от самого старшего – к самому младшему. Следовательно, почитая своих родителей, человек передает «пример, достойный подражанья» своим детям, чем и гарантирует себе счастливое долголетие – «чтобы тебе было хорошо, и чтобы продлились дни твои на земле». Таков очевидный подтекст заповедей Исх. 20,12. Однако в ней присутствует и сокрытый смысл.

Предположим, что у человека нет детей, или в силу ряда причин они не почитают его. Тогда, спрашивается, во имя *чего* он должен обеспечивать условия комфортного существования своим престарелым родителям? Почитать их, не способных нередко к элементарному уходу за собой? Всячески продлевать их долголетие? Каков вообще для всех нас и каждого из нас, независимо от количества и «качества» потомков, *смысл долголетия* наших предков?

С биологической точки зрения обратная связь (потомки – предкам) не представляется логичной, рациональной, так как в определенной степени тормозит прогресс в развитии третьего поколения – внуков, «лишенных» определенной доли внимания и благ от своих отцов по «вине» своих же дедов. К тому же реализация этой связи создает нагрузку и на общество в целом, которое должно направлять значительные материальные средства на содержание своих пре-

старелых членов. И тем не менее Сам Творец рационального земного мира, в котором нет ничего бесцельно существующего и происходящего «просто так», обязывает человека, пребывающего в *этом же* мире, беречь своих предков и заботиться об их долголетии. С какой целью? Во имя чего?

Весьма интересно в этой связи предположение, высказанное К. Г. Юнгом: «Человек вряд ли доживал бы до 70 – 80 лет, если бы подобное долгожительство не отвечало некой цели человека *как вида* (курсив мой. – Г. *М.*). Значит, вторая половина жизни тоже имеет свой смысл и цель, а не является жалким придатком к первой. У примитивных племен, например, мы видим, что хранителями мистерий и законов почти всегда бывают старики, которые, по сути, сохраняют культуру племени. А как обстоят дела у нас? Куда девалась мудрость наших стариков? Где их тайны и сказки? У нас старики пытаются скорее подражать молодым. В Америке даже считается идеалом, если отец ведет себя как брат своих сыновей, а мать – как младшая сестра своей дочери». (Цит. по Х. Банцхаф «Основы ТАРО», М., 2000).

Высшее предназначение связи «от детей – к родителям», устанавливаемой Пятой заповедью, состоит в сохранении предков как *носителей, передатчиков и защитников* культурных, духовных и нравственных ценностей. Естественно, наибольшим багажом этих ценностей обладают наши прародители – деды и бабки. Роль вещунов, аксакалов, мудрых старцев, владеющих секретами жизни, индивидуальным зна-

нием добра и зла, опытом человеческого общежития в различных условиях, – общеизвестна, как, впрочем, и их доброта – готовность поделиться этим богатством с молодым поколением.

Этот потенциал является необходимым, но недостаточным, что мы увидим далее, условием для исполнения прародителями их *доминирующей* функции. Заключается же последняя в *нравственном противостоянии* тем реакционным силам, которые подталкивают человеческое общество к нижней зоне шкалы жизненных ценностей, пытаются заблокировать духовный план людей и тем самым стереть главное различие между человеком и животным. В наибольшей степени этому пагубному влиянию подвержена молодежь. Она более всех нуждается (хотя подчас и не осознает того) в нравственных ориентирах, носителями которых являются *не* отцы и матери, *а* деды и бабки.

* * *

Разумеется, эта специфическая, то есть сугубо человеческая, роль предков в человеческом же становлении потомков может быть эффективной лишь при достаточно продолжительной земной жизни первых. Поэтому, как уже говорилось, всесторонняя забота о сохранении предков не может не быть фактором, органически присущим потомкам. Это подтверждается и самой заповедью Исх. 20,12, точнее, ее присутствием в Законе, ибо Творец не может призывать к активизации качеств, которых Он не дал человеку при сотворе-

нии, хотя бы в зачаточной форме.

Следовательно, человек инстинктивно сохраняет себя: на физическом плане – продолжая себя в потомках, на духовном – продолжая в себе предков. Биологически взрослая личность, функционирующая одновременно в качестве отца с одной стороны и сына с другой, соединяет стабильные нравственные устои деда с изменчивыми нравственными воззрениями внука. Понятно, что для формирования полной родственной триады (дед, отец-сын, внук) и ее жизнедеятельности необходимо, чтобы дни жизни ее старшего звена продлились как минимум до обретения младшим звеном возраста «крохи» из стихотворения Маяковского, уже способного различать понятия «хорошо» и «плохо». Выполнение данного условия в немаловажной степени зависит от того, насколько глубоко *среднее звено* почитает своих родителей и активно привлекает (не принуждает!) к этому их внука. В конечном счете «почитать отца своего и мать свою» – значит сердцем воспринимать их *таковыми* до конца дней, а глазами разума видеть в них носителей великой нравственной миссии.

В этой связи, видимо, не излишним будет напомнить, что предки наши в большинстве своем люди не только весьма доверчивые, но и легкоранимые. Так что неосторожная ложка дегтя может испортить бочку меда.

Давайте представим или вспомним себя в роли юбиляра, которого за праздничным столом гости горячо почита-

ют и торжественно заверяют в своей пылкой любви и железной надежности. Но проходит юбилей, приходят будни, иллюзии рассеиваются, и в ваше настроение, такое радужное еще в недавнем прошлом, вкрадывается разочарование. Вы осознаете, что людская любовь и надежность имеют короткую жизнь, не превышающую продолжительности юбилейного банкета. Вероятно, нечто подобное испытывают и наши предки, когда вместо *обоснованно* ожидаемого и даже обещанного почитания они сталкиваются, мягко говоря, с несколько иным отношением к ним их же «благодарных» потомков.

А как же человеческие инстинкты, призванные защищать «старого и малого»? К сожалению, дают сбой. Даже материнский инстинкт живет далеко не в каждой женщине. Всем нам неоднократно рассказаны и показаны ужасающие примеры преступного равнодушия и даже садистской жестокости некоторых матерей в отношении своих детей. Так стоит ли на подобном фоне вести речь еще о *каком-то* непочтительном отношении потомков к предкам? На мой взгляд – стоит, ибо подрыв этой обратной связи приведет в конечном счете к тому, что мир людей навсегда утеряет право называть себя *человеческим обществом*. Признаки подобной перспективы налицо. Попробуем усмотреть их в некоторых ситуациях, ставших, к сожалению, привычными для нас.

Пятая заповедь в пределах диады-семьи

На вологодском рынке, на виду у милиции, то есть вполне законно, долгое время располагался прилавок скупщика… боевых орденов и медалей, о чем и гласило крупно написанное объявление. Факт, конечно, гнусный, но омерзение вызывает не столько сам грязный бизнес или безнравственность властей (к этому все и давно привыкли), сколько степень морального падения тех, кто сдает в продажу эти реликвии. Ведь происходит все это в пределах родственной триады: торгуют-то героическим прошлым своих предков их же родные сыновья и внуки! Почитать предков – значит почитать их, даже ушедших из жизни. Следовательно, подобная сделка не становится менее грязной оттого, что законного обладателя боевых наград уже нет в живых (чем чаще всего и пытаются оправдать свои поступки продавцы дедовских и отцовских наград), скорее – наоборот. Если Пушкин признавал дикостью забвение заслуг наших предков, то чем же тогда следует считать торговлю этими заслугами, попытку потомков материально обогатиться за счет этих заслуг? Подобные морально преступные сделки совершаются, как это ни печально, не только в Вологде, но и в других городах, и даже в столице нашей Родины. Куда же дальше? К сожалению, есть куда.

Кто не слышал о брошенных на произвол судьбы родите-

лях и бросивших их туда родных детях? Все истории, связанные с этим, имеют нечто омерзительное общее, и в то же время каждая из них отвратительна по-своему. Кстати, *так* почитают отца своего и мать свою нередко люди просвещенные, образованные и даже неплохо знакомые с Библией, а значит – и с заповедью Исх. 20,12. Коротать «почтенную» беспомощную старость в казарме для престарелых или же в одиночестве отходить в мир иной на своей законной жилплощади при наличии здравствующих и благоденствующих детей – становится, к сожалению, уделом все большего числа «почитаемых» предков. (На какой же уровень почитания надо, к примеру, возвести родную мать, чтобы вынудить ее психологически преодолеть себя и потребовать от сына или дочери через суд средства для своего физического выживания!) Да и тем везучим родителям, которые формально не одиноки, не всегда бывает уютно в доме своих взрослых детей и их «вторых половин». Эти благодетели создают подчас такой морально-психологический климат в общей семье, что предки, чувствуя себя обузой, начинают подумывать вслух о приюте для престарелых, не встречая при этом особого возражения со стороны потомков. Что может быть обиднее для отца и матери?

Воистину блаженны родители, почитаемые не только при жизни, но и по уходе из нее. Каждому посещающему кладбище знаком, конечно, лаконичный текст эпитафий, начинающийся словами «Дорогому», «Любимому», «Незабвенному»

и заканчивающийся клятвенными обещаниями усопшему: «Память о тебе будет жить вечно в наших сердцах», а ниже – перечень признательных потомков и родни. Но время, как известно, притупляет остроту переживаний, а у некоторых потомков – заодно и память о «незабвенном» предке. Свидетельством тому служат далеко не одиночные, но очень уж одинокие могилы. Заросшие бурьяном выше ржавых и покосившихся оград, с облезлыми надгробиями и потускневшими табличками: «Спи спокойно…» (и верно – спокойней уж некуда) – эти забытые родственниками могилы воспринимаются как немой укор, как пощечина тем, кто когда-то клялся чтить до конца своих дней память усопшего. Поблекшие от времени эпитафии читаются как злая насмешка и утонченное издевательство над этой памятью, над «любовью к отеческим гробам».

Охватить все формы того, что можно условно назвать антиподом почитания предков, конечно, невозможно. Это уродливое разнообразие имеет широкий диапазон проявления: от предательского равнодушия до открытых оскорблений и даже агрессивности. В большинстве своем эти формы достаточно откровенны, их цинизм очевиден.

Однако некоторые, дальновидные, потомки умело маскируют свой эгоизм и потребительское отношение к предкам тем, что оказывают им мелочное, незначительное внимание прилюдно, при надежных свидетелях. Даже если *истинная* цель такого почитания ясна и отцу, и матери, все равно при-

ятно, когда соседи и знакомые принимают все это за «чистую монету». Завидуя счастливым родителям, они ставят их потомка в пример своим непочтительным чадам. Но рано или поздно все тайное становится явным. Правда, смотря для чьих глаз.

Читателю, естественно, знакомы ситуации, когда так называемая забота о человеке может быть настолько унизительной, что лучше бы ее не было вообще. Подобное нередко случается и в пределах родственной диады. Здесь забота такого рода нередко выступает в «специфической» форме почитания предков, за которой скрывается глубокое непочтение к ним. Причем, настолько глубокое, что его не видят (или не хотят видеть?) ни почитатели, ни почитаемые. Я имею в виду широко бытующую практику дарения родителям старых домашних вещей, ставших ненужными в результате приобретения новых. В самой замене, предположим, очень старого телевизора, имеющегося у родителей, на старый, но не очень, предлагаемый им детьми, есть, конечно, рациональное зерно, но, к сожалению, нет зерна нравственного. Это пример почитания предков по *остаточному* принципу: «На тебе Боже, что нам негоже». Ясно, что такого рода «детская хитрость», будь она сполна оценена родителями *нравственно*, не могла бы не оскорбить их достоинство. Ведь меркантильное желание детей настолько прямолинейно и очевидно, что попытка выдать его за почитание и заботу, казалось бы, никак уж не должна укрыться от строгого

всепроницающего родительского взора. И тем не менее это только «казалось бы» и «не должна». На деле же все гораздо проще и потому отвратительнее рядового лицемерия. Безнравственность поступка состоит в том, что сын, дочь или их спутники жизни *искренне верят* в подачку «от щедрот своих» как в *благодеяние* (ведь она же, действительно, в какой-то степени улучшает быт родительского дома) и столь же искренне считают, что *такого* уровня заботы вполне достаточно. Поэтому элементарная мысль купить новый телевизор сперва родителям, а потом уж себе – им совершенно чужда. И даже если бы эту рекомендацию они и услышали от кого-либо, то сочли бы ее, вероятнее всего, явной нелепостью. Как видим, почитатели не находят бестактности в своем дарственном жесте, но способны ли увидеть ее почитаемые? Конечно нет (по крайней мере – в большинстве известных мне случаев), ибо родители *уже* пережили эту стадию «бесхитростного» детского эгоизма, и памятуя о нем, на многое теперь не рассчитывают. Однако и мотив поступка детей, и реакция на него родителей – это скорее следствие, нежели причина. Последняя же состоит в том, что и дети, и родители пребывают в одной и той же, нейтральной, зоне шкалы жизненных ценностей. В ней делание добра (жертвенность) не является обязательным нравственным требованием, а «естественный» эгоизм не является неотъемлемым признаком безнравственности. Растворяясь в повседневности, сливаясь с ней, он становится совершенно невидимым

для большинства людей. Поэтому в рассмотренной ситуации, где имеет место всего лишь *иллюзия* благодеяния, обе стороны пребывают в состоянии слепого душевного комфорта: дети довольны собой, а родители – детьми.

Почитание предков – это специфическая область взаимоотношений, где жесткий эгоизм человека, «зло от юности его», укрощаемый божественным предписанием, смягчается, становится менее активным. В результате возникает тип поведения, который условно можно назвать *пассивным* эгоизмом. В отличие от воинствующего эгоизма, *нарушения* Пятой заповеди носят здесь характер уклонения от нее, а не *противостояния* ей. Это поведенческие *нормы* священника и левита, но не разбойника из притчи Христа о добром самарянине (Лк. 10).

Воинствующий же эгоизм в семейно-родственной сфере – это преступный набор, включающий в себя и словесные оскорбления, и физические издевательства, и даже убийство родителей, настойчиво препятствовавших добровольному схождению сына или дочери в нижнюю зону шкалы жизненных ценностей, т.е. превращению человека в звероподобное существо. Что можно сказать о носителях этого зла из всех зол? Честно говоря, теряюсь… Ветхий Завет, давший миру десять общеизвестных нравственных заповедей (в том числе и заповедь о почитании предков), гласит: «Кто ударил отца своего или свою мать, того должно предать смерти», и более того: «Кто злословит отца своего или свою мать, того

должно предать смерти» (Исх. 21, 15,17).

Вероятно, меня упрекнут в том, что я составил мозаику, в которой нет ни одного светлого фрагмента. Неужели все так мрачно в сфере почитания родителей и абсолютно нет положительных примеров, достойных того, чтобы о них хотя бы упомянуть? Конечно есть, и я лично знаю многих образцовых дочерей (сыновей, правда, в меньшей степени), самоотверженно относящихся к своим старым и больным матерям.

Но ведь это же – *нормально!* Так *должно быть!* И вряд ли следует петь дифирамбы человеку за его приверженность нормам закона, за их неукоснительное исполнение (в данном случае – Закона нравственного). Уверен, что никому не придет в голову хвалить вас только за то, что вы до сих пор не убили ни одного человека и не ограбили ни одной квартиры.

Мне неведома статистика положительных и отрицательных примеров почитания; возможно, что первых намного больше, но вторые-то, тем не менее, имеют место в жизни вокруг нас, и я для наглядности собрал их в букет. По возможности я буду и в дальнейшем придерживаться этого принципа: «коллекционировать» отклонения от моральных норм, заповеданных Библией или традициями, установленными на основе ветхо– и новозаветных нравственных предписаний.

Пятая заповедь в пределах родственной триады

На предыдущих страницах почитателями предков выступали в основном их родные сыновья и дочери. Иными словами, рассматривалась диада «родители – дети». Но поскольку у этих сыновей и дочерей вполне могут быть и свои дети, постольку встает вопрос о почитании в пределах родственной триады: дед – отец (сын) – внук. (Для примера мною выбрана мужская триада, хотя все рассуждения в равной степени относятся к триадам женской и смешанной.) Пятая заповедь подразумевает в качестве почитаемых, конечно, не только родных отца и мать, но и предков более старых, и поколения старших вообще. Примером тому может служить обращение апостола Павла к толпе: «Мужи, братия и отцы!» (Деян. 22,1).

* * *

В характере взаимоотношений деда и внука роль человека, представляющего среднее звено триады, является *определяющей.* Семейная функция его исключительно сложна: он должен одновременно почитать родителей и растить сына, что, естественно, требует разделения сил, времени и средств. Однако наиболее трудно выполнимой является третья задача – *соединить духовно* деда и внука.

Родственная триада в общем случае – не семья, не «пер-

вичная ячейка общества». Это скорее материально-бытовой и духовно-психологический союз представителей трех поколений, связанных узами прямого родства. Члены этого союза могут проживать как совместно, в составе единой сборной семьи, так и быть разбросанными в пределах города, региона или значительно дальше, что затрудняет их внешнюю взаимосвязь. Однако это никогда не станет причиной разрыва внутренних связей триады, если ее среднее звено, бывшее звеном младшим в диаде «отец – сын», успешно справится с возросшими психологическими нагрузками. Ведь почитать отца своего ему теперь придется на *глазах у своего сына,* который естественным образом возьмет на вооружение все отцовские промахи и достоинства.

Таким образом, среднее звено своим поведением задает стереотип отношения сына к отцу и внука к деду. Казалось бы, человек, остающийся сыном и одновременно становящийся отцом, должен осознать эту *двойную* миссию, что, в свою очередь, должно сказаться на форме и содержании почитания им своих родителей. Практика взаимоотношений отцов и детей при переходе от диады к триаде действительно изменяется, но редко – к лучшему для старшего звена триады. Даже не выходя из круга лично знакомых мне людей, могу предположить, что детей производят на свет Божий нередко в качестве «подарка» для бабушек (в большей степени) и дедушек. Думаю, что в этом допущении я не одинок: образцов откровенно потребительского отношения к ним со сто-

роны молодых мам и пап существует великое множество. Кому, например, неизвестны факты преждевременного увольнения с работы молодых еще бабушек, жертвующих грядущей пенсией во имя детей, дабы последние не теряли *свою* работу? Правда, иногда в обмен на эту жертву дети обещают родителям пожизненное безбедное существование. Но даже если обещание это и выполняется, то обретают родители именно существование, и не более того, поскольку с потерей материальной независимости неизбежно утрачивается и независимость моральная, право голоса, даже – совещательного. А это – самое страшное для старшего звена родственной триады, чего не понимает и, вероятно, никогда не поймет ее эгоистичное среднее звено. Надежда на его *внезапное* озарение – маловероятна, попытка же пробудить совесть и сознательность в великовозрастных детях – заведомо обречена на неуспех.

Еще пребывая в составе диады, многие сыновья и дочери *уже* были искренне убеждены в том, что их мамы и папы не имеют абсолютно никакого права на свою личную жизнь, интересы и вкусы; что *все это* есть объект безвозмездного пользования, безраздельно принадлежащий им, детям. Но ведь к такому откровенно эгоистическому убеждению подвели детей именно их родители! Те самые любвеобильные мамы и папы, которые самозабвенно исполняли роль *инициативных* вышколенных слуг при своих прихотливых избалованных чадах и готовы были распять себя на кресте сле-

пой родительской любви! Так что, не дети *узурпировали* право отца и матери на личную жизнь, а родители сами, *добровольно,* отказались от этого права в пользу детей. Что же оставалось делать последним? Естественно, принять родительский дар в вечное пользование. Так стоит ли теперь, когда образовалась родственная триада, появился внук, требующий немалого внимания к себе, говорить о каком-либо почитании родителей? Стоит! И не только родителей, но и прародителей, потому что внучек незаметно достигает возраста любознательного «крохи» из стихотворения В. Маяковского. А достигнув его, что сможет увидеть этот наблюдательный ребенок?

* * *

Увидеть он сможет многое, но на выводы из увиденного им всегда будет влиять позиция родителей, которая выглядит достаточно противоречивой: с одной стороны – острая потребность в повседневной помощи бабушек и дедушек, с другой – болезненное ее восприятие. Выражается это в форме *беспомощного гонора*, демонстрируемого, к примеру, заносчивой дочерью – мамой, дополнившей семейную диаду до триады. Помощь любящей бабушки жизненно необходима – это хорошо понимает неопытная молодая мать. Но играть унизительную, как ей кажется, роль «второй скрипки» в отношении *своего* же ребенка – это выше ее сил. Таким образом, возникает напряжение во взаимоотношениях старшего и среднего звеньев триады, создаются конфликтные си-

туации. Однако интересы ребенка все же доминируют в сознании молодой матери, и она, здраво рассудив (возможно, совместно со своим прагматичным спутником жизни), уступает «почитаемой» бабушке. Что же именно? Право исполнять рутинную повседневную работу по уходу за ребенком, максимально ограничив при этом ее роль в воспитании и развитии внука. Иной матери ничего не стоит в его присутствии грубо оговорить бабушку, указать ее место, цинично высмеять духовные ценности, старательно прививаемые внуку. Впрочем, это далеко не все, что сохранит на всю жизнь цепкая память ребенка, входящего в возраст соображающего «крохи»! Так создаются первичные условия для нравственной аберрации будущей личности.

Данная тема требует особого рассмотрения, так как последствия преднамеренного духовного разъединения старшего и младшего звеньев усилиями среднего звена выходят далеко за пределы отдельно взятой триады, обретая общечеловеческое значение. Но вернемся, однако, к рассмотрению темы почитания предков. Вот, например, частный, но далеко не редкий случай.

Спрашиваю как-то свою «безработную» соседку, у которой, как я успел заметить, внук буквально днюет и ночует, где его родители. «В отпуск уехали, – отвечает эта добрая женщина, – они же (родители мальчика) много работают, им ведь надо и отдохнуть!» Что ж, не согласиться с этим нельзя. «А вам-то с мужем они когда-нибудь по-настоящему отдох-

нуть предлагали?» – интересуюсь я. «Нет, но ведь мы же и не работаем, мы же дома сидим», – последовал ответ. Трудно сказать, чего в ее словах было больше: искренней убежденности в том, что подобное домоседство не дает права на отдых? скрытой иронии в адрес «заботливых» детей? или наоборот – попытки защитить своего, всегда и во всем правого, ребенка (даже великовозрастного) от подозрений в эгоизме? Но то, что в этих словах ощущалась какая-то скрытая *безысходность,* было несомненным. Казалось, со мной разговаривала не глубоко почитаемая мама и бабушка, а содержанка, еще не отработавшая свой кусок хлеба. Думается, что моя бывшая соседка отнюдь не единственная «осчастливленная» мать и бабка.

Однако отсутствие должного материального комфорта не столь мучительно переносится прародителями, как дискомфорт моральный, душевный. Вот где наши предки по-настоящему несчастны! Даже если им обеспечено вполне приемлемое материальное бытие, они тем не менее чувствуют изжившими себя, совершенно ненужными, когда их откровенно изолируют от жизни духовной. Старшее звено родственной триады воспринимает менее болезненно намеки на старость физическую, хотя и это оскорбительно само по себе, нежели на старость моральную и отсталость духовную. К тому же среднее звено, а благодаря ему и младшее, как правило, не намекает, а оскорбительно, открытым текстом указывает старшему его «законное» место. Чего стоят, напри-

мер, «деликатные» просьбы – не лезть не в свое дело или не совать в него свой нос, воздержаться от советов и рекомендаций, попридержать язык. Я уже не говорю о том, что старших в триаде предков при каждом удобном случае обличают в устаревших взглядах на жизнь, старомодных вкусах, отживших нравственных нормах, общей отсталости и т. п. Короче – «ваше время истекло, кончайте разговор». Часто и, главное, охотно ли присутствуют внуки на семейных, безусловно, еще где-то сохранившихся праздниках в честь деда или бабки? И наоборот – являются ли последние желанными (чуть было не написал – почетными) гостями за столом в день рождения внука? Не думаю, что *такое* – сплошь и рядом, равно как и семейные советы с участием прародителей. К сожалению, стараниями родительского звена все это давно стало анахронизмом.

До тех пор, пока внук пребывает в возрасте внучка, опекаемого своими прародителями, он непроизвольно испытывает на себе моральное воздействие последних, причем независимо от того, нравится ли это его родителям или нет. Но все преходяще, в том числе и этот *благодатный* для внука период. Далее подросток будет нравственно формироваться уже под влиянием его родителей, школы, улицы и, главное, средств массовой информации, ничего не имеющей общего с добрыми сказками детства или телепередачей «Спокойной ночи, малыши!». Тем не менее если в поведении сына или дочери со временем проявятся какие-либо тенденции, насто-

раживающие родителей, то кого они обвинят в этом прежде всего? Конечно, все тех же многострадальных бабушку и дедушку, испортивших внука. Удобная позиция, не правда ли? Найден козел отпущения, а значит, и ответ на вопрос: «Кто виноват?» Установлено главное – «Мы не виноваты!». А вот ответ на второй извечный вопрос: «Что делать?» – найти сложнее.

* * *

Взрослея, младшее звено родственной триады все менее нуждается в биологической заботе старшего звена, а последнее становится все менее способным такую заботу проявлять. Наконец, приходит время, когда судьбу их взаимоотношений в решающей степени станут определять стратегическая линия и тактические действия среднего звена, ибо оно может или способствовать *духовному* воссоединению старшего и младшего, или активно препятствовать этому. В последнем случае стар и млад неизбежно отчуждаются, но уже не только в масштабе родственной триады, а в пределах триады поколений, ибо в сознании молодого звена отчуждение к своим старикам неизбежно экстраполируется на всех пожилых людей вообще.

В границах же родственной триады, где среднее звено старательно разводит старших и младших по разные от себя стороны, лишь *создается условие* для обширного антагонизма: глубокое равнодушие, глухое безразличие внуков к самому факту существования родных деда или бабки. Формируются

эти качества в душе подростка благодаря неосознанным, а значит, и неконтролируемым раскольническим (иначе не назовешь) действиям его родителей. Эта порочная модель родственных отношений, к сожалению, становится нормой, которую пытаются «по-семейному» объяснить. Но ее роковые последствия станут видимыми через много лет.

К примеру, мама «хорошего» мальчика хочет всего лишь, чтобы в триаде, а точнее, в собственной семье, царили мир и спокойствие. Для этого необходимо по возможности учесть и заблокировать все потенциальные источники тревоги, один из которых видится ей в лице бабки, уже не первый год живущей отдельно. Дело в том, что доверительные беседы с ней по темам, касающимся проблем любимого внука, постепенно изжили себя, и, следовательно, никакой информацией о нем находящаяся в изоляции бабушка уже давно не располагает. Естественно, что при внеплановой встрече с внуком она попытается восполнить этот информационный пробел, задавая множество «неудобных» вопросов и вынуждая внучка отвечать на них. Да еще начнет учить, как надо жить! Естественно, мальчик нервничает и с нетерпением ждет конца свидания. Узнав об этой «беседе» из жалобы сына, взволнованная мама, стремясь обезопасить беззащитное дитя, выдает ему соответствующую инструкцию.

Смысл ее сводится к трем позициям: по возможности избегать встреч с «любимой» бабушкой; не болтать ничего о своей личной жизни и жизни семьи, если уж такая встреча

паче чаяния состоялась; не брать в голову ничего из сказанного человеком, безнадежно отставшим от жизни и, возможно, не совсем здоровым (читай – выживающим из ума). Все – круг замкнулся, и прародитель, так нужный еще недавно, теперь не вхож в семью даже условно. Младшее звено триады усилиями среднего оказалось надежно изолированным от старшего.

Вполне очевидно, что морально-этические нормы, реально действующие в пределах родственной триады, по существу, дискредитируют пятую божественную заповедь, выхолащивая из нее нравственно-духовную сущность. Недальновидные действия среднего звена обусловлены все тем же «нормальным» и «естественным» эгоизмом, порожденным слабоуправляемым природным инстинктом защиты потомства. Видимо, и к таким людям можно отнести слова Христа: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23,34). Так *что же* все-таки они делают? Следующая тема представляется попыткой ответить на этот вопрос, а главное – сформулировать далеко идущие последствия этого делания.

Пятая заповедь вне пределов родственной триады

В общем случае, то есть в приложении ко всему обществу, пятая заповедь подразумевает в качестве почитаемых «отца

твоего» и «матери твоей» не конкретных родителей или прародителей, а *их* поколение. Она регламентирует взаимоотношения поколений – вообще старшего и вообще младшего.

В людском море вокруг нас все родственные триады разрознены и перемешаны. Повседневно взаимодействуя с разными людьми, мы вступаем в контакт с фрагментами этих триад, их отдельными звеньями, ибо все мы чьи-то дети, родители, прародители.

* * *

Троичность возрастных слоев нашего человеческого окружения вполне очевидна: в нем есть люди и старше, и моложе нас. Все мы поодиночке входим в состав того или иного возрастного звена огромной человеческой триады. Следовательно, и тип взаимоотношений между этими звеньями просто не может быть в принципе иным, нежели между членами отдельно взятой *родственной* триады: то же безразличное отношение младшего звена к старшему и та же неприглядная роль в этом среднего звена. В общем, все то же, но только в большем масштабе и худшем проявлении. Если в пределах родственной триады родители иногда назидают ребенка почитать *своих* деда и бабку хотя бы в рамках элементарной вежливости, из приличия, то вне родственной триады те же родители категорически препятствуют ему делать это в отношении *чужих* прародителей.

Я как-то наблюдал в троллейбусе сценку, когда крепенького мальчугана, сидящего рядом с мамой, кто-то из пассажи-

ров попросил уступить место престарелой женщине. И мальчик уж было встал, но тут раздался грозный окрик мамы: «Сиди, у тебя такой же билет, как и у нее!» Я не выдержал и заметил маме, что билет у ее сына, действительно, такой же, но возраст несколько иной; ответом меня не удостоили, возможно, что и к лучшему. Конечно же, мамин урок мальчик взял на вооружение и, конечно же, будет им успешно пользоваться на протяжении всей своей жизни. А сколько еще таких бабушек и дедушек пострадает в будущем от «благоприобретенного» хамства тольк*о одного* человека! Но сейчас речь идет не о социальных далеко идущих последствиях поступка матери, а о его примитивной биологической сущности.

Как и любая самка, мать ребенка в силу природного инстинкта стремится обеспечить своему детенышу максимальный комфорт, пусть и на короткое время. Ее бездуховная душа не знает угрызений совести, ибо последняя просто отсутствует и у животного, и у человека, живущего по законам, близким к законам животного мира.

Поступок современной женщины-матери в нравственном, точнее – в безнравственном, аспекте сродни поступкам «боголюбивых» священника и левита из притчи Христа о милосердном самарянине (Лк. 10,30-32). Как и ее библейские прототипы, главная героиня троллейбусной сценки *впрямую не ухудшила* состояние человека, нуждающегося в помощи и сочувствии (вот если бы она, допустим, согнала уже сидя-

щую старушку, чтобы на ее место посадить сынка-здоровячка, тогда – другое дело). Иными словами, она уклонилась от зла, но не содеяла при этом и добра, явив тем самым образец равнодушия – естественного состояния среднестатистического обитателя нейтральной зоны шкалы жизненных ценностей.

Этот пример пассивного зла страшен тем, что иллюстрирует, по сути, *повседневную* нравственную норму, что в нем нет «ничего особенного». Это «особенное» обязательно испытает на себе впоследствии и общество, и любвеобильная мама по достижении ею возраста «правильной» бабушки, ибо Закон воздаяния неумолим. В формулировке Христа он гласит: «…каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить» (Мф. 7,1).

В рассмотренной выше сцене мать настраивает сына на неделание добра пока что в отношении «чужеродной» бабушки. Но, преуспев в этом, мать может пойти дальше, о чем уже говорилось в предыдущей теме. Во имя собственного душевного комфорта и, главное, комфорта горячо опекаемого потомка она будет готова разорвать без колебаний духовную связь сына даже с *непосредственными* его прародителями!

Стоп! Еще один шаг – и мать совершит самое страшное из всего того, чего люди «не ведают, что делают». Из всех бескровных преступлений раскол триады – самое тяжкое, ибо оно направлено не против отдельного человека или отдельно взятой родственной триады, а против *человечества*. На-

сильственное разделение старшего и младшего звеньев триады, вызванное инстинктивными действиями среднего звена, препятствует воздействию Высших Сил на духовный план младшего звена. Если же учесть, что таких расколотых триад вокруг нас великое множество, если не большинство, то становится ясным, что сепаратистская роль *суммарного* родительского звена становится преступной в *космическом* масштабе, ибо тормозит духовную эволюцию целых поколений. Вот где и когда раскрывается глубинный смысл назидания Христа: «И враги человеку домашние его» (Мф. 10,36).

Выше говорилось, что цель «института» бабушек и дедушек заключается в хранении и передаче житейской мудрости – нравственных норм, наработанных прародителями в *свое* время. Для обеспечения носителям этой информации надлежащих условий жизни Бог устанавливает «обратную связь» от детей к родителям и возлагает на первых заботу о почитаемом долголетии вторых. Однако нравственный багаж прародителей предназначается в основном *их внукам*, детям же в этой передаче отводится роль канала надежной двусторонней связи.

Но почему же к нравственным ценностям деда следует приобщать внука, а не родного сына, что казалось бы более логичным? Да потому, что внук в возрасте любознательного «крохи» из стихотворения В. Маяковского – это чистый лист, еще не испещренный нравственными установками родителей, школы, окружения и средств растленно-массовой

информации; плюс ко всему он пока что доверчив и бесхитростен. Сын же к моменту, когда его отец достигнет возраста деда со стажем, вряд ли будет способен следовать отцовской морали, даже соглашаясь внутренне с ее постулатами. Ломать устоявшиеся стереотипы и свои личные, и своей семьи сыну уже не под силу, даже если он и осознает их порочность. Лучшее, что он может сделать при *таком* допущении, это позаботиться о моральном здоровье *своего* сына, обеспечив ему доступ к духовно-нравственным ценностям, хранимым пока еще здравствующими дедом или бабкой.

* * *

В чем же состоит значимость моральных норм прародителей, людей, «отставших от жизни» аж на два поколения? Именно в этой «отсталости»: в отдалении во времени, а значит и *в* содержании, их *устоявшихся* нравственных воззрений относительно наших, *сиюминутных.* Я не склонен идеализировать мораль отдаленных предков – в ней, конечно, многое уже «не то». Однако при всех своих минусах, она всегда, автоматически, будет выше морали отдаленных потомков. Иначе говоря, каждое последующее поколение *в принципе* безнравственнее и бездуховнее предыдущего, а тем более – предыдущих. Это вполне закономерно, а значит и неизбежно.

Технический прогресс привносит в жизнь каждого последующего поколения *как норму* все более широкий ассортимент все более утонченных, изысканных, материальных

благ, обеспечивающих людям физические удобства или чувственные наслаждения. С одной стороны, он успешно удовлетворяет бесконечно разнообразные людские потребности. С другой, изощренно камуфлирует их *животную* суть под специфически *человеческую,* то есть неведомую животным форму самих потребностей.

Комфорт, представляемый новыми благами, ярко расцвечивается всеми видами рекламы. И это настолько завораживает большинство молодых людей, что они уже начинают видеть в комфорте смысл жизни, доминирующую жизненную ценность. С позиции молодежи это цель, к которой необходимо стремиться всегда и везде, пренебрегая нормами закона нравственного, а при необходимости – и в обход юридического. Нашим прародителям, конечно, был неведом столь многогранный бытовой комфорт, но зато им были неведомы и многогранные злодеяния, спрово-цированные безудержным стремлением к материальным благам. Ведь большой комфорт под-разумевает большие деньги, которые, думается, вряд ли можно всегда обрести законными путями.

Размах шкалы жизненных ценностей у всех людей, конечно, разный. Но у каждого конкретного участника божественного эксперимента он изначально имеет свои, строго фиксированные, границы, установленные Творцом-экспериментатором. В этих неизменных пределах всей ценностной шкалы любые из ее зон и участков могут развиваться только за счет притеснения, точнее – сокращения смежных зон. Поэтому

разбухание зоны физиологических ценностей *неизбежно* ведет к подавлению зоны ценностей нравственных. Приоритет ценностей материальных над духовными вырисовывается все откровеннее в процессе жизни даже одного поколения.

Моральные законы наших дедов и бабок по сравнению с моральными законами их внуков в большей степени сориентированы на делание добра, нежели на уклонение от зла. Вследствие чего поколению прародителей в меньшей степени, чем их потомкам, присуще равнодушие к человеку и его проблемам, а значит, и желание укрыться от них в нейтральной зоне своей поведенческой шкалы. Именно поэтому старики во все дотошно вникают, критикуют произвол властей, ищут справедливости, ходят по чиновничьим инстанциям во имя общего блага и т. д. Иными словами, они пытаются в силу своих возможностей что-то улучшить или, по крайней мере, активно противостоять ухудшению. Отсюда – их вмешательство в общественную жизнь, укоризненные замечания по поводу падения нравов, параллели с тем, что было в «наше время» и другие попытки подкорректировать действительность. Все это, безусловно, раздражает не только молодых чиновников (чаще чиновниц), но и молодежь в целом. Наталкиваясь на глухое непонимание своих позитивных стремлений, поколение прародителей проникается в свою очередь чувством глубокой неприязни к поколению «безнадежно испорченных» внуков. Эти плохо скрыва-

емые взаимные антипатии, выходя за пределы зоны равнодушия, нередко порождают конфликтные ситуации, в которых и стар и млад уже не слышат доводов и аргументов, а стремятся лишь больнее оскорбить друг друга. Справедливости ради следует отметить, что первое слово в этих скандальных дуэтах чаще принадлежит представителям старшего поколения, хотя провоцирует их на это все же поколение младшее. О каком почитании прародителей в масштабе полной общественной триады можно вести речь *в такой* моральной атмосфере? Дай Бог соблюсти хотя бы некие мироподобные взаимоотношения.

Итак, *почитание* предков, трансформируясь в *равнодушие* к ним, переходит в конечном счете в их *«антипочитание»*. Авторитет пятой божественной заповеди снижается, когда родственная диада перерастает в родственную триаду, и практически полностью исчезает в общественной триаде поколений – условной триаде, состоящей из множества возрастных фрагментов различных родственных триад. Три формы отношения к предкам соответствуют трем видам «среды обитания» последних: семья – родство – люди вокруг нас. Это еще один пример динамической триады – в пространстве и во времени.

Способен ли родитель быть нравственным наставником?

Крепко держись наставления,
потому что оно – жизнь твоя.
Притчи Соломона**, **гл. 4**, **ст. 13

Странно, право же, что умудренное житейским опытом старшее поколение адресует обвинения и упреки в безнадежной испорченности молодежи непосредственно самой молодежи, то есть через голову среднего поколения. Ведь нравственно внуков-то портят в первую очередь их собственные папы и мамы, разорвавшие союз «стар и млад»! Кстати, не только они: многогранно непочтительное отношение к поколению прародителей фактически подогревает оскорбительными, мелочно-благотворительными деяниями и «благодарное» отечество (например, издевательская акция «Забота»). И когда младшие члены общества открытым текстом выкрикивают в лицо старейшим: «Ваше время кончилось, не мешайте жить!», государство как бы не замечает этого. По крайней мере, не препятствует унижению, подчас – грубому, людей «третьего возраста» государственными чиновниками и администрацией разных АО. Да, неуютно жить, чувствуя и понимая, что для общества ты – уже отработан-

ный материал… Но сейчас речь идет о другом аспекте возрастной дискриминации.

Нет, время бабушек и дедушек не кончилось, ибо оно всегда только начинается и в каждом случае длится до тех пор, пока среднее звено родственной триады не прервет своим грубым вмешательством духовную связь поколений. Об этом уже говорилось. Сейчас бы хотелось только подчеркнуть, что, ставя заслон духовно-нравственному воздействию самого старшего на самого младшего, папы и мамы, не подозревая того, берут на себя двойную вину: перед своими родителями и своими же детьми. Первых они лишают возможности исполнить миссию, предначертанную им Богом, – воспитательную: «…венец стариков – сыновья сыновей» (Пр. 17,6), а вторых беспрепятственно ориентируют на ложные, преходящие ценности. В итоге шкала жизненных ценностей отдельно взятого человека обретает биологический окрас, так как сфера материальных стимулов и чувственных наслаждений непомерно расширяется за счет вытеснения ценностей духовных. Когда же таких «отдельно взятых» людей появляется все больше, опасность нравственного падения Человека становится реальностью, что мы и видим повседневно как в жизни вокруг нас, так и на телевизионном экране.

* * *

Естественно, чем выше степень отчуждения между поколениями дедов и внуков, тем заметнее нравственный спад общества в целом. Среднее поколение бессильно предотвра-

тить или замедлить это падение, ибо нравственное формирование личности ближайшего потомка Бог не вменяет его родителям как *доминирующую* функцию. Задача родителей – в принципе иная.

Об *относительной* причастности родителей к нравственному становлению детей свидетельствует тот факт, что к моменту рождения последних шкала жизненных ценностей самих родителей, в отличие от прародителей, в подавляющем большинстве случаев *не* сформирована. Она еще слишком рыхлая и неустойчивая, чтобы служить надежным нравственным ориентиром для детей, которых от родителей отделяет всего каких-нибудь двадцать с небольшим лет. В общем, «яблоко от яблони недалеко падает». Взросление родителей и детей протекает параллельно, в *общем* для них формате жизненных ценностей. Способны ли родители в такой реальности критически оценить нравственные воззрения ребенка, а тем более что-либо поставить им в противовес, если шкалы жизненных ценностей отцов и детей сближаются настолько, что порочные склонности детей становятся не просто соизмеримыми с пороками отцов, но являются их продолжением и развитием?

Критические замечания извне, «советы постороннего», адресованные ребенку или его родителям, могут быть встречены последними весьма недружелюбно, если не сказать больше – срабатывает неуправляемый родительский инстинкт защиты потомка (от кого?). Так, под прикрытием

агрессивной родительской любви тенденция к злу, едва заметная в ребенке, взрослеет вместе с ним, обретая со временем черты оформившегося зла, сперва обращенного в семью, а затем уже и за ее пределы.

Восторженная влюбленность в собственное дитя делает родителей подслеповатыми в отношении последствий подобной опеки. Ведь защищая постоянно своего ребенка от внешних, болезненных для него воздействий, мамы и папы доходят в конце концов до того, что защищают его уже от самих себя. Страх испортить настроение сыну или дочери даже простым замечанием, а уж тем более нравоучением, буквально затворяет родительские уста, а желание не нарушить комфортную обстановку в семье обрекает родителей на разного рода уступки ребенку. Почувствовав слабинку, последний перехватывает воспитательную инициативу и вынуждает родителей идти на поводу его, подчас недетских, капризов. В итоге, присутствие родителей в качестве *учителей нравственности* становится не только бесполезным, но и вредоносным для ребенка (я не отношу этот вывод к другим родительским функциям).

Набор родительских «минусов», несовместимых с понятием «воспитатель», не ограничивается духовной скудностью, нравственной беспринципностью или «куриной слепотой». Хотя и этого вполне достаточно, чтобы прийти к выводу: право на *прямое нравственное* воспитание ближайшего потомка (например, право на воспитательный принцип «де-

лай, как я») адресовано свыше не его родителям, а его прародителям. Родители же способны только, на беду своим детям, узурпировать это право.

Отвергнув «архаичные» идеалы бабушек и дедушек, папы и мамы устремляются к формированию в «духе времени» личности дочери или сына. Но поскольку воспитывать дитя по дедовским канонам родители *не хотят* (не престижно), а по своим, как уже говорилось, *не могут* (еще не выработаны), то узурпированное ими право не находит применения и за ненадобностью отбрасывается вообще. Но, как известно, «свято место пусто не бывает». Теперь личность нравственно незащищенного подростка формируют «авторитетные» учители: уличная действительность, сотоварищи, реклама – «бери от жизни все», телевизионные программы, прямо и косвенно насаждающие исключительно биологические ценности и животные способы существования. В общем – всего не перечесть. Назревает моральный кризис, выход из которого родители видят в прямой подмене понятия «воспитание» понятиями: «обучение необходимым навыкам», «развитие индивидуальных способностей», «выявление и реализация скрытых возможностей» и другими.

С этой целью в чем только не пробуют и чему только не обучают они своих детей: музыка, изобразительное искусство, танцы, спорт, иностранный язык, компьютер и прочее, и прочее. Спору нет, все эти упражнения очень важны для разностороннего гармоничного развития личности; бо-

лее того – вполне возможно, что ребенок, последовательно перебирая предлагаемый ему букет достойных занятий, найдет себя в одном из них, проявит незаурядные способности и даже талант. Дай Бог ему не зарыть его в землю и максимально совершенствовать свои дарования! Но к нравственному-то совершенствованию *все это* не имеет практически никакого отношения. Человек может состояться, например, как музыкант или художник, состоявшись одновременно и как безнравственная личность (при этом вполне вероятно, что именно второе явилось следствием первого, ибо завышенная самооценка, к тому же подогреваемая извне, порождает некритическое отношение человека к собственным поступкам, «звездную болезнь» и даже самообожествление).

Известно, что Пушкин устами Моцарта утверждал: «Гений и злодейство – две вещи несовместные». Вполне возможно, но *гении-то* приходят в мир в единственном числе, а *заурядности*, мнящие себя гениями, – во множественном. И они-то, к сожалению, вполне способны, если уж не на потрясающее злодейство, то по крайней мере – на «рядовое» безнравственное деяние. (Эту способность чаще других демонстрируют звезды эстрады и шоу-бизнеса. Думаю, с таким утверждением согласятся многие.)

* * *

Нет, ни широта интересов, ни разносторонность развития, ни уровень личных достижений в спорте, науке или искусстве сами по себе не гарантируют духовного восхожде-

ния личности, хотя во многом способствуют ему, повышают его вероятность. Кстати, родительское стремление подключить ребенка к разноплановым секциям, кружкам или курсам нередко обусловлено тщеславными намерениями самих родителей: очень уж хочется им прослыть среди знакомых и сослуживцев незаурядными папами и мамами столь же незаурядных, всесторонне одаренных детей. Это – всего лишь одно из проявлений родительского снобизма, основанного на общем принципе: «У моего ребенка *все* должно быть лучше, чем у других» (в том числе – и родители, конечно). Распространяется это правило на все, что непосредственно касается ребенка: от его игрушек и одежды до успехов в различных начинаниях. Для многих родителей – это форма самоутверждения (ложного, конечно), поддержание которой связано подчас с преодолением значительных моральных и материальных трудностей. Но, видимо, «игра стоит свеч».

В большинстве родительских программ формирования личности ребенка (в случаях, когда этим стихийным процессом родители хоть как-то пытаются управлять) элементы нравственного воспитания, как уже говорилось ранее, отсутствуют. Однако это не значит, что родители совсем не внушают детям никаких нравственных норм. Внушают, но эпизодически, и чаще всего – с безнравственным подтекстом. В родительской интерпретации обязательности исполнения законов превалирует стремление обезопасить ребенка от юридической (не моральной!) ответственности за содеянное. На-

пример, сынка, нарушившего за пределами квартиры божественную заповедь «Не укради» (Исх. 20,13), обеспокоенные родители прежде всего строго припугнут тем, что *за такое* можно сесть в тюрьму; что в случае огласки – стыд и позор на головы всех членов добропорядочной семьи обеспечен! И только уж потом, если это вообще состоится, позволят себе мягко упрекнуть свое чадо в «неуклонении от зла». О признании же в содеянии зла, раскаянии в нем или компенсации его речь, конечно, не идет: все шито-крыто.

Что ж, с биологической точки зрения все объяснимо: мощный инстинкт защиты своего ребенка как врожденный фактор присущ и животному, и человеку. В этом – их сходство. Но механизм обуздания инстинктов дан Богом только человеку, что и отличает его от животного. И если у родителей этот механизм дает сбой или не работает вообще, значит их самих разнит от высокоорганизованных животных, по сути, лишь внешность и внешний образ жизни. В таком случае понять, что «…вырастет из сына – свин, если сын – свиненок» (опять же В. Маяковский), им просто не дано.

В столь нелестном сравнении человека с животным просматривается скорее беда, а не вина человека, хотя и последняя имеет место. К сползанию личности в моральное скотоподобие приложили руку прежде всего ее родители. Точнее, они не приложили своих рук, чтобы удержать ребенка от становления на скользкий путь, ничего не предприняли, чтобы воспрепятствовать всепроницающей безнравственно-

сти вначале вкрасться в детскую душу, а спустя годы овладеть душою уже созревшего человека. Даже в зоне равнодушия подобная родительская пассивность – преступна!

Причиной взросления безнравственности в ребенке служит не только аморальное поведение самих родителей, на что так любят ссылаться детские психологи и чем так любят оправдывать свою нравственную порочность повзрослевшие дети. (Я знаю «правильных» родителей, дети которых – отпетые негодяи, и знаю так называемые неблагополучные семьи, в которых дети совершенно здоровы в нравственном отношении). Спору нет, дурные родительские примеры, как и дефицит родительской любви, не говоря уж о грубом, унизительном отношении к ребенку, пагубно сказываются на нравственности последнего. Однако чаще причина «благоприобретенной» безнравственности кроется в другом, полярно противоположном: беспредельном и бездонном любвеобилии мам и пап.

Родительский инстинкт человека, в отличие от животного, проявляет себя не только в защите ребенка от враждебной внешней среды и обеспечении условий, необходимых для его развития, но, к сожалению, и в максимальном удовлетворении сверхпотребностей, безотказном исполнении все новых прихотей взрослеющего чада. Превратно истолкованный многими родителями девиз: «Все лучшее – детям» по мере своего *сугубо материального* воплощения неизбежно становится вредоносным для детской нравствен-

ности, «ибо чрезвычайно редко, чтобы человек мог подняться среди благополучия на следующую ступень духовного совершенствования» [5], с. 699.

* * *

Однако не только подняться, но даже устоять на предыдущей нравственной ступени ребенку весьма затруднительно, если его родители – «слепые вожди слепых; а если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму» (Мф. 15,14). Драматизм Христовой притчи в приложении к ситуации «отцы и дети» резко возрастает в силу того, что слепые в своей любви папы и мамы *собственными* «заботливыми» руками *ослепляют* свое потомство и уж затем ведут его к нравственной яме. Эти родители по вполне понятным причинам никогда не дорастут до усвоения того, что в основе понятия «все лучшее», адресуемого детям, лежат ценности: человеческие, а не животные, в упаковке, изобретенной человеком; лучшие нравственные принципы, а не лучшие игрушки, лакомства и низкопробные развлечения. Надежда же на то, что «кроха», выйдя из детского возраста, *внезапно прозреет,* ничтожно мала, ибо эгоизм – не болезнь глаз, а неизлечимая болезнь души человека. В лучшем случае повзрослевший ребенок будет способен на уклонение от зла, но на содеяние добра – весьма сомнительно.

Хочу, чтобы меня правильно поняли: я отнюдь не утверждаю, что под уютным и надежным родительским крылом должен обязательно сформироваться какой-то монстр – гру-

биян, тунеядец, человеконенавистник. Более того, допускаю, что этот человек будет вполне соответствовать общепринятым критериям порядочности: трудолюбивым, вежливым, законопослушным, без вредных привычек и т. д. Я хочу *всего лишь* подчеркнуть, что родительская любовь с гипертрофированной биологической составляющей по природе своей неспособна выпестовать в ребенке глубинной человеческой Любви (с большой буквы), ибо «нет большей той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13). Но именно последнее условие – готовность жертвовать во имя ближнего – практически недосягаемо для человека, сформировавшегося нравственно *только* под эгидой родительского инстинкта.

Конечно, не следует экстраполировать этот вывод на все случаи жизни всех родительских любимцев и любимиц. Даже безнадежный эгоист в определенных обстоятельствах способен чем-то жертвовать, правда, без ощутимого ущерба и не без пользы для себя в будущем. Конечно, такая жертва, да еще свершенная публично, не более, чем фарисейство; подняться же на нравственный уровень бедной вдовы, с ее двумя жертвенными лептами (Мк. 12, 41-44), под силу очень и очень немногим. Впрочем, подвиги, в том числе и духовно-нравственные, были во все времена явлением (пользуюсь новомодной терминологией) эксклюзивным.

Я ничуть не умаляю роли родителей, но только – их истинной, настоящей роли, во имя которой они и призваны

к жизни на этой грешной земле. Папы и мамы обеспечивают биологическую и интеллектуальную эволюцию человечества, на них держится материальная и духовная жизнь общества, его научно-технический прогресс. Обучая наукам, искусствам и ремеслам своих детей, родители выявляют и совершенствуют сокрытые в них физические и интеллектуальные способности. Родители могут дать ребенку образование, которое принято почему-то называть высшим, но они не могут обеспечить ему даже начального нравственного воспитания. Какое уж здесь отеческое наставление, которое (по Соломону) дается человеку в качестве пожизненного нравственного принципа! В лучшем случае, родители заменят его кодексом формальной вежливости, обеспечив потомку репутацию воспитанного человека.

Родители могут приобщить ребенка, в принципе, к любым знаниям, в том числе и духовным, но они практически не способны помочь ему «переработать» их в духовно-нравственные ценности, перебросить мостик между духовными знаниями и духовностью, что далеко не одно и то же. Если широта и глубина духовных знаний человека зависит от уровня духовных интересов, то духовность как *нравственная* категория (одухотворенная душа) не находится в прямой зависимости от набора приобретенных человеком духовных знаний, хотя в определенной степени и связана с ними.

Наконец, необходимо учитывать, что родителям подчас не до того, не до воспитания. Им просто некогда: затрачивая

львиную долю своей жизни на то, чтобы дать «все лучшее – детям», они должны еще заботиться и о предках, как требует того Пятая божественная заповедь.

Итак, на вопрос, вынесенный в заголовок, односложно отвечаю: «Нет!»

Но если не родители, то кто же?

Венец стариков – сыновья сыновей.
Притчи Соломона, гл. 17, ст. 6

Это не риторический вопрос, не сокрытое утверждение, а прямая постановка проблемы, извлеченной из жизненного сериала «Отцы и дети».

Очевидно, что родители, при всех их многочисленных достоинствах, не обладают лишь одним: они не могут исполнять роль руководителя нравственной подготовки своих детей, ибо невозможно «служить Богу и маммоне» (Мф. 6,24), нельзя на равных решать полярно противоположные по своей сути проблемы нравственного и материально-биологического характера. И вполне естественно, что главная родительская миссия сводится в конечном счете к служению маммоне, ибо плоды такого служения способны обеспечить развитие и содержание ребенка «в духе времени», в рамках сложившегося стереотипа.

Однако, если не родители, то кто же способен взять на себя обязанности духовного наставника, чтобы сохранить и приумножить в человеке сугубо *человеческое?* Поскольку ни одна многосложная проблема не может иметь одного-единственного решения, а подразумевает комплекс целенаправ-

ленных решений, то и в данном случае указать пальцем на единственный приемлемый источник нравственности и на ее носителя, естественно, невозможно; особенно – в наше, постсоветское время.

* * *

Еще менее четверти века назад не просто существовали, но имели силу нравственного закона «Моральный кодекс строителя коммунизма», Правила поведения комсомольца и пионера и другие документы, содержащие поведенческие нормы. И вместе с тем существовала защита от разнузданной оскотинивающей зрителя, слушателя и читателя продукции средств массовой информации: последние находились под идеологическим контролем. Естественно, сегодня отношение к тому, *что* и *как* декларировалось в сфере морали того времени, далеко не однозначно, но бесспорно одно: нравственные критерии как понятие в обществе не только существовали, но и без напряжения *регламентировали* взаимоотношения его членов во всех сферах жизни.

К примеру, тимуровское движение как форму помощи старым и немощным со стороны молодых и здоровых сейчас можно воспринимать по-разному: либо иронизировать по поводу бескорыстного почина пионеров давно прошедших лет, либо ставить их в пример современным христианам, любящим «ближнего твоего» только в пределах Храма, да и то – не всегда. Протоиерей Александр Мень по этому поводу замечает: «Некоторые говорят: "Ну, взаимопомощь –

какое это дело?! Тимур и его команда!" Да этот Тимур – это же нам просто "вилкой в глаз!" Потому что Тимур, по идеологии совершенно другой, поступал как христианин, а мы, простите меня, из-за своего антисоветского снобизма, или я не знаю, как это назвать, хорошие вещи представляем плохими. Мы уже не умеем отделить хорошее от плохого лишь потому, что все как-то усвоено, утилизировано в газетах». [3], с. 61-62.

Многоканальность морального воздействия в те времена (школа, пионерия, комсомол, воинская служба, кинокартины, театральные постановки, книги, средства массовой информации и многое другое) не раздергивала на составляющие неокрепшую душу ребенка, ибо базировалась на единых, поистине человеческих ценностях; ибо каждый из каналов являлся самостоятельным фрагментом единого целого. В таких специфически благоприятных условиях родителям оставалось лишь подключиться к нравственному воспитанию ребенка в качестве еще одного канала или уж как минимум не препятствовать сложившемуся комплексному воздействию.

Теперь все это уже в прошлом (надеюсь – не в безвозвратном). А что же в настоящем, когда угроза глубинной и всеобъемлющей моральной деградации человека стала вполне очевидной? Какой широкий общественный институт *из ныне существующих* способен, если уж не предотвратить, то хотя бы притормозить этот «скоростной спуск» в низшие

слои шкалы жизненных ценностей? Может быть, армия, с ее традиционным патриотизмом и чувством долга, способна сделать это, пробудив в человеке благородное рыцарское начало? Весьма сомнительно, так как само понятие «патриотизм» успешно вытравлено из рядов Вооруженных Сил совместными усилиями тех же родителей (родительниц) и безответственных либеральных реформаторов от армии. Теперь уже далеко не каждый сын Отечества согласен по зову сыновнего долга защищать с оружием в руках вскормившую его Родину-мать. Родители потенциальных защитников Отечества (к величайшему счастью, не все – честь и хвала этому исключению!) постараются сделать все возможное и невозможное, чтобы «отмазать» своих изнеженных чад от воинской службы, несмотря на ее смехотворно короткий, почти условный срок. Словосочетание «любовь к Родине» вызывает нередко ехидную улыбку не только у иных молодых людей, но и, что главное, у их родителей. Так что армейскому институту далеко до «школы высокой нравственности».

Учебные заведения как средние, так и высшие (особенно платные) также далеки от нравственно-этических проблем своих выпускников. Их задачи иные: выдать оплаченный товар – программную сумму знаний и соответствующий выпускной документ, нейтральный к нравственному портрету выпускника.

Разочаровавшись в нравственных устоях современной армии, школьных и послешкольных учебных заведений, взгля-

нем с надеждой на наши… дошкольные учреждения, незаслуженно остающиеся вне поля зрения многочисленных и многословных телеидеологов. Вот где, в детских садиках, не только умело развлекают, развивают и обучают *чему-то,* но иногда и разъясняют «крохам» на конкретных примерах, как тот отец у В. Маяковского, «что такое хорошо и что такое плохо». Конечно, этого мало, да и не все «крохи», к сожалению, посещают садики, где человека с детства учат жить по-человечески среди людей.

* * *

Результаты краткого и поверхностного нравственно-оценочного обзора вынуждают обратиться к тому, с чего начиналась предыдущая глава – к роли прародителей в духовном формировании внуков. Необходимо еще и еще раз задаться рядом вопросов. Для чего в природе, сотворенной Богом по рациональной схеме, где действуют жесткие причинно-следственные связи, где нет ничего лишнего, не обусловленного необходимостью, существует старый и, казалось бы, совершенно ненужный человек? С какой целью общество обязано его содержать? А потомки, кроме всего прочего, еще и почитать? Причем, восприниматься все это должно как нечто вполне естественное, само собой разумеющееся, то есть на уровне – «так должно быть».

Да, должно, но не совсем *так*. Заповедь из книги Второзаконие (5,16), конечно, обязывает почитать предков, но она же и стимулирует исполнение потомками этого божествен-

ного предписания: «…чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе». Иными словами, заповедь утверждает, что наши «бесполезные» предки вполне могут и должны приносить пользу потомкам, в чем-то совершенствовать и улучшать их жизнь на земле, данной Богом.

В иждивенцев общества, пассивных потребителей материальных благ и не более, наших бабушек и дедушек превратило неверно истолкованное их детьми и внуками понятие «почитай». Почитать предков означает не только *отдавать* им часть своих средств и времени, но и, что не менее, если не более важно, *принимать* от них жизненный опыт, нравственные нормы и поистине человеческую (а не животную!) любовь к потомкам. Именно востребованность духовного багажа наших предков, интерес к их шкале жизненных ценностей могли бы значительно улучшить моральный климат нашего общества. Жаль, что «мы ленивы и не любопытны». Да к тому же еще и бездумно самонадеянны. Осознание прародителями своей значимости возвысило бы их в собственных глазах, что в свою очередь благотворно повлияло бы и на их самочувствие, и на продолжительность жизни.

Странно, право, что родители никак не могут уяснить ту простейшую истину, что, к примеру, бабушка *не имеет* непосредственной биологической связи с внуком, в отличие от матери, его родившей, и *это* делает прародительницу менее слепой и более свободной в ее воспитательной практике; что старшее звено родственной триады в меньшей степени зара-

жено снобизмом и подвержено влиянию так называемого общественного мнения, ибо имеет достаточно устойчивую точку зрения в отношении «что такое – хорошо и что такое – плохо».

Хочется думать, что уже в обозримом будущем родители, памятуя, что «яблоко от яблони недалеко падает», поднимутся до понимания того, что «яблоня-бабушка» отстоит от упавшего «яблока-внука» в два раза далее, чем его мать и отец; что в силу *этого* нравственные воззрения старшего звена родственной триады пребывают в *оппозиции* к моральным установкам, насаждаемым извне в умы и души младшего ее звена. Может быть, сквозь слепоту своей родительской любви мамы и папы когда-нибудь разглядят глубокий смысл в неглубоко сокрытых истинах? Опознают в полной мере вероятное в очевидном? Придут, наконец, к краеугольному выводу, что человек, достигший прародительского возраста, переходит в соответствии с божественной программой в категорию *нравственного наставника?* И если – да, то проникнутся ли ответственностью за установление, точнее – за неучастие в установлении доверительных, истинно союзных, отношений между дедами и внуками?

Разумеется, воспитание нравственности требует прежде всего разоблачения безнравственности. Прародители подходят к этому акту более жестко и непримиримо, нежели родители. Так, в примере с нечистым на руку внуком, дед, в первую очередь, увидел бы аморальную сторону по-

ступка, строго осудил бы внучка за зло, причиненное людям, а уж затем напомнил ему, что возмездие за сотворенное зло – неизбежно: «…и воздаяние человеку – по делам рук его» (Пр. 12,14). Исполнять обличительную функцию непредвзято способны только прародители. Именно они, наши бабушки и дедушки, являются нравственным противовесом (к тому же единственным в наше время) тем силам, что толкают внуков вниз по лестнице, нисходящей подобно лестнице эскалатора. Точнее, они даже не противовес, а некий тормоз, замедляющий скорость нравственного сползания личности. Прародители не способны, конечно, остановить фронтальное наступление безнравственности, но они могут создать на его пути определенные препятствия и хотя бы ненадолго притормозить моральную деградацию внуков; привлечь, пусть даже на короткое время, их внимание и интерес к *иным* нравственным ценностям. Это в свою очередь неизбежно повысит эффективность и продолжительность воздействия Высших Духовных Сил, Их проницаемость на еще не атрофированный духовный план внуков (не опоздать бы!). «Облучение» пока что доверчивой детской души благодатной энергией *человеческой* любви – работа на перспективу. Результат этого воздействия проявится позже как устойчивый иммунитет взрослой личности к заразным нравственным заболеваниям.

Надо только, чтобы родительское звено как минимум не препятствовало (лучше бы, конечно, способствовало) сою-

зу «стар и млад», благотворному для обеих сторон. Практически это сводится к терпеливому и, главное, осмысленному отношению к неприятным старческим наклонностям: все критиковать, брюзжать, поучать, обрушиваться на современные нравы и приводить извечный контрдовод: «а вот в наше время…», вспоминать свои заслуги, выступать в роли поборников справедливости и глашатаев праведности и многому другому.

Среднему звену родственной триады следовало бы понять, что эти неблагозвучные выступления старшего поколения есть не что иное, как *форма* воспитательной работы, и что других приемов борьбы с безнравственностью, а значить и защиты поколения внуков, у прародителей нет. Это – их стремление ввести специфическую инъекцию ненависти ко всему аморальному вокруг нас в умы и души потомков. Да, уколы эти болезненны и недостаточно результативны, но ведь и в медицине методы профилактики и лечения заразных болезней не столь уж просты, приятны и эффективны.

Можно, если хотите, считать взгляды наших прапредков на жизнь устаревшими, и даже архаичными, можно не соглашаться с содержанием их занудливых нравоучений и критически относиться к их «непогрешимой» морали (никто не требует возводить бабушек и дедушек на пьедестал). Однако нельзя не признать, что нравственные нормы прародителей, шкала их жизненных ценностей *в принципе* не соответствуют нравственной ориентации внуков; более того – противосто-

ят ей. В этом противостоянии и заключается смысл духовного наследия наших прародителей. В противодействии силам зла сокрыта человеческая (не биологическая!) составляющая Любви самых старших к самым младшим.

Повторюсь: «институт» бабушек и дедушек – не панацея; ибо спасти общество в целом, или хотя бы его младшее поколение, от лавинообразной нравственной деградации прародителям, естественно, не под силу. Их протестующие голоса для большинства молодых и очень молодых людей авторитетными не являются. К тому же голоса эти слабы и разрозненны, в отличие от мощного, технически оснащенного и всепроникающего голоса идеологического противника. Телевидение, интернет, печатные издания, видеопродукция, бесчисленные рекламы и другие уличные соблазны – вот далеко не полный арсенал средств, оскотинивающих душу человека, засасывающих его в нижнюю зону шкалы жизненных ценностей. Ясно, что пробиться сквозь подобный заслон, отыскать в нем брешь протестующий «голос предков» может лишь в исключительных случаях.

Но если в *таких* условиях слабые прародительские руки все же удержат от пагубного обольщения хотя бы *одного* человека на *всех* стадиях его земной жизни, то духовно-нравственная эволюция не прервется, и «претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24,13).

Человек – образ и подобие не только бога

Мы – образ и подобие зверя, но в том, что составляет главную нашу сущность, мы – образ и подобие Создателя.
А. Мень

Воздаяние за добрые дела

Притча Христа о добром самарянине (Лк. 10, 30-37) не имеет продолжения, хотя из контекста следует, что встреча ее главных героев в будущем не исключена. Поэтому мы не знаем, *чем* воздал спасенный своему спасителю. Остается только предполагать, исходя из трех возможных вариантов: или добром, или злом, или же равнодушием. Из слов Христа, заключающих притчу, следует, что самарянин, свершив добродеяние, направленное на иудея, тем самым неизбежно становится его ближним. И если иудей *признает это,* он должен будет в соответствии с заповедью (Мк. 12,31) возлюбить самарянина, как самого себя. В работе «Троичность вокруг нас» теме «Кто есть наш ближний» посвящена отдельная гла-

ва. Сейчас же я только хочу подчеркнуть, что им становится любой человек, сотворивший нам добро (воспрепятствовавший злу) *независимо* от значимости содеянного.

Любовь к ближнему как любовь ответная, вторичная, видится Христу явлением настолько адекватным и само собой разумеющимся, что Он даже не находит в ней признаков *повышенной* нравственности: «Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда?» (Мф. 5,46). Иными словами, любовь к ближнему – это естественная моральная норма.

Тем не менее воздаяние ближнему *добром* – явление не столь уж частое, как, впрочем, и воздаяние откровенным злом. Библейским примером последнего может служить жестокое преследование Саулом Давида, ранее спасшего и самого Саула, и его царство от врагов (1Цар. 18), а историческим – широко известный факт воздаяния злом своим ближним со стороны Сталина, восходящего к вершине пирамиды власти по жизням преданных ему людей. Это не месть, не отраженное зло и не вопиющий голос крови, это хуже – тихий и подлый шепот человеческой самости, отвратительная форма биологического самоутверждения. Хочется думать, что спасенный иудей из притчи Христа оказался все же порядочным, благодарным человеком и возлюбил своего ближнего должным образом, то есть – как самого себя.

Типичной же реакцией на добродеяние, присущей человеку, пребывающему в средней, нейтральной, зоне шкалы жизненных ценностей, является равнодушие, отсутствие всякой

на то реакции. Известный хирург Николай Амосов в своей книге «Мысли и сердце» пишет, что многие из его бывших пациентов, заметив своего спасителя издалека, переходят на противоположную сторону улицы, чтобы избежать встречи. Почему? Ведь хирург Н. Амосов в свое время спас жизнь человеку и теперь уже как его ближний, казалось бы, имеет моральное право на любовь со стороны спасенного? Да потому, что человеческая самость подавила человеческую любовь даже не в зародыше, а гораздо раньше: она воспрепятствовала самому зарождению этой любви.

Весьма печально, но этим нравственным недугом страдают многие люди, которые не могут простить своему ближнему того, что он когда-то был свидетелем их слабости, беспомощного, а значит – *зависимого* положения. Из-за гордыни, ложной самодостаточности таким людям мучительно трудно сознавать себя кому-то и чем-то обязанными. Врач же, когда-то спасший человеку жизнь, непременно проявит при встрече профессиональный интерес к самочувствию бывшего больного, что последний расценит как намек благодетеля на позицию должника. А это уже – соль на рану. Поэтому «признательный» экс-пациент в целях сохранения душевного комфорта просто уходит от своего ближнего.

Меня, вероятно, упрекнут в том, что я выбрал экстраординарную ситуацию и редко встречающийся тип морально несимпатичного человека. Возможно, но давайте посмотрим вокруг нас: часто ли мы слышим слова «спасибо», «благода-

рю» или видим иное выражение признательности пусть даже за незначительные знаки внимания или выполнение мелких просьб? В большинстве случаев это воспринимается с тупым холодным безразличием, как должное (где-то я читал, что подать женщине пальто, безусловно, долг мужчины, но сказать за это «спасибо» – долг женщины).

Уступили, к примеру, место в троллейбусе, пропустили женщину в дверях, заметили человеку, что он обронил нечто – все это мелкие, даже мелочные акции повседневного добродеяния, каждая из которых вряд ли заслуживает особого внимания. Но поскольку они носят массовый характер, то тем самым создают *ауру доброжелательности*, которую равнодушно, а подчас и грубо, чернят и отравляют те, которым мы хоть на мгновение становимся ближними. Я неоднократно сталкивался с явлениями, моральную суть которых даже не могу сформулировать, поэтому обращусь к примеру, вначале с животным, потом с человеком.

…Много лет назад мы держали собаку, прекрасную овчарку. Больше всех она любила, конечно, мою маму, поскольку та часто подбрасывала ей всякие собачьи лакомства. Однажды во время приготовления обеда мать случайно обронила не предназначенный собаке кусок мяса и, уж коль такое случилось, решила подтолкнуть его ногой поближе к сидящей невдалеке овчарке. На это движение собака отреагировала внезапным броском, ее зубы мгновенно впились в ногу матери. Сработал инстинкт, собака не поняла *добрых*

намерений своей хозяйки, так любившей ее, и нанесла ей серьезную травму.

…В пригородной электричке – битком народу. Рядом с немолодой женщиной, пристроившейся на краешке сиденья, стоит молодая мама с ребенком-дошкольником. На очередной остановке освобождается соседнее место, и женщина предлагает матери с сыном сесть. Но вдруг, как гром с ясного неба: «Сидишь и сиди! Чего суешься? Без тебя знаю, что делать!» Так отреагировала на доброе деяние «благодарная» мама, мгновенно превратившаяся из миловидной молодой женщины в злобную фурию. (Я уже не говорю о «нравственном» уроке, извлеченном сыном из материнского поступка.)

Роднит оба примера фактор, определяющий поведение собаки и человека в сходных ситуациях – *животный инстинкт.* Собака восприняла доброе действие извне как покушение на свой «законный» кусок мяса. Молодая женщина расценила доброе намерение извне как унижение своей *самости,* покушение на гордыню, не признающую советов, подсказок и других «прикосновений» к ней. В результате человек повел себя как собака (в худшем смысле слова!), инстинктивно «защищая» свое, кровное.

Разнятся же эти примеры тем, что собака нанесла своей хозяйке травму телесную, а молодая женщина пожилой – рану душевную. Вторая – опаснее, так как она может оказаться незаживающей и потому способной ослабить или убить желание делать добро. Если же добродетельная личность еще и

болезненно восприимчива к грубости и хамству, то очередное благодеяние с подобной реакцией на него может нанести непоправимый ущерб здоровью современной доброй самарянки.

* * *

Есть люди, которым произнести слово «спасибо» или иным образом выразить свою благодарность, ничуть не легче, чем укусить собственный локоть. Это – уродливая реакция на *уже содеянное* добро, но есть и другая разновидность нравственной аномалии подобного рода: *неприемлемость* добра в принципе, отторжение его еще на стадии доброго намерения извне.

Холодный отказ от приятия добродеяний, равно как и потребительское отношение к ним, воздаяние равнодушием и злом своему ближнему – все это морально разлагает последнего и отторгает его от добрых дел (по крайней мере – способствует тому). Учитывая же многообразие и многочисленность проявлений недружелюбия к ближнему, насыщающих нашу повседневную действительность, можно предполагать неуклонное снижение нравственного потенциала общества за счет снижения в нем количества «действующих» ближних. Разуверившись в заповеди: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7,12), доброжелательные, но легкоранимые люди станут руководствоваться иным житейским принципом, особенно популярным в армии – «Инициатива наказуема!». На-

ученная горьким опытом часть наших потенциальных ближних может прийти к вполне очевидному выводу: «Зачем *все это* мне нужно!» и, как следствие, отшатнуться, пополнив ряды обитателей зоны равнодушия, где нет ближних, где содеяние добра не является обязательным нравственным требованием.

Сохранить в человеческом обществе «институт» ближних возможно только стараниями обеих сторон – как тех, кто способен стать ближним, так и тех, кто способен, обретя ближнего, возлюбить его, как самого себя. Первые должны научиться подавлять в себе голос оскорбленного самолюбия и не терять желания творить добро, к чему и призывает апостол Павел: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12,1); вторые же обязаны следовать иной заповеди того же апостола Павла: «Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию» (Рим. 15,2). Выполнение этих взаимных условий не только сохранит, но и значительно приумножит число ближних, ибо в этом случае вместо возможного исчезновения *единственного* ближнего рождается, пусть даже на короткий срок, *пара* взаимно ближних людей, внесших свой вклад в потепление морального климата вокруг нас.

В притче о добром самарянине последний не просто спасает «некоторого человека», но делает это совершенно бескорыстно. Более того, он затрачивает во имя спасения незнакомца и его дальнейшего благополучия время, деньги, ма-

териальные средства. Перенесемся теперь из евангельской притчи в нашу постсоветскую действительность, где единственной мерой всех вещей являются деньги, деньги и еще раз деньги.

…На фонарном столбе – бумажка, текст набран крупно. Читаю: «Утерявшего на этой остановке ключи и документы прошу обратиться по телефону (номер). Верну за вознаграждение». Правда, чаще встречаются обращения иного рода: «Нашедшего ключи и документы убедительно прошу вернуть их за вознаграждение».

Что можно сказать в отношении этих заборных и столбовых объявлений? Да только одно: объект заботы доброго самарянина из Евангелия от Луки, то есть пострадавший человек, за два тысячелетия христианской эры трансформировался в объект беззастенчивой наживы для ничем не гнушающегося «доброго самарянина» наших дней. Данный вывод косвенно подтверждает и тот человек, который нуждается в экстренной помощи: хорошо зная «бескорыстную» натуру современного ближнего, он заверяет последнего в том, что награда непременно найдет своего «скромного и самоотверженного» героя. Но можно ли считать *это* воздаянием добрым делом, если само дело даже не предполагается добрым, по меньшей мере – бесплатным? Думается, что нет, хотя существует и иное мнение, оправдывающее деляческие взаимоотношения людей в случаях, аналогичных рассмотренному выше. Что ж, в свете современной морали элемен-

тарная «порядочность» межчеловеческих отношений просто *не может* не базироваться на *взаимовыгодной* основе – тлетворный дух рыночных отношений подчинил себе как любовь ближнего, так и любовь к ближнему. (Впрочем, шкурные повадки не были чужды и людям античных времен. К примеру, на стене дома в Помпеях сохранилось объявление: «Из лавки пропала бронзовая ваза. Если кто возвратит ее, получит 65 сестерциев, а если укажет вора, так что сможем выручить вещь, – 20 сестерциев» [54], с. 106.

«Я не виноват!» и «Я прав!» – две стороны одной медали

Данная тема, как и предыдущая, посвящена многоликой человеческой самости. Точнее – двум ее «ликам».

Название рассматриваемой темы подразумевает присутствие в одном человеческом «Я», наряду с другими разновидностями, двух смежных форм самости, двух ее ипостасей: пассивной, оборонительной, и активной, наступательной. В основе отрицания «Я не виноват!» лежит присущий всему живому защитный инстинкт, страх перед возможным наказанием; безапелляционное же утверждение, точнее, самоутверждение «Я прав!» является формой морального подавления «неправых». (Не следует, однако, смешивать огульное, бездоказательное «Я прав!» с выдержанным

и аргументированным обоснованием личной точки зрения в спорной ситуации.)

Рассмотрим вначале ипостась человеческой самости, выступающую под прикрытием категоричного – «Я не виноват!».

* * *

Отрицание собственной вины, о чем уже говорилось, есть не что иное, как естественная защитная реакция человека. Страху перед наказанием «все возрасты покорны». Ребенок в соответствующей ситуации станет испуганно уверять: «Это сделал не я! Она (к примеру, игрушка) сама сломалась!». Взрослый же человек в свое оправдание изобретет что-нибудь менее наивное, но внутренний мотив тот же – боязнь ответственности.

Конечно, жизненные обстоятельства могут сложиться таким образом, когда вопрос «виноват – не виноват» обретает судьбоносное значение для человека: доброе имя или порочная репутация; свобода или тюрьма; богатство или нищета; жизнь или смерть – все может быть. В *таких* ситуациях все приемы самозащиты, даже откровенно безнравственные, по крайней мере – объяснимы.

Однако в повседневной жизни, «в пространстве, насыщенном пылью обыденности» [5], с. 790, защитный принцип «Я не виноват!» срабатывает даже тогда, когда людям и защищать-то вроде бы нечего, и обороняться не от кого, и более того – когда их вообще ни в чем еще не обвиняют.

Чаще всего «Я не виноват!» подразумевает перестановку: «Виноват *не я*.» (а кто именно – мне неизвестно и совершенно безразлично). Что ж, эта позиция объяснима и сполна характеризует личность, живущую по принципу «уклоняйся от зла», ибо зло, как известно, наказуемо. В сознании же человека зло часто ассоциируется (и вполне обоснованно) с понятием «вина», поэтому в его представлении быть виновным – значит быть причастным к злу. И, наоборот, коль нет вины, значит нет угрозы наказания. Для натуры мнительной, с амбициями, наказанием может явиться уже сама гнетущая мысль, что его, «кристально чистого» человека, вдруг да заподозрят в причастности к происшествию, пусть даже – мелочному.

Естественно, никому не хочется, чтобы окружающие, а тем более близкие люди, думали о нем плохо; редкий человек безразличен к своему авторитету. Однако поддержанию его вряд ли способствует *упреждающее* «Я не виноват!» как реакция на внезапную мысль: «А вдруг подумают…» Скорее – наоборот, оно свидетельствует лишь о том, что данный человек в глубине его «стерильной» души никогда не верил и не верит в достаточность своего авторитета даже в кругу хорошо знакомых людей, а потому и спешит огласить алиби, намекнуть на личную непричастность к случившемуся.

Вообще говоря, есть что-то очень несимпатичное, даже отталкивающее в этих, мелочно-порядочных, людях. Они пользуются каждым удобным случаем, чтобы оттенить чи-

стоту своей нравственности и настороженно охраняют ее от загрязнения еще на «дальних подступах».

…Одна из сотрудниц небольшого сработавшегося коллектива, придя домой, не досчиталась в кошельке крупной банкноты и, не перебрав мысленно всех возможных вариантов исчезновения денег, заявила наутро об этой пропаже своим сотрудникам. Пример, кстати, не столь уж редкий. Как всегда, вначале – сочувствующее молчание сослуживцев, затем – их советы: тщательно пересчитать содержимое кошелька, вспомнить, где могла открывать его ранее и т. д. Затем все дружно припоминают «не наших», побывавших вчера в кабинете, попутно оценивая их порядочность по принципу: «мог – не мог». И вот, когда уже перебрали всех вчерашних визитеров, один коллега вскользь, как бы между прочим, заметил, что ничего не может добавить к сказанному, ибо вчера находился в отгуле. Конечно, это было тонко заявленное алиби!

Вдумаемся всерьез в это, казалось бы, невинное, но весьма кстати подброшенное заявление. Оно не так уж безобидно, как это может сразу показаться. Его подтекст заключается в том, что уважаемый коллега, по существу, оставляет за пострадавшей стороной право подозревать в содеянном любого, исключая себя, конечно. Да, порядочным это не назовешь. Пример, хотя и мелочный, но очень прозрачный: в нем отчетливо просматривается упреждающее действие самости, сокрытой в человеке «до времени».

Однако невозможно бросить тень на всех и каждого, пусть даже и косвенно, как в данном случае, и при этом не запятнать себя. Но этих-то нравственных пятен, посаженных на свою белоснежную репутацию, наш коллега просто не замечает. Он пребывает в благостном состоянии от сознания своей *доказуемой* непричастности к злу. Все же остальное – для него не столь уж важно. Люди подобного рода, разумеется, никогда не возьмут на себя вины ближнего своего, ибо это уже было бы деланием добра, что обывателю нейтральной зоны шкалы жизненных ценностей практически несвойственно.

Нет, я отнюдь не намерен на такого человека «вешать всех собак», обвинять его в злорадстве или душевной черствости. Вполне возможно, что он не станет радоваться (даже в душе) *чужой* беде, но он непременно, и в первую очередь, возрадуется (и даже не в душе) *своей* непричастности к этой беде, причем независимо от масштабов и тяжести последней. В общем, хоть потоп, но, главное, – не по моей вине.

Удивительно, право, что такая реакция нам абсолютно не кажется странной. Она воспринимается вполне естественно, привычно и даже с оправданием. Как нам «по-человечески» понятны и близки откровенные вздохи облегчения или радостные крики чьей-то души, связанные с тем, что «*это* случилось, слава Богу (!), не на моем участке» (милиционер) или «*это,* к счастью (!), произошло не в мое дежурство» (врач). Можно привести множество других при-

меров подленького торжества, когда циничная радость превалирует над осознанием последствий случившегося, в том числе и для человека, причастного к ЧП. Впрочем, реакция эта внешне может быть и не столь уж явной и бесстыдной, она может корректно скрываться под угрюмой маской якобы внутреннего сопереживания. Приличествующие случаю формы участия, как то: соболезнование, сочувствие, готовность помочь и т. д. – есть голос разума, реакция вторичная, осмысленная. Первичным же будет успокоительный голос самости из животных глубин человеческой души: «Радуйся! Виноват не ты!».

В рассмотренных выше примерах фигурировали люди, действительно невиновные в случившемся. Они неприятны лишь своим старанием подчеркнуть это или неумением скрыть радость по этому поводу, но не более того. По крайней мере, они не лжесвидетельствовали. Однако в повседневной жизни мы сталкиваемся с людьми, действительно виноватыми, и даже внутренне осознающими свою вину, но не признающими ее ни при ком.

Повторюсь, я не имею в виду вины, влекущей юридическую ответственность, когда поведение человека в значительной мере корректируется животным страхом перед наказанием по Закону. Нет, речь идет только и только о ситуациях, в которых поведение человека оценивается лишь по нравственной шкале. Но даже в этих условиях, когда человеку не грозит, к примеру, тюрьма, денежный штраф или иные

санкции, он тем не менее всеми правдами и неправдами станет отрицать свою причастность к случившемуся. Загнанный в угол, он постарается оправдать ее какими-нибудь надуманными причинами: неблагоприятным стечением обстоятельств, чистой случайностью, пагубным влиянием извне и т. д. – в общем, теперь уже будет доказывать, что он не виноват в… своей вине! И вся эта изощренность – вместо честного покаяния, нравственно возвышающего личность на целую «повинную голову», которую, как известно, и «меч не сечет»!

Поскольку сознательное греховное действие всегда мотивировано, то невольно возникает вопрос: во имя чего, какого мотива, человек готов принять на душу еще один грех, в данном случае – грех обмана и лжесвидетельства? Не побоюсь тавтологии: только во имя своего «незапятнанного» имени. Иными словами, в угоду гордыне, считающейся одним из тягчайших грехов в христианстве.

Здесь один грех свершается во имя сокрытия греха другого, здесь цель и средства ее достижения одинаково греховны. Однако с «нравственной» позиции человека, к которому наши рассуждения относятся в полной мере, цель оправдывает средства, и утверждаемая им ложь есть всего лишь «ложь во спасение». От чего? От падения «в грязь лицом», ибо в признании вины он видит исключительно позор, унижение, слабость. Следует заметить, что неправедно утверждая свою невиновность, человек способен совершить и тре-

тий грех: «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20,16), свалить свою вину на невиновного. А это уже карается не только Ветхозаветным Законом: «Никогда не обвиняйте других, чтобы защитить себя, потому что у времени есть особенность – обязательно открывать истину» [10], с. 41.

Такой безнравственный финал предопределила человеку его *самость*. Именно она является автором ложных доводов и аргументов, которые человек лишь озвучивал. Поскольку эта самая самость выходит на роль главного действующего лица рассматриваемой темы, постольку будет вполне уместным небольшое отступление от нее в пользу самости. Тем более что общаться с последней, хотим мы того или нет, нам придется и в дальнейшем, правда – на поверхности иных ее граней.

* * *

Если прибегнуть к зримому образу, то самость следовало бы уподобить ядовитому дереву, крона которого раскинулась в пределах душевного плана человеческой триады, а корни ушли в темные, низменные слои плана животного. Постоянно питая душу человека ядом, добытым в звериных глубинах человеческой структуры, этот «анчар» медленно, но верно умерщвляет ее.

Ствол этого ужасного древа – гордыня; ветви – неизбежные ее атрибуты: завышенное самомнение, ложное самоутверждение, болезненное самолюбие, тупое самодоволь-

ство и другие малосимпатичные «само». Естественно, толщина ствола и разветвленность кроны будут различными в душах разных людей. Поскольку самость – понятие индивидуальное, постольку разновидностей ее существует столько же, сколько и ее носителей. Близкими синонимами слова «самость» будут – себялюбие, эгоизм, эгоцентризм.

Коренная связь самости со звериным планом, функционирующим по законам стойких природных инстинктов, делает ее чрезвычайно живучей. Впрочем, устойчивость самости к внешним воздействиям во многом определяется и тем, насколько она удалена от своего «могильщика», плана духовного. («Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти» – Гал. 5,16).

Таким образом, реакция человека на упреки в безнравственности (например, на укор – «ни стыда, ни совести!») зависит от глубины залегания самости в его душе. Либо этот болезненный, но целительный укол Духа, пронзив слой самости, вонзится в те самые «стыд и совесть», либо только разъярит ее, как дикого зверя, лишь раненого выстрелом охотника. По определению русского философа Н. А. Бердяева, «совесть есть глубина личности, где человек соприкасается с Богом» (Цит. по [4], с. 175). Однако существуют люди, в пределах душевного плана которых вообще нет уровня, где *такое* соприкосновение могло бы состояться. Их так и называют – бессовестными. И если количество таких нравственно убогих людей увеличивается, то соответственно снижает-

ся эффективность процесса очеловечивания человека.

Самость может существовать только в положении «вне вины»; виноватой самости *в принципе* быть не может. Поэтому человек с «хорошо развитой» самостью непробиваем в любых ситуациях. Даже когда все обстоятельства – против, и виновность его вполне очевидна, он будет с упрямством осла (да простит меня это бедное животное!) отрицать ее, ибо признание человеком даже незначительного упрека в свой адрес нанесет вред древу самости, приведет к отсыханию его листьев и побегов.

Будучи детищем животного плана, самость борется за выживание, естественно, по-звериному: тупо, отчаянно, агрессивно. В силу той же родственной связи, она чует опасность издалека и поэтому всегда пребывает в готовности дать отпор любому обличителю. Эта настороженность часто трансформируется в болезненную подозрительность к окружающим, в большинстве которых самость видит потенциальных обидчиков.

Врожденная самость («зло от юности» человека – Быт. 8,21) и совесть, благоприобретаемая в Духе Святом (Рим. 9,1), – антиподы, активно борющиеся за душу человека. Однако результаты наблюдения за поведением людей вокруг нас дают основание считать, что «пальма первенства» в этом противостоянии, как это ни прискорбно, принадлежит *самости.*

Личность с гипертрофированной самостью выглядит до-

статочно одиозной, но только – не в собственных глазах. А в собственных? Это – или герой, мужественно выдержавший осаду, или оскорбленная невинность, «без вины виноватый», или воплощение благородного негодования, гнева праведного, или же, наконец, этакий неприступный слон, пренебрегающий лаем всяких мосек. Человек же с «нормированным» уровнем самости способен в отдельных случаях снизойти до критического отношения к себе, своим мыслям и поступкам.

Дело в том, что душа человека, загрязняясь снизу, одновременно осветляется сверху благодаря воздействию Высших Духовных Сил. От степени ее просветленности зависит «порог чувствительности» человека к обвинениям извне. Естественно, чем менее душа замутнена продуктами животного плана, тем вероятнее, что жесткие критические упреки проймут ее до «самой самости», заблокировав последнюю хотя бы на время. В таком «очеловеченном» душевном состоянии люди могут приблизиться к тому, чтобы признать свою вину. Но вот признают ли? Все зависит от соотношения сил. Чаще оно складывается в пользу самости, которая пробивает нравственную блокаду совести. Это и понятно, ведь признание вины практически несовместимо с жизнью самости. Поэтому последняя станет отчаянно защищать себя, изо всех сил принуждая человека, уже готового к признанию вины, в последний момент воскликнуть: «Нет, я не виноват!».

Как ни странно, но безоговорочное признание вины, как и категорическое непризнание ее, обусловливают комфорт-

ность душевного состояния людей. Естественно – разных, ибо природа удовлетворенности собой в обоих вариантах совершенно разная: в первом случае – человеческая, во втором – животная; в первом случае – чистая совесть, во втором – самодовольная самость.

Тем не менее оба варианта, несмотря на диаметральное различие причин, их породивших, имеют общее следствие – стабильность душевного состояния, обретение внутреннего покоя. Третий же, промежуточный вариант, когда человек робко признает вину или не более решительно отрицает ее – скорее всего, душевного равновесия не принесет. В любом случае он будет сомневаться в правильности своего поведения и жалеть, что не поступил иначе.

Полезны или вредны эти колебания для нравственного здоровья человека? Все зависит от направления движения его души. Если она, призванная совестью, *поднимается* до этого пограничного состояния, оторвавшись от самости – то это, конечно, хорошо, ибо появилась предпосылка к моральной победе человека над собой. Но если зов самости окажется сильнее голоса совести, и в результате душа человека, оттолкнув высокие моральные принципы, *опускается* в некую нравственно неустойчивую зону, то это, конечно, плохо, ибо возникает тенденция к моральной деградации личности. На этой нравственной ступени содержание и последствия вины отходят на задний план, а на передний – выступает страх прослыть сопричастным этой вине. Некоторые считают, что

этот страх обусловлен стыдом перед *людьми*. Отнюдь нет, ибо для этого, как минимум, потребовалось бы вначале испытать стыд перед *собой*, перед собственной совестью. Но в условиях, когда совесть является дефицитным продуктом душевного плана, подобное случается крайне редко.

Разумеется, виноватым в чем-либо может оказаться любой и каждый, но проявить душевную силу признания в этом – способен далеко не всякий человек. Интересно, что поистине сильных людей не пугает перспектива выглядеть слабыми в глазах окружающих, они знают себе цену. Ропот неудовлетворенного тщеславия у них гораздо слабее голоса совести. Поэтому душевный комфорт они обретают как результат признания своей вины, принесения извинений или искреннего раскаяния, то есть – очищения совести. И еще одна душевная особенность, присущая очень сильным людям: способность взять на себя вину другого человека, то есть совершить добродеяние. Однако это уже выходит за рамки жизненных принципов «нормального» человека, живущего по нейтральным нравственным законам.

В то время как сильные живут по совести, слабые живут по самости. Грубость, спесь, жестокость и другие животные качества человека ничего общего с его душевной силой не имеют. По утверждению Пушкина, «слабее нежного – жестокий». Если сильные могут позволить себе «роскошь» – признать собственную вину, даже серьезную, то слабые не способны на это даже в случаях легкой провинности. Ведь по-

добное признание было бы ущербным для самости, за счет которой слабодушный владелец ее желает *выглядеть* сильным всегда и везде, в том числе и в ситуациях «виноват – не виноват», даже когда причастность к вине машинально фиксируется краем его же сознания.

Самость многогранна, ей присущи многие негативные качества, в том числе и зависть – черта, имеющая непосредственное отношение к нашей теме. Самость не умеет страдать в одиночку, ей комфортнее, когда вместе с ней страдают другие. (Моя соседка как-то пожаловалась мне, что у нее воры вскрыли дачный домик и многое украли. «Но хорошо еще (!), что не только у меня одной», – добавила она с нескрываемым облегчением.) У самости одинаковую зависть вызывает человек и более выигравший, и менее проигравший, нежели ее владелец. (Английские психологи установили, что для душевного комфорта трудящемуся в большей степени важен не размер собственной зарплаты, а чтобы она была не ниже, чем у других. Да и мне приходилось встречаться с людьми, которых волновало – не «почему мне мало заплатили», а «почему другому больше, чем мне» хотя бы на рубль.)

Самость амбициозна, особенно в ситуациях, когда требуется не самозащита – «Я не виноват!», а самоутверждение – «Я прав!».

* * *

Если бы была учреждена медаль «За самость», то оборонительное «Я не виноват!» размещалось бы мелким курси-

вом на обратной ее стороне, а вот наступательное «Я прав!» было бы крупно начертано на лицевой. Это и понятно, ибо медаль присуждается человеку за особые качества (например, медаль «За отвагу»), выделяющие его из толпы, а посему они должны быть прославлены явно.

Рассмотрим более подробно девиз: «Я прав!». Оговорюсь сразу, что случаи, когда доказательство правоты строится на логических ходах и подкрепляется убедительными аргументами и контраргументами, меня не интересуют. Не будут рассматриваться и варианты, когда человек не имеет строгих доказательств своей правоты, но интуитивно чувствует ее, вопреки, казалось бы, веским доводам оппонентов. В последнем случае дискутирующие просто остаются при своих мнениях. В рамки же моего интереса входят только те ситуации, когда правота не *доказывается* человеком, а *утверждается* его самостью – природной или «благоприобретенной».

Так, в армии, которой я отдал около тридцати лет жизни, и следовательно знаю то, о чем пишу, не понаслышке, взаимоотношения начальника и подчиненного регламентированы не только и не столько требованиями Уставов, сколько элементарным «нравственным» принципом: «я –начальник, ты – дурак», «ты – начальник, я – дурак». Но ведь дурак – это тот, который не прав, кто мыслит, говорит и делает *не то* (за исключением дурака в русских народных сказках). Следовательно, в армии начальник автоматически становится пра-

вым, точнее – не может быть неправым, независимо от содержания «истины», которую он несет. (Справедливости ради следует заметить, что она часто бывает и без кавычек.) Это уродливое порождение армейской морали является детищем трех постоянно действующих факторов: подмены уставных понятий «требовательность» и «право» аморальными понятиями «грубость» и «вседозволенность»; одобрительного отношения старшего начальника к самоуправству начальника младшего; зависимости человека в погонах от всей иерархии начальников.

Так может ли в *такой* моральной атмосфере, «узаконенной» временем и традициями, начальник быть неправым в принципе? Нет, не может. Даже в ситуации, описанной в «бородатом» армейском анекдоте.

Солдат-остряк не без ехидства спрашивает:

– Товарищ сержант, а крокодилы летают?

– Да вы что, Иванов! Конечно нет, – уверенно отвечает сержант.

– А командир роты утверждает, что крокодилы летают, – заявляет солдат.

– Что? Командир роты? Да, да, конечно летают, но только так… низехонько-низехонько, – выкручивается из щекотливой ситуации сержант.

Сравним лицевую сторону медали «За самость» с ее обратной стороной. Оборонительная установка «Я не виноват!» носит локальный характер. Ее экранирующее действие

ориентировано вовнутрь личности, оно имеет целью создать *защиту* от обвинений и упреков, то есть от волевых воздействий окружающих. Наступательный же принцип «Я прав!» ориентирован вовне, от личности. Он нацелен на *подавление* воли людей, находящихся в контакте с беспрекословно правым человеком.

Вынужденное признание правоты отдельно взятой личности людьми, длительно зависимыми от нее, пагубно влияет на последних. Проще говоря, они становятся двуличными: с одной стороны – дежурная учтивость, упредительная исполнительность и публичная поддержка авторитета начальника. А с другой?.. Слышали бы вы, *что* и *как* говорят о своих начальниках «уважающие» их подчиненные в курилке, казарме или на «мальчишниках» в офицерском общежитии! Но справедливости ради следует сказать, что характеристики, отпускаемые начальникам заглазно, не всегда бывают издевательскими. Имеют место и положительные (и даже очень) отзывы о своих командирах. Однако это, скорее, исключение, нежели правило.

Безусловно, насаждаемый всеми правдами и неправдами абсолютистский принцип – «начальник всегда прав» неизбежно уродует нравственность не только подчиненного, но в большей степени – самого начальника. «Беспрекословная правота», исходящая от него, обычно отражается подчиненным в виде столь же «беспрекословной веры» в эту самую правоту. Такая обратная связь, в конце концов, приводит к

тому, что начальник и сам уже начинает *искренне* верить в собственную непогрешимость, в то, что «Я, действительно, всегда прав!». Нетрудно догадаться, во что выльется в конце концов необузданная самоуверенность.

Да, «короля делает его окружение». И хотя в данном случае масштабы далеко не королевские, принцип остается тем же. Утрата критического отношения к собственным суждениям и поступкам усиливает придирчивость к другим и порождает двойной стандарт оценки поведения в сопоставлении «я и они». Применительно к армейским (опять же!) условиям это выражается в том, что в сознании начальника понятие «моральное право» отрывается от понятия «уставное право».

…На строевом смотре командир подразделения придирчиво осматривает своих подчиненных. В его обязанности входит проверка их внешнего вида и правильности исполнения ими строевых приемов. Офицер делает необходимые замечания, причем в строгой форме, то есть в духе уставных требований. Все верно, за исключением одного: этот начальник вообще не имел права, морального права, на какие-либо замечания, поскольку его собственный внешний вид нельзя было назвать даже удовлетворительным. А показательное исполнение им строевых приемов вызывало у подчиненных едва скрываемые ехидные улыбки. Все это выглядело откровенным издевательством над армейским воспитательным принципом «Делай, как я!». Конечно, этот командир к

смотру не готовился, да и зачем? Ведь в глаза ему не сделает замечания ни один из подчиненных – Устав запрещает, а уж *что* они будут о нем говорить и над *чем* иронизировать в «свободное от работы время» – ему как-то безразлично. Мне вспоминается еще один затертый солдатский анекдот. Привожу его, потому что здесь – все на поверхности.

…Полевые учения, время близится к обеду.

– Личному составу взвода получить *люменевые* миски и направиться к кухне, – командует сержант.

– Товарищ сержант, не люменевые, а алюминиевые, – поправляет сержанта «шибко ученый» рядовой Иванов.

Сержант промолчал, а по окончании обеда отдал команду:

– Всему личному составу взвода – отдых тридцать минут. Рядовому Иванову – мыть *люменевые* миски. Вот и вся мораль.

Приведенные выше анекдоты и вполне реальный сюжет, каких, к сожалению, немало на моей памяти, свидетельствуют об определенной закономерности: принцип «Я прав!» при длительной и беспрепятственной его эксплуатации неминуемо трансформируется в аморальное – «Мне все дозволено!», включая грубость, хамство и мстительность.

* * *

Верное в принципе уставное положение, не дающее подчиненному права на замечание или ответную реплику в адрес начальника, есть не что иное как «моральные наручники». И как любые наручники, эти – также предназначены

для усмирения человека, а не для возможности безответно издеваться над ним. Тем не менее не столь уж редки случаи применения в отношении подчиненных силовых приемов с «воспитательной» целью. К примеру, воспитания собачей преданности. И ведь не без результата, что самое интересное! Впрочем, русский поэт-помещик Н. А. Некрасов в свое время очень тонко подметил, что:

Люди холопского звания
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказание,
Тем им милей господа.
«Кому на Руси жить хорошо»

У некоторых читателей может сложиться впечатление, что описанный мною тип взаимоотношений начальника и подчиненного – порождение сугубо армейской действительности. Нет, конечно. Просто мне очень близки люди в погонах, в среде которых я вращался на протяжении долгих курсантских и офицерских лет. А потому и начал с примеров из *той* жизни. Действующий «на гражданке» принцип взаимоотношений начальника и подчиненного аналогичен армейскому, но воплощается в жизнь он в более гнусных формах.

В армии, как уже говорилось, для насаждения своей правоты начальник приводит в действие два рычага: «законно» злоупотребляет дисциплинарными уставными требова-

ниями и умело использует иерархическую зависимость подчиненного.

В гражданском же трудовом коллективе, в силу его «демократической» природы, первый рычаг, естественно, не применим. Зато второй работает с удвоенной эффективностью. Здесь подчиненные сами создают благоприятные условия для собственного закабаления. Своей *упреждающей* покорностью они успешно открывают «зеленую улицу» административному хамству, а потом, когда начинается действие обратной связи, от него же и страдают. Ощущение и осознание зависимости (в первую очередь – материальной) от должностной власти начальника, дополнительно усиленной стараниями подчиненных, порождает у них обоснованный страх, поводов для которого более чем достаточно. Дадут ли доработать до пенсии? Дадут ли поработать после выхода на нее? Повысят ли оклад? Повысят ли в должности? Не срежут ли премию или доплаты? – все эти и подобные им вопросы во многом зависят от волеизъявления «шефа», а оно напрямую связано с умением подчиненного вести себя «должным образом»: вовремя поддакнуть или хотя бы не возразить, умело скрыть обиду или недовольство, проявить *ненаказуемую* инициативу и т. д.

Как и начальника в погонах, гражданского шефа также переполняет самомнение, старательно подпитываемое его «преданными» подчиненными. Как и в армии, они за глаза оценивают начальника *таким образом,* что лучше бы ему

этого не слышать никогда! (Пусть лучше слышит их любезные голоса, видит их приветливые лица и пребывает в иллюзии, что *все это* вполне искренне.) Армейского и гражданского начальников роднит и то, что у обоих принцип «Я прав!», трансформируясь в «Я всегда прав!», порождает внутреннюю установку «Мне все дозволено!». Даже в сфере, выходящей за служебные рамки. Что ж, «так принято»! «Благоприобретенная» вседозволенность может проявляться, например, в нетактичном отношении (обращении) к подчиненному сотруднику. Для начальника это, несомненно, нравственная норма. Но как ее воспринимает подчиненный? Естественно, его самолюбие, задетое бестактностью шефа, страдает видимым и даже слышимым в узком кругу сотрудников образом. Однако защитить личное достоинство у подчиненного язык не повернется, здесь он не может «переступить через себя», хотя в иных ситуациях делает это без особых усилий. Статус начальника затворяет уста подчиненному и парализует волю (не каждому и не каждого, конечно) магическим образом.

В сущности, поведение и того и другого носит биологическую окраску, но самость проявляет себя по-разному. Если у подчиненного – это животный по своей природе страх перед существом сильным, то у начальника – животное стремление подавить существо слабое. Это тип взаимоотношений вожака и стаи. Жизненное кредо «Я всегда прав!» в системе «начальник – подчиненный» неизбежно приводит к нравствен-

ному расстройству обоих. У первого наблюдается рост никем не сдерживаемых амбиций, претензий и капризов; у второго же формируется двойной стандарт отношения к людям – влиятельным и не очень. Какая из этих двух порочных наклонностей хуже? Да обе хуже.

Но начальнику, привычно выстраивающему свои взаимоотношения с подчиненными по принципу «Я всегда прав!» (другого – он просто не признает), присущ лишь *один-единственный* вариант поведения. В то время как подчиненный, пострадавший от бестактности «всегда правого» начальника, располагает *двумя* вариантами реакции на нее. Вариант первый – отсутствие всякой реакции; человек молча и, видимо, привычно проглатывает обиду. Вариант второй – подчиненный в адекватной форме защищает себя как личность. Правда, в силу троичности любой ситуации, может быть и нечто среднее: колебание между первым и вторым. А уж что перевесит: чувство ли собственного человеческого достоинства или собственный животный страх перед работодателем (омерзительное определение) – зависит от расположения приоритетов на шкале жизненных ценностей конкретного человека.

Подчиненный, прощающий начальнику бестактность, а тем более хамство, из трусости или прагматических соображений, мне лично несимпатичен в большей степени, нежели его наделенный властью обидчик. И если в армии бесправный подчиненный просто вызывает сочувствие, то под-

чиненный на «гражданке», отрекшийся от своих прав на защиту личного достоинства «корысти ради», просто жалок. Когда после тридцати лет армейской жизни я пришел на завод, меня поразила сцена, происходившая на заводским дворе, при народе. В ней участвовали всего два действующих лица. (Точнее, одно, ибо второе лицо было абсолютно бездействующим.) Один из мужчин, грозно размахивая руками, позволял себе долго и грубо орать на другого, а последний, приняв унизительную стойку, позволял первому орать на себя. Позже я узнал, что один из них (ясно – кто!) был генеральным директором завода. Прошло много времени, и я уже давно не удивляюсь подобным сценам, но ту, первую, где уже немолодой сотрудник уподобил себя зелененькому лейтенанту, а генеральный директор – генералу, мне не забыть никогда.

Похоже, что армейское правило, с которого я начал данный параграф (понятия «начальник» и «дурак» – несовместимы), успешно действует и на «гражданке». Впрочем, как и другой красиво сформулированный постулат: «Тот прав, у кого больше прав».

* * *

До сих пор речь шла именно о таких «профессионально» правых людях, то есть людях, злоупотребляющих реальными правами, которыми они обличены «по статусу». Теперь же поговорим о *бесправных* правых. Это, так сказать, любительская категория, самая широкая категория людей, любя-

щих быть правыми во всем. За ними всегда должно оставаться последнее «Я прав!», чего бы это им не стоило. Иначе их голодная самость будет долго и упорно грызть изнутри болезненно самолюбивую душу. Формируются эти носители «истины в последней инстанции», конечно, из тех, кто «Я не виноват!», но идут они гораздо дальше последних, стремясь выглядеть победителями хотя бы в собственных глазах (лучше, конечно, в глазах окружающих). В худшем случае они согласятся на боевую ничью, дающую возможность расстаться с оппонентами без отказа от собственной правоты. Но *согласиться* с чужим, пусть даже хорошо обоснованным мнением, – ни за что! Из *принципа,* конечно, и никак иначе.

Ох, уж эти принципы! Диву даешься, до какой степени нынче затерта, опошлена и обесценена суть этого логического понятия. Принципами сегодня прикрывают и упрямство, и высокомерие, и мелочную неуступчивость, и ханжество, и другие проявления ложного самоутверждения. Принципами спекулируют: так, дабы «не ударить лицом в грязь» и ухватиться за очевидно ускользающую правоту, люди хитрого ума идут на разные поправки, подтасовку аргументов или, глазом не моргнув, отказываются от них. Разве столь уж редки в наших мелочно-бытовых спорах жалкие и в то же время наглые уверения типа: «Я этого не говорил» или «Вы все меня неправильно поняли»? Мне вспоминается комический эпизод. Один из туристов теплоходного маршрута Череповец – Астрахань уверял нас, соседей по каюте, что

Жигулевские горы находятся на *левом* берегу Волги. Я возразил, второй же сосед засомневался и раскрыл свой походный атлас.

– Как видите, на правом, – сказал он моему оппоненту, ткнув пальцем в соответствующее место на карте.

– Я же и говорю: на *правом*, но слева от русла Волги, если *смотреть на карту*, не моргнув глазом, скорректировал свои доводы оппонент.

Но гораздо чаще – оголтелое упрямство без каких-либо мотивов вообще. «Я так считаю – и все! И что бы вы мне ни говорили, я своего мнения не изменю!» – вот так или примерно так обосновывали свое тупое «Я прав!» некоторые из числа тех, с кем сводила меня судьба хотя бы мимолетно. (В последнее время все чаще пользуются доводом – «Я убежден!». Но это, скорее, телевизионное заимствование. Однако «убедить» и «доказать» – не совсем одно и то же.)

Определить таких людей внешне особого труда не составляет, стоит лишь внимательно присмотреться к тем, кто вокруг нас. Даже вне конфликтных или спорных ситуаций этих людей отличает какая-то особая манера подачи собственного мнения, какой-то специфический тон. В нем слышится не грубость и даже не резкость, а, скорее, некая категоричность, заявка на бесспорную правоту; человек говорит и одновременно как бы утверждает сказанное. Такие люди в повседневной жизни склонны к назиданиям и резонерству, они не высказывают, а естественным для них образом *изрекают*

свое отношение к чему-либо; их слово если уж и не закон, то, по крайней мере, некая бесспорная установка.

Они не отличаются гибкостью мышления, у них все «параллельно или перпендикулярно». К тому же не любят и не умеют слушать, кроме самих себя, конечно. Поэтому *истина* в спорах (не дай Бог!) с такими твердолобыми индивидуумами не может родиться в принципе. Точнее, в них чаще всего рождается аж две «истины»: здесь не вникают в доводы оппонента и даже не слышат их, а поспешно утверждают свои.

«Вечно правые» весьма требовательны, но, к сожалению, не к себе; критические замечания в свой адрес они воспринимают болезненно. Обожают отдавать команды, поэтому любая данная им власть, даже условная, непомерно возвышает их в собственных глазах. Кстати, формы и тон этих команд также свидетельствуют о мелочном природном вождизме, нередко смешиваемым с незаурядными организаторскими способностями и чуть ли не с харизмой. Характерная деталь: эти мелкие «фюреры» часто предваряют свои командные установки категоричным «Так!», а затем уже в манере армейского «деда» оглашают приказ: «взяли», «понесли», «наполнили» и т. д. Они не терпят возражений или оправданий, парируя их на лету непробиваемым: «Ничего не знаю!». (С чем трудно не согласиться, настолько это очевидно.) Багаж их познаний, как правило, весьма скуден, а стремление к его пополнению перекрывается напыщенной самостью. Одна из сотрудниц (представитель вечно «правых» сил) в ответ

на мои старания несколько расширить ее профессиональный кругозор раздраженно, то есть честно, заявила: «Г. Н., не напрягайте меня знаниями!». Что лежало в основе этого категоричного неприятия – не знаю. Могу лишь предположить одно из двух: либо – «я знаю *это* и без вас», либо – «мне хватит и *того*, что у меня есть». И действительно, к чему собственные знания, если их с успехом замещают собственная чванливая самодостаточность и возможность паразитировать на знаниях и труде других людей. *Так* легче жить.

К сожалению, далеко не все вечно и бесспорно правые люди, менторским тоном поучающие вас жизни, сами следуют по ней в соответствии с провозглашаемыми ими же нормами и правилами. Большинство предпочитает двойные стандарты морали: по одним – учат жить, по другим – живут в схожих обстоятельствах; весьма требовательны к другим, но снисходительны к себе. Правда, им часто достается: их разоблачают и бичуют за такую, мягко говоря, непоследовательность. Но с них это – как с гуся вода: их жизненные ситуации, в отличие от ваших, всегда *особые*. Примеров тому, вероятно, у каждого более чем достаточно.

Выше я пытался набросать, естественно, субъективный, основанный на личных наблюдениях, поведенческий портрет человека, строящего свои взаимоотношения с миром людей по принципу «Я прав!». Конечно, штрихи этого портрета не в полной или одинаковой мере присущи *каждому* такому человеку. Списаны они порознь, с конкретных людей,

знакомых мне по жизни, а уж затем сведены вместе.

Читатель, вероятно, упрекнет меня в том, что, рассматривая тему, я слишком углубился в детали. Возможно, но это оправдывается тем, что «госпожа Самость», рвущаяся наружу из недр «вечно правого» человека, настолько разнообразна именно в деталях, что достойна, на мой взгляд, даже большего внимания. Так что откровения самости, приведенные мною, – всего лишь некоторые, причем видимые, ее грани.

(С теми, кто всегда «Я прав!», не следует смешивать рядовых *немногословных* упрямцев. Последние также особых симпатий не вызывают, но все же они не одиозны, поскольку никому ничего не навязывают, не доказывают, не опровергают и даже иногда вроде бы кивают в знак согласия, но… не соглашаются и делают по-своему. Их раздражающая безответная «принципиальность» имеет несколько иную природу. Она проявляет себя в упрямом следовании не столько собственным установкам и убеждениям, сколько *вопреки* советам и рекомендациям со стороны, даже если целесообразность последних где-то осознается и самим упрямцем. Все это маскируется, впрочем, под особое личное мнение. Они редко считаются с так называемым общественным мнением, поэтому часто слышат нелестные сравнения с упрямыми домашними животными.)

Однако была ли необходимость акцентировать внимание на деталях и без того очевидных? Да, ибо эти внешние признаки внутренних сущностей позволяют разглядеть – *с кем*

имеешь дело, что помогает наметить линию поведения. Но много ли этих линий? Есть ли из чего выбирать? И да и нет одновременно.

«...глупому по глупости его...»

Мудрый Соломон оставил нам в наследство противоречивую на первый взгляд притчу: «Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе не сделаться подобным ему; но отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в глазах своих» (Притч. 26, 4-5).

Библейский царь почитал глупцами людей, презирающих наставление и ненавидящих знание (Притч. 1, 7,22). Поскольку эти признаки практически совпадают с описанными выше признаками «безусловно правого» человека, постольку и рекомендации Соломона относительно того, *как* вести себя с глупцом, остаются в силе и при замещении глупца человеком, который «Я всегда прав!». Конечно, «лучше встретить человеку медведицу, лишенную детей, нежели глупца с его глупостью» (Притч. 17,12), но второе все-таки встречается гораздо чаще.

Таким образом, эта двухчастная притча призвана работать чаще всего в узких рамках взаимодействия с изреченной глупостью. Смущает, правда, то, что рекомендации ее с первого прочтения как-то не совмещаются в сознании. Но

думается, что доброжелательный автор притчи вряд ли считал своего читателя глупцом, не способным разобраться в ее сути.

Внешне предлагается совершить не одно из двух действий на выбор, а два, казалось бы, взаимоисключающих действия одновременно. Однако Соломон недаром, назидая – «отвечай» и одновременно – «не отвечай», в обоих случаях предельно четко объясняет – *во имя чего*, с какой целью. Значит, существует такой вариант поведения, который удовлетворял бы обоим условиям, обоим «чтобы…» *одновременно*.

В силу троичности любой ситуации, в данной – также сокрыт такой срединный путь. Он станет явным, если притчу несколько видоизменить, не касаясь ее глубинного смысла: отвечай глупому по глупости его *так*, чтобы и тебе не сделаться подобным ему, и чтобы он не стал мудрецом в глазах своих.

Таким вариантом является уверенное однократное озвучивание *только собственного* мнения, каким бы оно ни было, *и не более того.* Так мы воспрепятствуем глупцу стать мудрецом в глазах своих. Но если мы забудем наставление Пушкина: «и не оспаривай глупца!», да еще при этом с пристрастием, не скупясь на эпитеты, прокомментируем услышанную глупость, то мы уже точно уподобим себя глупцу, точнее – станем им в данной ситуации.

Так что, *теоретически* вполне возможно одним выстрелом убить двух зайцев, выполнить в один прием обе, ка-

залось бы, несовместимые заповеди притчи. Но поскольку умение с достоинством властвовать собой присуще далеко не каждому, а самость в той или иной мере – поголовно всем, то мы практически крайне редко, утверждая себя, обходимся без язвительных ремарок в адрес глупца. А это – надежный путь к скатыванию в ту же категорию. Можно, конечно, заставить себя вообще не реагировать на раздражающие нас глупые заявления. В этом случае мы, естественно, не уподобимся глупцу, но и не воспрепятствуем ему в очередной раз «стать мудрецом в глазах своих». Иначе говоря, или поощрим его самость, или нарвемся на вызов. Приходится признать, что хотя единое решение притчи Соломона найти и нелегко, еще труднее следовать ему. Притча переходит практически в ситуацию выбора, в результате которого либо вы – прямой глупец, либо ваш оппонент – мудрец, на фоне которого вы – опять же глупец, но теперь уже – косвенный. Срединный же, оптимальный вариант, как уже отмечалось, доступен далеко не всем и не всегда. Будучи вариантом равновесным, он возможен лишь при должной выдержке обоих участников диалога. В противном случае он превращается в острый конфликт, в котором глупый и отвечающий «по глупости его» постоянно меняются местами. Глупость, равно как и реакция на нее, воспринимается прежде всего – эмоционально. Подчас содержание глупости имеет меньшее значение, нежели форма ее подачи. Ответить или воздержаться от ответа – во многом зависит от того, насколько затронутая

тема болезненна для того или иного человека. Одному – она, как вожжа под хвост; другому – безразлична до глубины души.

Но тут выплывает один из двух коренных русских вопросов (вариант): «Кто виноват в конфликте?». «Вероятно, тот, кто его спровоцировал, кто первым заявил свою истину *как* истину в последней инстанции», – ответят многие. Нет, виноваты оба, но в большей степени тот, второй, который на эту «истину» отреагировал, поддался на провокацию.

В терминах притчей Соломона глупцом является самонадеянный человек. «Слово «глупый» в Писании никогда не применяется к слабоумному человеку, но лишь к высокомерному и самодовольному, управляющему своей жизнью так, как будто нет Бога» [1], с. 744. Но с глупцов (воздержусь от более обидного синонима), как известно, и спрос мал. Так что особых претензий к поведению глупца предъявлять не стоит: по-иному вести себя он просто *не может* – не дано от природы. И мудрые назидания (даже самого Соломона!) также не для него, ибо «для приобретения мудрости у него нет разума» (Притч. 17,16). Поэтому-то и притча обращена не к нему, а к тому, у кого есть разум, «кто имеет уши слышать», кто может не только усвоить мудрость притчи, но и по мудрости поступить – то есть удержаться от ответа «глупому по глупости его». И когда этого не случается, то большая доля вины в назревающем конфликте ложится, естественно, на того, кто *мог и должен* был справиться с собой.

Что же касается наставления – отвечать глупому, дабы он не мнил себя мудрецом, то здесь хотелось бы, не оспаривая Соломона, сказать следующее. Вряд ли толстокожая самость человека, живущего по принципу «Я прав!», а тем более – «Я всегда прав!», пострадает от комариного укуса, каковым, по сути, и является ответ «глупому по глупости его». Вряд ли такой человек перестанет мнить себя мудрецом, даже если он услышит сотню *таких* ответов одновременно. Стало быть, наше возражение глупцу для него самого – что в слона дробина, а для нас – лишь самоуспокоительный прием, способ ублажения самости. «Молодец, ты в долгу не остался! Здорово отбрил его!» – вкрадчиво поощряет человека его болезненно самолюбивая душа.

Так стоит ли из-за *этого* человеку не глупому скатываться на позиции глупца, отвечающего глупому «по глупости его?» Не стоит, тем более что та самая ваша дробина может случайно угодить глупцу в болевую точку. И тогда базарный вариант рождения истины – самый популярный в народе – неизбежен. Как правило, попытки осудить «мудреца в глазах своих» на некие муки раскаяния ничего не приносят, кроме ухудшения общего морального климата. Правда, они способны, как я уже говорил, привнести тихое злорадное наслаждение в души самих осуждающих. Так что если только не для собственного удовольствия, то из двух притчей Соломона, на мой взгляд, теоретически целесообразнее выбирать чаще ту, что рекомендует не вступать в полемику

с глупцом – так будет комфортнее всем.

* * *

Выдавать рекомендации, естественно, проще, нежели им следовать. Например, в случаях, когда банальная, но мудрость, затерта до ординарной глупости; когда уши вянут от примитивных, но «истин в последней инстанции». Ну, кто, допустим, станет оспаривать правдивые утверждения, что социально-бытовые условия нашей повседневной жизни во многом отвратительны? Практически – никто. Но когда избитые примеры голой правды-матки с раннего утра сыплются на вас как из рога изобилия, то воспринимаются они глупее глупости из притчи.

Эти категорические, безупречно выверенные обвинения различаются лишь объектами критики. Если вчера, к примеру, день начинался с гневного, на грани проклятия, возгласа: «Вот она, наша медицина…» (далее идет перечисление негативов), то сегодня или завтра будут пригвождены к позорному столбу «наши» милиция, коммунальная сфера, чиновничьи структуры, торговля и т. д. Бесспорно, эти и другие общественные институты заслуживают самой низкой оценки, бесспорно, работают они в основном на себя, но навязчивый разбор до боли известных негативов раздражает наши и без того расшатанные нервы. Однако мы осознаем, что в высказываниях человека присутствует не только травмирующий нас фактор, но и маленькая тупая правда, отрицать которую невозможно. Как повести себя в такой ситуации? Легче, ес-

ли правдолюб – знакомый нам человек, но вообще есть три варианта.

Первый – прервать гневную тираду возмущенного человека. Второй – поддакнуть, согласиться с ним. Третий – никак не отреагировать, постараться все пропустить мимо ушей.

В первом случае, даже если это сделать корректно, мы рискуем поссориться с человеком, добровольно взявшем на себя функцию народного обвинителя. Ведь именно к таковым он относит себя, а свое неуемное келейное бунтарство считает признаком зрелой нравственности, о чем кричит его довод: «если все будут молчать, то…». Поэтому прервать справедливую в корне гневную тираду или иным способом дать понять, что его критиканство надоело до тошноты, значит оскорбить человека в его лучших намерениях и тем самым создать предпосылку к конфликту – явному или скрытому.

Во втором случае результат вообще не предсказуем. Как известно, лучший способ отвязаться от навязчивого мелочного резонера – это согласиться с ним, сказав, к примеру: «Да, безусловно, ты прав». (По сути, вы не грешите против истины.) И вполне возможно, иной правдолюбец, обрадованный тем, что его доводы нашли отклик в вашей душе, что он в очередной раз «Я прав!», удовлетворится этим и оставит вас в покое. Но может статься, что окрыленный вашим одобрением, человек станет развивать свою правоту вширь и вглубь, подкрепляя ее бесчисленными фактами. Более того,

не исключено, что он будет пытаться привлечь и вас к участию в вынесении приговора нашей суровой действительности. Как будут развиваться события дальше – зависит от вашего долготерпения, запаса обличительных доводов у обвинителя и каких-либо случайных обстоятельств. Например, спасительного телефонного звонка.

Третий случай как нечто среднее между первым и вторым, хотя и наиболее приемлем для безболезненного расхождения сторон, все же не гарантирует того. Вполне возможно, что человеку необходимо всего лишь разрядиться, излить свое негодование. В этом случае для него важно не ваше участие, а скорее ваше присутствие, пусть даже бессловесное. Ну, а если он не удовлетворится вашим равнодушным отношением к бичеванию очередного беззакония, выявленного им? Что ж, тогда вполне вероятен плавный переход к одному из двух уже знакомых нам вариантов.

В заключение разговора о притчах, вынесенных в заголовок, вспомним еще одну: «Начало ссоры – как прорыв воды; оставь ссору прежде, нежели разгорелась она» (Притч. 17,14). Думается, что именно в третьем варианте поведения содержится некоторый шанс на мирный исход, рекомендуемый Соломоном.

«Я такой, какой я есть!

»

Безусловно, рассмотреть все проявления человеческой самости практически невозможно – их слишком много. Но еще на одном из них, столь явном и не столь уж редком, все же следует остановиться. Речь пойдет об эгоистическом равнодушии человека к собственной нравственности.

«Да, мы должны прилагать усилия, да, мы должны бороться с грехом, да, мы *должны стремиться к самосовершенствованию* (курсив мой – *Г.М.*), но помня, что сами себя за волосы мы вытащить не сможем, это работа только лишь подготовительная» [3], с. 188.

Подготовительная – к чему? К сотворчеству с Высшими Силами, к участию в замыслах Христа. «Потому что Его замысел – преображение мира… А мы должны только его предвосхищать…» [3], с. 190. Преображение мира в целом, его эволюция невозможны без преображения отдельно взятого человека «от мира сего». Поэтому вопрос личного совершенствования является далеко не личным для каждого из нас, что и подчеркивает Александр Мень, автор приведенных высказываний. Однако современному россиянину чаще всего даже неведомо, что нравственное совершенствование существует как понятие. И уж тем более, что оно имеет непосредственное отношение к нему лично. Впрочем, это вполне

объяснимо.

В советском государстве, как уже говорилось, декларировался «Моральный кодекс строителя коммунизма», в состав которого входили… ветхозаветные нравственные заповеди, хотя и по-иному сформулированные. В государстве постсоветском его вытеснила назойливая реклама биологических ценностей и животных нравов. Пребывая в таком «нравственном» поле, человек не в состоянии самостоятельно вырваться на уровень восприятия ценностей духовных. Он не обладает способностями барона Мюнхгаузена, не может вытащить себя из этой вязкой, губительной грязи. Он не способен подняться до нравственной самооценки, следовательно, вопрос «Какой я есть?» перед ним стоять не может. Он полагает, что все его достоинства, недостатки и даже дурные наклонности достались от Творца, то есть помимо его личной воли и желания, и в силу этого ревизии не подлежат.

«Я такой, какой я есть!» – простейшая форма самоутверждения. И с этим нельзя не согласиться. Да, мы действительно все разные, ибо набор моральных качеств, в том числе и негативных, в каждом человеке индивидуален и определяется спецификой жизненной программы, заданной ему Творцом. Но мы не учитываем того, что одной из составляющих *этого* понятия, *этого* индивидуального божественного проекта является способность человека *изменять и дополнять* его, то есть способность к *самосовершенствованию.*

Божественное предопределение могло бы, конечно, слу-

жить удобным оправданием всех наших плюсов и минусов, если бы не одно «но» – *свобода воли*, дарованная человеку Богом. Ее присутствие не позволяет предполагать человеческие пороки и достоинства фатально стабильными («Только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти», – опасается апостол Павел в Гал. 5,13). Иными словами, личность определяется не только и не столько тем, какой *я есть*, но в большей степени – каким *я способен* стать. По словам А. Меня, «личностное начало присуще людям не столько в виде данности, сколько как заданность» [6], с. 399.

Безотчетное, не осознанное человеком обретение новых стереотипов поведения, изменение его отношения к людям, себе и ситуациям в процессе жизни – неизбежны. Это естественная, адекватная реакция приспособления к изменившимся условиям бытия. Соотношение плюсов и минусов, достоинств и недостатков, наблюдаемых у конкретной личности, не есть нечто закостенелое во времени, раз и навсегда данное. Оно может стихийно, естественным образом измениться, не исключено, что и в лучшую сторону. Однако без участия сознания, без целенаправленного устремления к этому, без той самой подготовительной работы, о которой говорит А. Мень, невозможно приблизиться к Богу, сделать очередной шаг в направлении эволюции души. «Да будете сынами Отца вашего Небесного», – назидает Христос слушателей Нагорной проповеди (Мф. 5,45). Но для достижения сыновней близости необходимо реализовать свое подо-

бие Отцу: «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5,48).

Самосовершенствование – не разовое, импульсивное действие. Это – трудный и непрерывный процесс, охватывающий всю сознательную жизнь. Он требует колоссального терпения, что и подчеркивает апостол Иаков: «Терпение должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак. 1,4).

По Иакову «совершенство во всей полноте» есть плод долготерпения. Но терпение может быть долгим лишь тогда, когда оно столь же долго подогревается сильным желанием, когда цель оправдывает средства по убеждению *самого* человека.

* * *

А теперь посмотрим вокруг нас… Много ли мы увидим людей, которые *таким* желанием обладают? К сожалению, нет. По крайней мере, в кругу тех, с кем мне приходилось более-менее длительно общаться, их не столь уж много. Остальные же, то есть большинство, признают необходимость самосовершенствования в чем угодно, только не в нравственно-этической сфере: здесь они упорствуют в ложной самодостаточности. Эти люди работают, и подчас весьма успешно, над совершенствованием своего здоровья и физических способностей, повышают образовательный, профессиональный и общекультурный уровень, стремятся быть гармоничными в одежде, искусственными методами «улучша-

ют» даже свои внешние природные данные. Иными словами, не желают оставаться в этом такими, каковы они есть, а стремятся стать лучше, совершеннее, чем они есть.

И только для своей нравственности люди в большинстве своем делают длительное, практически пожизненное исключение. Они даже не пытаются изменить себя. Не будучи самокритичными, они не сетуют, за редким исключением, по поводу личных моральных или умственных изъянов. (Естественно, речь идет не о публичном самобичевании, а о скрытном признании в них самому себе.) Более того, они даже бравируют своими минусами, возводя их ни больше ни меньше как в ранг специфических достоинств или индивидуальных отличительных признаков. Для них это святыня, на которую замахиваться – великий грех.

Помню, как на семинаре «Изменюсь я – изменится мир вокруг меня», проводимом Духовным Университетом Брахма Кумарис, одна из участниц заявила с искренним испугом: «Да ведь если я стану сдерживать себя или уступать, то это уже буду не я, а другой человек! А я хочу остаться такой, какая я есть!». По логике этой женщины добровольно обуздать негативное качество души – значит исказить или даже уничтожить душевное лицо. Но позвольте, неужели в результате косметической маскировки пятен на своей физиономии человек расстается с последней? Отнюдь! Он лишь на время исправляет ее, делает более привлекательной. Другое дело, что с душевными пятнами справляться труднее, нежели с

видимыми. Однако не следует спекулировать на трудностях до такой степени, чтобы отказаться от самой идеи.

Тезис «Познай самого себя», называемый заповедью Дельфийского оракула, обращен ко всем и каждому. И первым открытием человека, ставшего на путь самопознания, станет сокрытая доселе в его душе способность *властвовать собой,* «господствовать над влекущим к себе грехом».

Лукавят, ох как лукавят некоторые из тех, кто «убежден», что *изменение* себя есть *измена* себе. Прекрасно зная свои минусы, они умело подавляют их, изменяя себя, но не боятся при этом изменить себе, если это – *целесообразно*. Они, например, достаточно хорошо ориентируются в том, перед кем стоит сдерживать свои эмоции, а перед кем просто быть «какой я есть»; кому можно высказать свое мнение, пусть даже мелочное и обидное, а кому возражать вообще не стоит, а еще лучше – поддакнуть, спрятав свои соображения поглубже и т. д. Люди, манипулирующие стандартами поведения применительно к ситуации, наглядно демонстрируют, что сознательно изменить себя – в какой-то степени посильно любому человеку. «Если вы не можете сделать многого, сделайте хотя бы то, что в Ваших силах» [10], с. 54.

Но почему это «делание», обусловленное нередко прагматическими соображениями, столь редко бывает обусловлено соображениями нравственного характера? Почему в отношении своих душевных минусов человек столь упрям и консервативен? Почему, наконец, он настолько ревностно лю-

бит и охраняет их, что буквально в каждой услышанной, а уж тем более подслушанной, фразе «распознает» покушение на индивидуальность и реагирует на это соответствующим образом? Да потому что свою шкалу жизненных ценностей человек формирует преимущественно под диктовку неприкосновенной самости; потому что он пока еще в большей степени сущность биологическая, со всеми присущими ей реакциями, нежели духовная. Кстати, сравнение человека с животным подчас незаслуженно унижает последнего и является столь же незаслуженным комплиментом для первого. Так, главный герой книги Н. Д. Уолша «Беседы с Богом» *Сам* Господь Бог упрекает людей в том, что животных они «привыкли считать более низкой формой жизни – хотя животные демонстрируют в своих действиях больше целостности и постоянства, чем люди» [7], с. 97.

Как уже говорилось, самость, будучи животной по происхождению, способна как обороняться, так и нападать. Подпитываемая инстинктами, она выступает как в форме отчаянного самосохранения, так и в форме активного самоутверждения. Эти формы, гнездящиеся в душе человека, в основном и руководят его поступками. *В основном* – потому что на поведение человека в определенной степени влияют и механизмы подавления самости, роль которых прямо пропорциональна степени их развития. Пока что у человека они пребывают в зачаточном состоянии.

* * *

Столь бережное отношение человека к своей самости обусловлено тем, что фактически он *отождествляет* себя с ней, а значит и любит ее как самого себя. Понятно, что при таком допущении бороться с самостью равносильно тому, что бороться с самим собой. Это, пожалуй, самый тяжелый вид борьбы, но тем ценнее успех. По словам Максима Горького (не рискую их цитировать, так как читал об этом еще в школьные годы), ничто так не окрыляет человека, как победа над собой. Любить себя и одновременно бороться с собою можно лишь в том случае, если понятие «бороться с собою» является одним из компонентов обширного понятия «любить себя». Бороться с собою в данном случае может означать только одно – *добровольно* совершенствовать свою нравственность *насильственным* путем. Возможно ли это? Наверное, *только так* и возможно, иного пути нет.

Уже первому земному человеку, родившемуся от «грешных» Адама и Евы, Каину Бог предписывает *господствовать* над влекущим к себе грехом (в контексте Быт. 4 – подавить в себе братоубийственное намерение). А в Декалоге (Исх. 20) Он требует от всего народа *обязательного* исполнения жестких поведенческих норм, поскольку «помышление сердца человеческого – зло от юности его» (Быт. 8,21). Иначе говоря, зло обладает мощной корневой системой. Поэтому гораздо легче подавлять «зло от юности» в юношеском же его возрасте, на стадии завязи, пока оно не созрело вместе с человеком. Но, к сожалению, «качество» личной нрав-

ственности редко беспокоит человека в юные годы: «Береги честь смолоду!» – это не для нас. Впрочем, осознанная необходимость согласиться на столь полезное насилие над собой редко просыпается в человеке и в зрелые его годы.

Мудрое изречение – «добро должно быть с кулаками» весьма уместно в сфере воспитания вообще и самовоспитания – в частности. Импульсы, проникающие с высшего плана человеческой триады, и есть те «кулаки», которые поражают самость, притаившуюся в ленивой душе человека. Поэтому жесткое очищение души, принудительную вентиляцию ее и помещение в условия, крайне неблагоприятные для вызревания самости, следует считать *нравственным долгом* человека – участника божественного эксперимента.

Поэт Николай Заболоцкий дает ряд доступных рецептов душевного самовоспитания в стихотворении «Не позволяй душе лениться», главный из которых:

Держи лентяйку в черном теле
И не снимай с нее узды!

Во имя чего?

Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она!

Однако сознательная решимость обуздать минусы своей

натуры или обрести плюсы есть всего лишь благое намерение, следовать которому не так-то просто даже при полной, казалось бы, готовности к такому шагу. Особенно – в начале этого трудного и долгого пути, и особенно – человеку «в возрасте», с его тренированной самостью. Но ничего не поделаешь: «Дорога в тысячу миль начинается с первого шага» [10], с. 11. Конечно, успех самосовершенствования во многом определяется характером и природой качеств, которые человек желает подавить или развить в себе.

Но есть общее изначальное условие, которое, на мой взгляд, удачно сформулировано в дзэн-буддийской притче: «Прежде, чем сделать шаг, посмотри, где стоишь». Да, прежде, чем говорить о том, каким я хочу стать в будущем, следует, подключив память, поэтапно «просмотреть» себя в прошлом и составить свой нравственный портрет в настоящем, возненавидев всей душою то, что неприятно открылось тебе в нем. Эмоциональное состояние человека, ретроспективно оценивающего себя, проникновенно выразил Пушкин:

Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

(Воспоминание. «Когда для смертного умолкнет шумный день…»)

Согласитесь, что было бы кощунством комментировать столь гениальное откровение. Рекомендации периодически пересматривать сложившуюся шкалу жизненных ценностей мы находим в уже упоминавшейся книге «Беседы с Богом». Привожу лишь некоторые из этих наставлений: «Ты придерживайся своих убеждений и оставайся верен своим ценностям… Они образуют структуру твоей жизни, и потерять их означало бы распустить ткань твоего жизненного опыта. Однако исследуй их поочередно. Пересматривай ценности одну за другой. Не разбирай весь дом до основания, но изучи каждый кирпич и замени те, что выглядят треснутыми, больше не поддерживают структуру… Если твои ценности служат тебе – придерживайся их. Отстаивай их в споре. Защищай их. Но защищай их так, чтобы не причинить никому вреда. Вред, причиненный другому, не является необходимым элементом исцеления» [7], с. 110,111. Конечно, здесь от имени Бога назидает человек, но, по сути, это созвучно и новозаветной заповеди о любви к ближнему, и ветхозаветным заповедям, смысл которых – не причини другому зла. Естественно, речь не идет о том, чтобы подстраивать себя под чьи-то капризы и амбиции. Именно с позиции «я и окружение» должна в первую очередь рассматриваться проблема нравственного самосовершенствования, ибо «чувство соб-

ственного достоинства проявляется по отношению к окружающим» [10], с. 42.

Итак, первое условие – загляни в себя. Это трудно, поэтому вначале неплохо бы научиться глядеть *на себя*, что гораздо доступнее.

* * *

Свою внешность мы ежедневно контролируем с помощью обычного зеркала. Но существует ли зеркало необычное, в котором отражались бы наши душевные плюсы и минусы? Да, образно существует. Это – *реакция* окружающих нас людей на то, какой я есть, точнее – каким они видят меня. И если эта реакция в целом негативна, то следует задуматься – *возможно,* в моем нравственном портрете что-то не так. Однако доверять этому условному зеркалу следует все же с осторожностью, ибо оно, состоящее из отдельных фрагментов, может быть еще и кривым: реакция окружающих, мягко говоря, не всегда бывает однородной и адекватной нашим поступкам, заявлениям и намерениям. Таким образом, не исключена возможность, что в этом зеркале мы увидим свой нравственный портрет и недостаточно цельным, и достаточно искаженным.

Для того чтобы убедиться в относительной достоверности того, *что* и *как* это зеркало отражает, необходимо мысленно раздвоиться и самому внимательно посмотреть на себя со стороны *без предвзятости*. Последнее условие является ключевым, иначе «диагноз» своему отображению будет по-

ставлен неверно. Затем, не кривя душой, ответить на единственный вопрос: противно ли *мне* в обществе *самого себя*? И если – да, то логично допустить, что и другим я не менее противен. Такой логичный вывод должен привести к естественному желанию в чем-то изменить себя, поступиться своими драгоценными «минусами от юности».

Однако «должен привести» отнюдь не означает – «непременно приведет», ибо у людей, консервативно относящихся к своему нравственному портрету, критическая самооценка в значительной степени корректируется болезненным самолюбием. В любой своей уступке видят они слабость, проигрыш, отступление от принципа «Я такой, какой я есть!». Ведь если наши пороки предопределены свыше, закреплены за человеком *Самим* Творцом, то поступиться ими, обуздывать их – то же, что кощунствовать над святыней, «делать неугодное в очах Господа» – такова нравственная позиция этих консерваторов. Кстати, позиция очень удобная – перенести ответственность за все свои нравственные изъяны на Всевышнего! Вдумаемся в лаконичное, но многозначительное утверждение «Я такой, какой я есть». Независимо от интонации, оно подразумевает продолжение: «и иным быть мне *не дано*». Кем? Господом Богом, конечно!

Ясно, что это – всего лишь лукавство, ширма, за которой плохо скрывается душевная лень, нежелание *хотя бы попытаться* изменить себя. Но ведь именно по причине тупого самодовольства, а не сознательного самосовершенствования

«смирит их от века Живущий; потому что нет в них перемен; они не боятся Бога» (Пс. 54,20).

Самосовершенствование – это труд, но кто же станет добровольно обременять себя работой, в которой не видит ни смысла, ни интереса? Естественно, при таком некритическом отношении к собственным поступкам (слово – тоже поступок!), когда человека вполне устраивает «какой я есть», желание что-то изменить в себе вряд ли родится спонтанно, так сказать, на ровном месте. Оно может возникнуть как следствие переживания какой-либо стрессовой ситуации, когда «что-то встрепенется в нас»; когда мощный импульс, посланный духовным планом нашей триады, подобно лучу, пройдет душу и высветит в ее придонной глубине затаившуюся самость, точнее – ее порождения: клубок нравственных пороков. Вот тогда отвращение к зрелищу, представшему глазам нашего сознания (вспомним гениальную строку из Пушкина еще раз), *возможно* и станет тем инициирующим фактором, который пробудит в нас не только омерзение и стыд, но и желание подавить эти пороки, резко оттолкнуться от них.

В общем, для начала человек должен стать противен самому себе. (Подобную мысль высказал еще в третьем веке Ориген, ученый, ближайший по времени к апостолам. В своей работе «О началах» он пишет: «Так, я думаю, и душа собирает в себе множество злых дел и обилие грехов… Тогда самый ум или совесть божественною силою будет воспроиз-

водить в памяти все … что сделал гнусного и постыдного… Тогда сама совесть будет преследовать и бить себя своими собственными рожнами, и сама сделается своею обвинительницей и свидетельницей» [32], с. 149).

Но внезапное нравственное пробуждение – явление, скажем прямо, не столь уж частое, хотя не уникальное. Возможно, кто-то *уже* пережил его лично, а кто-то знает об этом из опыта родных или знакомых. Примером такого прозрения может служить история нравственного преображения старца Зосимы в его юные годы («Братья Карамазовы»). Конечно, скачкообразные изменения нравственной позиции человека весьма эффектны. Однако в них практически нет заслуги самого человека: глаза на себя ему открыли Высшие Силы; время, место и необходимую ситуацию подготовили Они же. А человек в данном случае есть лишь избранный Ими объект преобразующего воздействия. (Вспомним историю перевоплощения лютого врага христиан, иудея Савла, в апостола язычников Павла, описанную в Деян. 9, 1-19, или чудесные исцеления безнадежно больных людей, совершаемые Христом на страницах Евангелий.)

Более реальным является иной, эволюционный, путь: через поэтапное *осознание* необходимости нравственного совершенствования. В каждом человеке изначально сосуществуют зародыши как животного, так и человеческого аспектов: самости и самосознания. *Осознание* человеком в себе первого аспекта есть критерий зрелости второго. Это – пер-

вая победа человеческого начала над зоологическим. Однако «способность самосознания еще не раскрывает содержания моральных убеждений и поведения человека» [8], с. 300. Можно подняться до осознания безнравственности своих побуждений и в то же время руководствоваться ими. Отсюда следует, что «самосознание вообще» должно включить в круг своих «конкретных обязанностей» побуждение человека к нравственному совершенствованию и духовному восхождению.

Однако именно это требование чаще всего является камнем преткновения для самосознания, который воздвигается хитроумной самостью. Суть этой проделки заключается в попытке самости подменить смысл жизненно важных понятий. Она пытается внушить человеку, что его упрямство в том, что «Я такой, какой я есть», является естественной *человеческой* защитой *божественного* предопределения, что это не ложная форма самоутверждения, а жизненное кредо; стремление же изменить себя – суть вмешательство в промысел Творца и покушение на собственную индивидуальность. В действительности же оправдание неизменности своего «Я» не только не имеет никакого отношения к самоутверждению, но противостоит ему.

Самоутверждение есть *творческий* процесс, в котором объектом творчества личности выступает сама личность, собственное «Я». Результативная работа души, которая «обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь» есть ис-

тинное утверждение себя, как в собственных глазах, так и во мнении окружающих. Благодушное отношение к своим нравственным минусам, а тем более бравирование ими – есть предпосылка к деградации личности, душевному ожирению.

В этом нет ничего противоестественного, ибо если «отрицание низшего содержания есть *тем самым* (курсив мой – *Г.М.*) утверждение высшего» [9], с. 60, то верно и обратное: руководствуясь низшими принципами поведения, мы *тем самым* отвергаем принципы высшие. Иными словами, не стремясь стать «лучше, чем я есть», человек *тем самым* неизбежно становится «хуже, чем я был». Таково следствие неумолимого закона возрастания энтропии применительно к личности.

Тем не менее любой человек в любой фиксированный момент времени свободен заявить о себе: «Я такой, какой я есть!» И неизбежно будет прав и неправ одновременно, ибо в это понятие органически войдет и соответствующий моменту набор личных качеств, и постоянная способность качественно изменять его. Душа способна развиваться и преображаться. Однако человек еще не познал в себе этого свойства, иначе он бы утверждал: «Да, я такой, какой я есть: владелец своей уникальной самости и одновременно борец, обуздывающий ее!» Интересно, что, создавая «умные» приборы, люди предусматривают в них способность самостоятельно выходить на лучшие из возможных параметры на-

стройки. И в то же время творцы этой чудо-техники даже не подозревают, что и сами они обладают аналогичной способностью, предусмотренной Творцом Небесным. Реализация ее есть главное предначертание жизни человека, непременное условие выхода из зоны равнодушия прежде всего к самому себе, своей душе. «Движение – это и есть жизнь, застой – это отсутствие процесса движения, приобретения опыта, накопления энергии; это разрушение и смерть души… "И ежели ты ни холоден, ни горяч – исторгну тебя из уст Моих". Лучше… быть в действии, жить, нежели быть тепленьким, бездеятельным. Тепленькие для эволюции не нужны, они исторгаются из эволюционного процесса» [31], с. 22-23.

* * *

Как следует из Библии, человек перед изгнанием из Эдема обретает знание добра и зла, что в сочетании со свободой воли, полученной ранее, делает его *богоподобным.* Выражается это в способности к творчеству: если Бог есть Творец Земли, то человек обязан быть творцом *на* данной ему земле. В противном случае божественный эксперимент, участниками которого все мы являемся, теряет свой смысл.

Понятно, что не каждый способен к творчеству, объект которого находится вне пределов духовного плана моего «Я». Не каждому дано писать книги, создавать музыку и произведения искусства, делать открытия в науке и т. д. Но без сомнения, каждый способен творить себя: взяв объектом

творчества свой нравственный портрет, совершенствовать его, исправляя в нем непривлекательные черты. Безусловно, это искусство, а оно, как известно, требует жертв. В данном случае в жертву следует принести долю самости – праматери всех человеческих пороков. Однако эта операция безболезненной для человека быть не может, ибо самость глубоко вросла в душевную ткань последнего. Требуется хирургическая операция, причем – без наркоза.

Антиподом творческого подхода к тому «какой я есть» является подход примиренческий, когда человек приспосабливается к своему «Я», нимало не совершенствуя его *человеческую* составляющую. Поскольку в результате такого застоя неизбежно снижаются нравственные требования к себе, постольку человек столь же неизбежно становится рабом все более распоясывающейся самости. И так – до погружения в полное скотоподобие.

Типовым примером такой зависимости может служить ситуация, когда молодой начальник с пока еще *задатками* хама не желает «властвовать собой», и, как следствие, автоматически реализует эти задатки, совершенствуясь в хамстве, молчаливо поощряемом подчиненными. В конце концов он становится образцовым самодуром, который вполне убедительно оправдывает себя, если вообще задумывается над ситуацией, тем, что «я такой, какой я есть!» (читай – «каким я стал»). А вот что могут сказать в свое оправдание те, кто, по существу, вскормил его? Подчиненные сотрудники, столь

гордые и самолюбивые в иной ситуации и столь жалкие и безропотные в бесконечном сериале ситуаций унизительных? Видимо, только то, что они боятся угодить в немилость (со всеми возможными последствиями), а потому и молчаливо глотают «высочайшие» обиды, оставаясь такими, как они есть. И когда же «уважающие себя» коллеги насытятся, когда же они станут, наконец, противными самим себе до готовности переступить через себя? Трудно сказать однозначно. Как утверждал один восточный мудрец, лучше неприятный конец, чем неприятности без конца. И с этим нельзя не согласиться. Впрочем, каждому – свое.

Но вот знать бы, что представляет собой это «свое». Когда, в какой ситуации люди бывают «своими» самим себе, то есть такими, как они есть, а когда чужими, скрывающимися под маской, играющими чью-то роль? Иной человек не может быть самим собой, даже оставаясь с самим собой. И хотя другая восточная мудрость гласит: «Быть самим собой гораздо легче, чем притворяться кем-то другим» [10], с. 26, я лично считаю это утверждение далеко не бесспорным. Думается, что быть самим собой можно *только,* не утруждая себя тем, *какой я есть,* а беззаботно отдавшись своей самости. Но жить легко, в свое удовольствие, можно только за чужой счет. В конце концов, все наши труды по исправлению нравственности – это в большей степени не для себя, а для других. Впрочем, не стану углубляться: темы «гибкой нравственности» я уже касался.

Ранее отмечалось, что освобождение своего «Я» от недостатков само по себе есть обретение *главного* достоинства. Настоящий восточный мудрец и поэт Омар Хайям тонко подмечает и рекомендует:

То, что судьба тебе решила дать,
Нельзя ни увеличить, ни отнять.
Заботься не о том, чем не владеешь,
А от того, что есть свободным стать.

Но так ли просто следовать этому «простому» наставлению? И много ли найдется желающих освободить себя «от того, что есть?» От скверны душевной?

Единственная обобщенная заповедь господствовать над влекущим к себе грехом (Быт. 4,7), данная Богом лично Каину, а через него и всему человеческому роду, как известно, не возымела действия ни на Каина, ни на род человеческий. Животная самость взяла верх, и первый земной человек вошел в библейскую историю и как первый кровавый преступник. Однако у Каина-то определенно были веские основания оправдаться тем, что «я такой, какой я есть»: десять заповедей Божиих, включающих в себя и заповедь «Не убивай» (Исх. 20,13), еще не были даны человеку; проблема «я и окружение», ввиду исключительной малочисленности последнего, перед Каином не стояла; нравственный опыт его родителей, естественно, не мог быть одобрен Творцом

в качестве примера для подражания. Таким образом, первый земной человек из-за отсутствия нравственных эталонов просто не мог знать, *каким* ему следует быть, от чего «свободным стать». Не имея программы самосовершенствования, он довольствовался личным набором полученных от Бога душевных качеств, в том числе и «злом от юности». Но это было на заре допотопного человечества. А сегодня?

Как ни парадоксально, но и для современного человека, вооруженного и десятью запретительными ветхозаветными заповедями, и всеми новозаветными заповедями любви, и «высшим» образованием, проблема личного совершенствования скорее исключение, нежели правило. Большинством людей она просто не осмысливается, а поэтому и не ставится во главу угла. Причина – все та же самость, все те же «помышления сердца человеческого», с которыми люди и сегодня справляются столь же трудно, как и во времена Моисея и Христа.

Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет не об уголовно наказуемых беззакониях, от которых человека удерживает… сама же самость, когда страх перед возмездием за злодеяние оказывается сильнее намерения совершить его, когда позыв одного инстинкта блокируется другим – более сильным. Речь также не идет о подавлении негативных психических реакций: вспыльчивости, испуга, раздражительности и др., когда самоконтроль, механизм управления инстинктами, не успевает срабатывать.

Нет, подразумеваются пороки сугубо нравственного характера, к работе с которыми сознание всегда успевает подключиться (было бы желание), но не всегда совесть одерживает верх в противоборстве с недремлющей самостью. Например, когда возникает дилемма – оказать помощь или отказать в помощи? *Что* в конечном счете предпочтет колеблющаяся душа: не допустить материального проигрыша или одержать моральную победу? Трудно сказать заранее. Ведь подавляющее большинство наших современников морально пребывает в нейтральной зоне шкалы жизненных ценностей, где делание добра не является обязательной или предпочтительной нормой. Поэтому колебание, впадение в крайности и тому подобная нестабильность считаются приемлемым состоянием души наряду с глухим безразличием к себе подобным.

* * *

Мы уже привыкли к тому, что обобщающее «Я такой, какой я есть» подразумевает признание и оправдание себя как носителя сугубо *негативных* качеств. Однако такой подход грешит тем, что не учитывает присутствия в человеке ни положительных качеств, ни уникальных достоинств.

Правильным, видимо, будет рассматривать весь комплекс индивидуальных данностей, скорее, как базу для *заданности* конкретному участнику божественного эксперимента, о чем и говорил А. Мень. Это, если хотите, своего рода персональное домашнее задание от Творца сроком – на всю жизнь.

Оно содержит как работу над ошибками (укрощение самости в виде ее порождений), так и работу над новым материалом (развитие задатков и способностей). Естественно, оно является *обязательным* и требующим усердия, дабы не сидеть в одном и том же классе этой жизненной школы всю свою жизнь. Уклониться от назначенной свыше программы невозможно, ибо, хотим мы того или нет, «согласного судьба ведет, а противящегося – тащит». Куда? Прежде всего к усвоению простейшего постулата, лежащего в основе любой индивидуальной программы: негативные качества, генерируемые самостью, даются *не для примирения с ними, а для подавления их* усилиями нашей души. В противном случае человечество обратится, а тенденция к этому вполне очевидна, в кладбище мертвых душ (естественно, не по Гоголю).

Чтобы приложить эту аксиому, данную нам Творцом в общем виде (Быт. 4,7), к своей душе, необходимо произвести честный тотальный пересмотр сложившейся шкалы жизненных ценностей на предмет их актуальности. В результате, возможно, чем-то придется пожертвовать, а что-то выдвинуть на передний план.

В книге Н. Д. Уолша «Беседы с Богом» человек, взявший на себя смелость вещать нам от имени Бога, наставляет: «В эволюции *каждой* (курсив мой – *Г. М.*) души наступает время, когда главной заботой становится уже не выживание физического тела, а рост духа; не достижение успеха в жизни, а реализация "Я"» [7], с. 289.

Сомневаться в реальности личностной эволюции – значит не сомневаться в бессмысленности и провале божественного эксперимента. На дворе – эпоха Водолея, с ее доминирующими духовно-нравственными ориентирами, что позволяет нам соотносить время, обозначенное в цитате, с не столь уж отдаленным будущим.

Оживление души, порабощенной самостью, может произойти только под воздействием богатого духовного плана нашей триады. Другого пути нет. «Дух животворит, плоть не пользует ни мало» (Ин. 6,63) – это уже прямое назидание Бога, записанное человеком – евангелистом Иоанном.

В свою очередь, обогащение духовного плана, целителя души, возможно только с привлечением духовных богатств, созданных и сохраненных Человеком именно в целях улучшения «качества» человеческой души. «Повышение нравственных начал и обретение нового смысла существования возможно только при высокой духовности общества» [40], с. 53.

Обращение к духовным сокровищам, например к классической литературе, музыке, изобразительному искусству в его широком спектре и другим источникам культуры, – неизбежно в силу того, что только там можно встретиться с образцами нравственности во всем ее диапазоне: от глубокого падения до высочайших взлетов. Только там можно пережить весь спектр эмоций, присущих любому человеку: от потрясения до полного равнодушия. В окружающей же

нас жизни практически не существует духовно-нравственных ориентиров для тех, кто не удовлетворен своим «Я». Есть только отвратительные, отталкивающие (и это – главное!) примеры моральной деградации.

Однако обретение духовных знаний как самоцель, как знание для знаний – не есть самосовершенствование в нравственном аспекте. Глубоко уважая людей с широкой эрудицией, «не ленивых и любопытных», я тем не менее убежден, что духовные ценности, не переработанные душою, не ставшие личными духовно-нравственными ценностями – эволюции человеческой души не способствуют. Можно, допустим, неплохо знать на сюжетном уровне Новый Завет и даже цитировать его в назидание другим, но не руководствоваться ни единой заповедью Христа в своей жизни; можно быть ходячей энциклопедией, но, подобно стриптизерше, обнажающей свое тело в ночном клубе, раскрывать за деньги свои познания в различных «интеллектуальных» шоу (там под интеллектом понимается хорошая память плюс примитивная копилка с солидным набором разнородных сведений). Еще сложнее с «воспитанием чувств»: к примеру, музыка может пробудить в человеке прилив благородства и всепрощения, которые уступят место эгоизму и злопамятству, как только отзвучат последние аккорды.

В общем, не так все просто, но начинать необходимо. И не так уж важно – с чего: осознанный отход от закостенелой догмы «Я такой, какой я есть», с чего бы он ни начинался,

приведет со временем к критическому пересмотру по кругу *всей* шкалы жизненных ценностей (как известно, совершенству, впрочем, как и деградации, нет предела).

Лучше всего, на мой взгляд, начинать с изменения отношения к мелочам, точнее, к так называемым мелочам, поскольку их, по сути, вообще не существует. По крайней мере – в сфере воспитания и самовоспитания, где каждая не исполненная и с легкостью прощенная себе «мелочь» обусловливает появление новых, более весомых «мелочей». Желание прервать серию заразных уступок самости у человека все более ослабевает под воздействием активных стараний последней. В конце концов суммарный груз всех допущенных поблажек закономерно (в силу закона перехода количества в качество) приведет человека к радикальному изменению самого отношения к проблеме. Точнее, к полному ее отвержению, и, значит, намерение исправить себя так и останется нереализованным: леность души взяла верх. Да, Николай Заболоцкий хорошо знал цену человеческой души:

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет.

Однако «свято место не бывает пусто». Неуемная самость сразу же подбрасывает человеку «достойную» замену – удоб-

ное, но чреватое своими последствиями жизненное кредо: «Я такой, какой я есть». Подхватив его, человек, по существу, отпускает себе все грехи в прошлом, настоящем и будущем. Но нельзя стать сильным, оправдывая свои слабости.

Естественно, в вопросах самосовершенствования не менее важна и роль позитивных мелочей. Здесь также соблюдается их «преемственность», и каждая маленькая победа над собой может быть развита в последующие намерения и достижения. В общем, в любом случае – «не думай о секундах свысока!».

* * *

Доходчиво объяснить, *как* и *в чем* изменился он в результате работы над собой, человек практически не может: самоощущения трудно поддаются словесному описанию, которое к тому же еще и неоднозначно воспринимается читателями. Мы все хоть и «такие, как мы есть», но тем не менее все разные. Можно лишь образно говорить о самых общих субъективных впечатлениях.

Прежде всего, возникает чувство некоторой приподнятости над суетным, тревожным, привычным до тошноты образом существования и понимание того, что мы добровольно превратили свою жизнь в свалку бытовых отходов. Мы как бы поднимаемся на вершину горы. Расширяются пределы обзора: из того, что внизу, «многое теряется из виду» и уже не засоряет наше внимание, происходит переоценка ценностей «вверх», к духовному плану.

Подобное, почти осязаемое нами, состояние души своего героя, подпоручика Ромашова, описывает А. Куприн в повести «Поединок»: «Эта новая внутренняя жизнь поражала его своей многообразностью. Раньше он не смел и подозревать, какие радости, какая мощь и какой глубокий интерес скрываются в такой простой, обыкновенной вещи, как *человеческая мысль* (курсив мой –*Г. М)»*. Все воспринимается в перспективе и с полным охватом, поскольку «большое видится на расстоянии». Люди, проблемы, обстоятельства оцениваются не фрагментарно, а в целом и даже с некоторым прогнозом их изменений. Образы самосовершенствования, конечно, могут быть разными, но все они свидетельствуют об одном: о качественном обновлении шкалы жизненных ценностей. Однако в отличие от субъективных ощущений обновления, переживаемых нашей душой, существуют и *явно выраженные* позитивные последствия духовной работы. На одно из них, весьма существенное, стоит обратить особое внимание.

Самосовершенствование, став *устойчивой* составляющей нашей жизни, ее стимулом, надежно защитит нас на любой ее стадии от *одиночества*, не позволит нам уныло раствориться в нем. Причем независимо от того, физическое ли это одиночество или, что страшнее, чувство душевного одиночества, когда мы среди людей или, что еще страшнее, – вдвоем. В любой ситуации, независимо от ее продолжительности, если нам интересно и комфортно *наедине с собой*, то есть в

обществе нашей личной триады (дух-душа-тело), то страдания одиночества нам не грозят. Другое дело, что *длительный* союз трех ипостасей моего «Я» возможен лишь при их столь же длительном взаимном интересе. Последний же, в свою очередь, обеспечивается непрестанным совершенствованием и обновлением каждого из планов триады. «Совершенствуя себя, вы станете себе лучшим другом» [10], с. 24.

Непрерывная творческая работа над собой превращает одиночество в «нормальное состояние человека», по словам Леонардо да Винчи, приведенным Д. Мережковским в романе «Воскресшие боги». Хочу подчеркнуть, что речь идет не о заполнении *остро ощутимого одиночества* какими-либо занятиями (их всегда можно найти). Нет! Я имею в виду *отсутствие* в нашей душе самого чувства одиночества как такового. Последнее угрожает лишь тому, кто тупо упорствует: «Я такой, какой я есть». Но таких – подавляющее большинство, ибо, «к сожалению, ничто не развивается так медленно, как сознание человека» [40], с. 53.

И еще об одном интересном позитивном аспекте. В книге Притчей Соломоновых (Пр. 9,11) персонифицированная премудрость провозглашает: «Чрез меня умножатся дни твои; и прибавится тебе лет жизни». Но поскольку мудрость (по В. И. Далю) есть «слияние высшего состояния умственного и нравственного совершенства» [41], с. 395, постольку резонно предположить, что духовно-нравственное преобразование является эффективным средством в комплексном

решении проблемы физического долголетия. О справедливости такого допущения косвенно свидетельствуют и жизнеописания многих христианских святых.

Наконец, следует учитывать, что внимание, развернутое внутрь, а не вне себя, избавит окружающих от наших субъективных оценок всех и вся: просто некогда и неинтересно будет критиковать других или выносить им приговор. Уже неплохо!

Человек, тупо размахивающий защитительным принципом «Я такой, какой я есть», симпатий хотя и не вызывает, но вполне терпим, поскольку он относительно вас – нейтрален.

По-настоящему же опасны те, кто с «детской» непосредственностью напрямую требуют, чтобы их *принимали* такими, как они есть. (Как правило, это имеет место в сфере межличностных отношений Его и Ее). Страшен, кто вкрадчиво заявляет это «невинное» требование как непременное условие дальнейшего общения и выстраивания взаимоотношений. Условие сие коварно, поскольку человек, требующий: «Принимай меня таким, какой я есть!», сам *никогда* не согласится принимать другого *таким*, каков он есть! Это игра в одни ворота, бесцеремонная эгоистичная попытка закрепить за собой права, в том числе и право на вседозволенность, оставив другому лишь обязанности, в том числе и обязанность подчиняться этим правам. Компромисс как взаимная уступка здесь исключается по определению. Поэтому убегайте любым способом от этих подчас обаятельных цини-

ков, пока они не пленили вас. Общеизвестный факт, что «исходные» нравственные изъяны человека в результате отсутствия самоконтроля и потакания извне развиваются вширь и вглубь, только обостряет необходимость своевременной изоляции от этих людей. Союз с ними ничего хорошего не сулит. Внешне он может существовать или в форме изматывающего выяснения отношений, или в «миролюбивой» форме за счет смиренного перехода одного из партнеров в подкаблучное состояние. Лучшим разрешением подобной ситуации является развал неравноправного содружества, когда одна из его сторон переполнится «счастьем», безоговорочно принимаемым долгое время. И когда это состоится, воспользуйтесь ситуацией немедленно, чтобы начать любить самого себя.

В четвертой главе «Евгения Онегина» Пушкин вопрошает:

Кого ж любить? Кому же верить?
Кто не изменит нам один?

И в конце строфы дает ответ:

Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней, верно, нет его.

Естественно, это утонченная изящная ирония. Ну а если всерьез? «Любить себя – значит принять себя таким, какой вы есть, и приложить все усилия, чтобы стать лучше» [10], с. 24. Любовь к себе должна нести божественную суть: «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю», – разъясняет Христос в заключительной книге Нового Завета (Отк. 3,19).

Сопоставляя оба назидания, приходим к пониманию, что успех нравственного саморазвития возможен лишь, если «я – прокурор» превалирует над «я – адвокат» в отношении самого себя. В противном случае «Я» обречен оставаться «таким, какой я есть» до конца своих дней. Однако следует учитывать, что судьба *ведет согласного*, но *тащит противящегося,* награждая последнего время от времени синяками, ссадинами, шишками. Так не ропщите уж тогда на нее, а примите ее, как и себя, такой, *какая она есть.*

«…неверный в малом неверен и во многом»

Как уже говорилось, характерной чертой нравственного портрета нашего современника является равнодушие. Крылатое выражение: «Это твои проблемы» в прикладном его значении есть оружие обороны от ближнего. Безразличие к себе подобным, будучи *обобщающей* характеристикой ду-

шевного устройства современных людей, неизбежно «роднит» нас. Оно проявляется в нашей пассивной реакции на *чужие* проблемы, что мы, естественно, уже не относим к своим личным порокам. Зато мы активно реагируем на равнодушие окружающих к *нашим* проблемам и, конечно, воспринимаем его как внешнее зло, сфокусированное на нас. Короче говоря, «я – хороший, мир – плохой». Ведь в нас столько теоретического добра и потенциальной теплоты! Боже праведный, как мы бываем возмущены «кем-то», кто в «чем-то» не помог «кому-то», хотя и имел все возможности к тому! И как мы сочувствуем жертве чьего-то равнодушия, особенно когда ею считаем *себя!*

В результате обиды на равнодушие – к нам, мы все более углубляем и расширяем равнодушие – от нас. В этой тягостной атмосфере обид на равнодушие и равнодушия из-за обид известная рекомендация – не бояться ни друзей своих, ни врагов своих, а бояться равнодушных – теряет свой назидательный смысл. Поскольку сами понятия «друг» и «враг» в *таком* моральном климате размываются, становятся неразличимыми, постольку следует бояться практически всех и каждого.

* * *

Мы, обитатели нейтральной зоны шкалы жизненных ценностей, считаем равнодушие в одних случаях естественной нравственной нормой, в других – столь же естественно боимся и осуждаем его. Все зависит от того, *кто* и в отноше-

нии *кого* проявляет это качество: я – к миру или мир – ко мне. Остерегаясь последнего, мы *на всякий случай* не слишком надеемся на человека. По крайней мере, не отбрасываем далеко своих сомнений в нем.

Подобная неуверенность в человеке, или осторожная вера в него, не столь уж беспочвенны. Примеры преступного равнодушия как причины личных, социальных и национальных бед и трагедий – общеизвестны. Меня же интересует равнодушие мелочно-бытовое, то, что повседневно вокруг нас; то, которое разъедает, подобно ржавчине, ткань наших взаимоотношений. К примеру, элементарная человеческая необязательность.

Вероятно, каждому приходилось сталкиваться с человеком, страдающим подобным недугом. Практика общения с людьми убеждает меня в том, что обязательность человека совершенно не зависит от уровня его образования или степени духовных интересов. Жизнь сводила меня с образцово необязательными людьми, среди которых в свое время были: профессор и преподаватель, врач и экскурсовод, предприниматель и инженер. Все они когда-то получили дипломы о высшем образовании, не получив, к сожалению, даже начального воспитания, элементарного представления об элементарных нравственно-этических нормах. А жаль! Ведь в подобной ситуации вузовский диплом только оттеняет мелкую непорядочность его владельца.

Неисполненные обещания, нарушенные клятвы, отказы

от «честных слов», ложные обнадеживания – все это, безусловно, ранит нас и вынуждает сегодня разочаровываться в людях, которых мы еще вчера так глубоко уважали (а иных и боготворили). Вот уж точно – «Не сотвори себе кумира!» Вероятнее всего, их реакция на ваши упреки в ненадежности, если вы прибегните к ним, не будет носить извинительного характера. Более того, она может быть раздраженной: «Ну не мог, забыл. Господи! Раздуваешь обиду из-за какой-то *мелочи жизни*!» В сущности, это разновидность уже знакомого нам «исчерпывающего» оправдания: «Я такой, какой я есть!» Но «мелочи» и «значимое» – неразделимы, ибо неучтенные нюансы могут погубить идею, ибо «неверный в малом неверен и во многом» (Лк. 16,10). Да и существует ли грань, за которой «малое» однозначно переходит в «большое», а то и другое – в судьбоносный фактор? Есть ли четкий критерий, разделяющий неверность на ординарную и экстраординарную? Конечно, нет. Все зависит от обстоятельств и роли в них предмета наших надежд.

В ситуациях подобного рода резкое осуждение и, простите, физиологическую неприязнь «неверный» вызывает не столько *тем,* что обострил вашу проблему, не реализовал свое обещание, сколько *тем*, что он даже не счел нужным известить вас об этом. Ведь второй «неверностью» он практически обезоружил вас перед проблемными обстоятельствами. Да, могут измениться условия, исчезнуть возможности исполнить в срок обещанное (которого, в соответствии с на-

родной мудростью, почему-то ждут три года), все может случиться, но возможность своевременно сказать правду надеющемуся на вас человеку остается практически всегда. Однако далеко не всегда люди прибегают к этой возможности. Почему?

* * *

Желая прослыть «лучше, чем я есть», движимый желанием блеснуть якобы присущими ему добродетелями: предупредительностью и отзывчивостью, – иной человек может опрометчиво (кстати, не всегда под влиянием винных паров) пообещать вам *нечто*; чванливая самость, хотя и на короткое время, но создает иногда своему владельцу ореол всемогущего благодетеля, принимающего аванс признательности. Это так приятно! Правда, нельзя исключать и того, хотя это и не имеет значения, что зависшее *сегодня* обещание могло даваться *тогда* вполне искренне, что человек *в тот момент,* действительно, был уверен в своих возможностях.

Однако проходит время, и он начинает осознавать, что «давеча сболтнул лишнее». В конце концов наш «благодетель» убеждается в своем полном бессилии что-либо сделать во имя обещанного и в обещанные сроки, да и само желание делать, вероятно, притупилось окончательно. Однако не притупилось вовсе желание выглядеть по-прежнему надежным и обязательным в глазах того, кто пока еще верует в тебя; язык не поворачивается отменить обещанное. В этой сложной ситуации на помощь приходит хитроумная самость.

Желая хотя бы временно облегчить страдания управляемого ею человека, она с вкрадчивой подлостью настраивает его душу снизу: «Не спеши сознаваться в беспомощности, развенчать себя ты успеешь всегда. Все еще может измениться».

Да, может. И даже не у него, а у вас: например, отпадет или в корне изменится сама проблема, и вы тотчас снимите с человека связывающее его обещание. Это – идеальный вариант. Вполне вероятно также, что и у него появится «объективная» причина для оправдания необязательности: срочный отъезд, болезнь, стихийное бедствие, финансовый кризис и другие непредвиденные обстоятельства. Ну а если уж и это не сработает, то он может, на худой конец, и сам сработать под дурачка, а вам отвести роль наивного доверчивого ребенка. Если он начнет оправдание в таком ключе: «Понимаешь, как назло…» или «Звонил тебе много раз, но никто…», то можно смело обрывать дальнейшую попытку одурачить вас. Однако бывают ситуации, на которые реагировать и впрямь не знаешь как. Скорее всего, пословицей: «Иная простота хуже воровства». Примером тому может служить примитивная бытовая ситуация, в которой я оказался несколько лет назад. Впрочем, тогда ее исход имел для меня значение.

Весной, накануне посадочного сезона, я договорился с частной артелью о механизированной вспашке своих шести соток. Условились о цене и дате исполнения работы. Обменялись контактными телефонами. «Фирма» пообещала по-

звонить мне за сутки, чтобы подтвердить готовность и договориться о месте и времени встречи. Жду. Истекают контрольные сутки, но никто не звонит. Я не выдерживаю и звоню сам, интересуюсь, в чем дело.

– А у нас прицеп сломался, не на чем «Крота» везти, так что завтра пахать не будем, – отвечают мне.

– Почему мне до сих пор не звонили? – возмущаюсь я.

– А чего звонить, если прицеп поломан, – втолковывают мне.

Немая сцена. Я понял, что дальнейший диалог бесполезен, ибо разговор пойдет по кругу. Положив трубку, я задумался и понял, что в словах моих собеседников содержится простая, я бы сказал, простецкая, истина. Ведь прицеп-то, действительно, неисправен, и даже если бы они и позвонили мне, то исполнить обещанную работу все равно бы не смогли. Правда, в этом случае я мог бы успеть воспользоваться услугами другой артели, однако это не входило в их интересы, а моими – они откровенно пренебрегли.

Но чаще бывает так или примерно так (допустим, при случайной встрече): «Слушай, забыл!» или в лучшем случае: «Извини, старик, забыл!» Дальше пойдут многочисленные ссылки на перегруженность работой («Знаешь, совсем замотался!»), на то, что вы и сами в какой-то степени виноваты («Ты что, не мог сам позвонить и напомнить?»), на отвлекающие семейные и другие проблемы («Ой, с женой ссоримся ежедневно, просто не знаю, что и делать»). В общем – откро-

венно не до того!

* * *

Интересно, право, что память у большинства людей, сетующих на ее отсутствие, присутствует сполна, но работает преимущественно в одностороннем режиме. Они хорошо помнят, кто и что обещал им, однако «убей, не помню!», что и кому обещали сами. (Правда, бывает, что не помнят и первого, если было не очень нужно). Но что значит *забыл*, именно в плане обещания? Да только то, что человек непростительно отбросил его и вас вместе с ним на периферию своего сознания. Последствия «забывчивости» особенно ощутимы в вопросах, связанных с понятием *долг*. Эти специфические провалы памяти более всего дискредитируют репутацию человека.

Поскольку я не выхожу в своих наблюдениях за рамки повседневно-бытового уровня, то, естественно, опускаю «высокие абстрактные материи»: долг перед Отечеством, трудовым коллективом, гражданский долг и т. д. Я имею в виду обыденный бытовой денежно-вещевой долг конкретного берущего перед столь же конкретным дающим. А точнее – ситуацию не столь уж редкую, когда последний просто вынужден напоминать забывчивому должнику о дате возврата или даже о самом факте долга!

Естественно, память с односторонней проводимостью формируется у человека под сглаживающим воздействием его самости. Стремясь облегчить и без того «тяжелую»

жизнь своего хозяина, самость своевременно очищает его память от балласта «никчемных» мыслей с целью приема более важной и, главное, полезной информации. Популярное ныне наставление: «Не бери в голову!» – разработано и сформулировано нашим равнодушием к ближнему. Применительно к нашей теме оно подразумевает: брать в голову и держать в ней следует *входящие* обещания, исходящие же – не регистрировать в памяти вовсе.

В состоянии ли мы, каждый из нас, вспомнить тех, кому обещали когда-то помощь и поддержку, кого обнадежили своим словом, чьи тайны клялись хранить, но ничего *этого* не исполнили? Весьма сомнительно, ибо от этих болезненных воспоминаний нас надежно защищает самость. Она тонко, а главное, в нужное время переведет это занудливое «самоедство» в «праведное» обвинение кого-либо, подогревая в нас долгую, а подчас – и пожизненную, обиду на того, кто *нас* когда-то подвел. Особенно, по злому, помнятся нам те, кто свершил судьбоносный обман или предательство.

Но часто ли мы казним себя тем, что когда-то не подставили или «очень своевременно» убрали плечо, на которое пытался опереться наш ближний в трудной для него ситуации? Часто ли мучают нас угрызения совести в отношении пустых, обнадеживающих обещаний и ложных клятв, которые мы с легкостью расточали родственникам покойного на его похоронах? Там, в приливе общего соболезнования и под влиянием поминальных тостов, мы ой как чтили память на-

шего друга, сотрудника, сослуживца! А вскоре забыли не только родных покойного, но и дату смерти последнего, и дорогу к его могиле. До какой же степени мы не уважаем себя! О каком же уважении к жившим и живущим может *при этом* идти речь… Бесспорно, есть примеры и достойного отношения к памяти близких нам людей, но это скорее исключения, нежели правило.

Меня всегда умиляли шарообразные, ни к чему не обязывающие обязательства и обещания без установленного срока годности. Например, «Как-нибудь…», «Надо будет…», «Как только…», «Я постараюсь…», «При случае…», «Мы созвонимся» (кто будет звонить первым?), «При первой возможности…» и т. д. Заметьте, что ни в одном из этих вариантов время предполагаемого действия не озвучено, зато во всех – звучит спешка и желание отделаться от разговора, пока собеседник не спросил: «Когда?» или «Как скоро?» В подобных ситуациях, действительно, обещанного можно ждать три года и более. Впрочем, уже через гораздо меньший срок вы поймете, что перед вами дилемма: либо как-то напомнить, либо поставить крест на своих надеждах.

Сродни этим обтекаемым обещаниям и столь же обобщенные «дружеские» приглашения: «Что-то вы нас совсем забыли, а ведь мы всегда так рады вам, так рады. Заходите же запросто, в любое время!» Или уж вовсе доверительно: «Наши двери всегда открыты для вас!» Да… Могу представить себе вытянувшиеся постные физиономии хозяев, их вы-

мученную улыбку, призванную выразить безмерную радость встречи, когда ваша фигура самым неожиданным образом появится в проеме дверей, распахнутых для вас круглосуточно!

Ясно, что эта игра в гостеприимство шита белыми нитками. Ведь хозяева прекрасно знали, что вы никогда не сделаете этого буквально, а поэтому так смело, ничем не рискуя, и приглашали вас. И хотя спекулировать на порядочности другого человека – высшая форма непорядочности, прибегают к этому приему, скажем прямо, довольно часто. Разве так уж редки случаи, когда человек, абсолютно уверенный в вашей порядочности, доверяет вам такие сведения о своей личной жизни, которые, будь они обнародованы, непременно скомпрометировали бы его репутацию. И в то же время он, этот человек, «в благодарность» за ваше умение хранить *его* тайны, потихоньку выдает кое-кому и кое-что из *ваших* личных тайн, в которые вы его когда-то посвятили, опрометчиво проявив ответную доверительность. Бесспорно, поведение вашего «доверенного лица» вызывает омерзение. Однако доминирующая подлость состоит в том, что он не просто разбалтывает, а *передоверяет* ваши секреты, доводит их под честное слово опять же *только* до тех, кто способен сохранить их, в чьей надежности он уверен. Этот пакостник (теперь уже – мерзопакостник), обезопасив себя, повторно спекулирует на порядочности других. Честное слово, у таких подонков просто чутье на порядочных людей! Закрыв себя

ими со всех сторон, он безнаказанно вершит подлости, которые почему-то принято называть мелкими.

Но могут ли ложь, лицемерие, необязательность, ненадежность, вероломство быть *мелкими*? Разве неверность «в малом», присущая одному человеку, не может иметь последствий «во многом» для другого? Все зависит от ситуации и шкалы жизненных ценностей как неверного, так и пострадавшего от неверности.

* * *

Конечно, оказаться в роли последнего очень не хочется. Тем более, что исправить ситуацию вряд ли возможно, высказав человеку, подведшему вас, все, что вы о нем думаете. Сомнительно также, чтобы это исправило его в будущем, ибо он – «такой, какой он есть». Тем не менее человека, «неверного в малом», изобличать в неверности следует всегда. Вспомним рекомендацию мудрого Соломона: «… отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в глазах своих». Применительно к данной ситуации – чтобы «неверный в малом» не совершенствовался в своей ненадежности и лжи, не становился «неверным во многом». Вероятность того, что в результате *систематических* разоблачений «неверный» как-то изменится к лучшему, конечно, существует. Хотя вполне вероятен и другой результат: «воспитуемый», перегруженный упреками, перестанет вообще реагировать на упреки и разоблачения или же затаит обиду.

Вследствие длительного нахождения в «зоне неверности»,

каждому из нас грозит изменение к худшему: сердце человека, систематически страдающего от необязательности и вероломства окружающих, *может озлобиться.* Именно этим последствием неверность, независимо от того – «малая» она или «многая», устрашающе опасна, как для личности, так и для общества в целом. Предотвратить озлобление сердца можно лишь подавлением собственной самости, злобное шипение которой подло и вкрадчиво внушает человеку, пострадавшему от человеческой же неверности: «Вот видишь! Да все они (люди) такие!»

Следует отметить, что нередко характер складывающихся жизненных ситуаций, казалось бы, подтверждает столь пессимистическое обобщение, сделанное нашим внутренним врагом. В моей жизни был период, когда я не мог однозначно ответить себе: все ли люди склонны к пустым, легкомысленным обещаниям или же только те, с которыми сводит меня судьба? Это была полоса, когда человеческая необязательность буквально преследовала меня, как собственная тень. (Позже мне открылось, что это и была моя тень, только невидимая.) Ни одного из поочередно следовавших обещаний, причем от разных людей, не было исполнено. Все словно сговорились в неверности против меня, как «в малом», так и «во многом». Самость злорадствовала: «Ну что? Убедился?!»

Да, я убедился, но только несколько позже и совершенно в ином – в правоте того, что мне было уже известно из книги

известного оккультиста С. Тухолки «Магия и оккультизм», но не было проверено на себе. Старанием самости эта информация была временно заблокирована в моей памяти. Однако благодаря просветляющему воздействию Высших Сил, она открылась мне вторично. Суть ее сводится к следующему.

Если вы не в состоянии простить человека, сильно и длительно обижаетесь на него, то ждите, что повседневная действительность будет систематически поставлять вам новые поводы для обид. Потому что вашему намерению простить, если даже оно и возникнет вдруг, будут все в большей степени препятствовать невидимые сущности (лярвы), порождаемые и питаемые негативными эмоциями человека (в данном случае – энергией обиды). «Если желание, породившее лярву, погасло, то лярва вскоре умирает, но она цепляется за жизнь и усиленно старается продлить свое часто эфемерное существование. Для этого она старается поддерживать или разжигать в человеке желание, которое ее породило, и, таким образом, способствует образованию привычек» [2], с. 69. В данном случае – устойчивой привычке пребывать в обиде на кого-либо и за что-либо. Но, как известно, «привычка – это вторая натура». Поэтому обида, провоцируемая присосавшимися к человеку лярвами, неизбежно становится *натуральной*, естественной для него эмоцией.

Со временем обида на конкретных людей экстраполируется на всех и вся, на собственную судьбу и Бога. В конце

концов человек теряет оптимизм, впадает в уныние (один из семи начальных, смертных грехов в христианстве) и ничего уже не ждет от людей, кроме «неверности в малом и во многом». Это и есть озлобление сердца.

Единственная мера профилактики и лечения этого страшного душевного недуга (и не только по С. Тухолке) – погасить обиду и простить человека. Простить во что бы то ни стало! Точнее, не простить, а прощать, и неоднократно, каждого, кто ложно обнадежил вас, предал или подвел в трудную минуту. Читаем заповедь Учителя, данную Им в Евангелии от Матфея апостолу Петру, но относящуюся ко всем людям: «Тогда Петр приступил к Нему и сказал: Господи! Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: "до семи", но до семижды семидесяти раз» (Мф. 18, 21-22).

Возвращаюсь к собственному опыту. Как только в моей памяти высветилось забытое знание и я получил ответ на вопрос: «*Почему* так сложилось?», у меня, естественно, возник следующий вопрос: «*Как* воздействовать на сложившееся?» Ответ практически сразу же я нашел в Евангелии от Луки: «Наблюдайте за собою. Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему, и если покается, прости ему» (Лк. 17,3).

Я исполнил эту заповедь с буквальной точностью. Пронаблюдал за собой. Выявил в душе своей «братьев» (и «сестер» тоже), согрешивших против меня. Выговорить каждому – возможности, конечно, уже не было. Однако тем, кто

оказался доступен, я, стараясь быть корректным, поставил на вид необязательность и освободил их от обещаний, данных мне когда-то. (Впрочем, последнее было совершенно излишним, ибо *это,* как я понял, они уже проделали сами и давно.) Не знаю, каялись ли они в своей необязательности или нет, но я, хотя и не сразу, все же простил их в сердце своем. Не скрою – сделал это с трудом, буквально переступив через себя. (Видимо, сказалась работа лярв, питающихся энергией моих обид.) Да, работу по усмирению самости можно без преувеличения назвать архитрудной.

И каков же ее результат? Не скажу, что на внешнем плане произошло чудо, и кто-либо из бывших «неверных» вдруг исполнил свое запоздалое обещание, или что «верных» стало больше. Нет! Изменения состоялись не во внешних ситуациях, а в моем внутреннем отношении к ним. Почти исчезло желание, да и необходимость тоже, обращаться к кому-либо за помощью в решении собственных проблем. К добровольным обещаниям стал относиться двойственно: не исключать вероятности их исполнения, но и не обнадеживать себя излишне. Теперь я допускаю и заведомо прощаю человеку его потенциальную необязательность. Все это помогает сохранять душевное равновесие при любом исходе дела. Иными словами – я стал терпимее, нейтральнее и к «неверным», и к неверностям «в малом и во многом». Но не более того: симпатии к «неверным», в том числе и к прощенным, я не испытываю до сих пор, верю им с осторожностью. Обиды не дер-

жу, но встречаться с ними, вспоминать о них, а уж тем более поддерживать какие-либо отношения – желания все же нет. Они для меня как бы не существуют.

Частые и длительные контакты с необязательными, равнодушными людьми могут привести к другой, не менее опасной болезни, нежели озлобление сердца. Это – *равнодушие сердца*. Болезнь сия заразная, продолжительность ее «инкубационного периода» индивидуальна, однако, симптомы – общие. Сперва притупляется желание помогать *добровольно,* по собственной инициативе. Просьбы о помощи еще както выполняются, благодаря чему болезнь пока что остается сокрытой от окружающих и репутация: «человек слова» еще не подмочена. Но затем человеку становятся все более безразличными и эта репутация, и чужие проблемы. Под различными предлогами он уклоняется от «делания добра» даже по просьбе, сердце его черствеет. Оправданием благоприобретенного равнодушия выступает запавший сперва в подсознание, а затем и созревший в сознании человека довод: «Если другие поступают *так*, то почему мне нельзя?» Логика примитивная, довод безнравственный, но разве самость может породить что-либо иное? В силу своей природы, она должна склонять душу к оправданию безнравственности во имя комфортной беззаботной жизни тела. Самость даже вывела формулу самозащиты от чужих трудностей: «Это – твои проблемы».

Озлобление сердца и равнодушие сердца – болезни вза-

имосвязанные, одна порождает другую. Равнодушие ближних (необязательность – его частный случай) способно пошатнуть и даже разрушить наши личные планы и надежды. Но гораздо страшнее, когда оно развивается вширь и вглубь, расшатывает и разрушает моральные устои нашего общежития.

Что же касается «первичного звена», тех, кто необязателен, ненадежен, клятвопреступен, вероломен, то безнаказанными они, конечно, не останутся, получат свое, ибо «какою мерою мерите, такою же отмерится и вам» (Лк. 6,38). Однако следует помнить и другое: «Не мстите за себя, но дайте место гневу Божию». Ибо написано: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12,19). Желание отомстить «неверному в малом и во многом», исполненное даже мысленно, говорит лишь о том, что он все же не прощен нами, что лярвы обиды еще живут в нас, и что рецидив обеих болезней нашего сердца вполне вероятен.

* * *

Человек, брошенный в среду обитания, пропитанную равнодушием, обманом и безответственностью, неизбежно становится скептиком в отношении нее, точнее – сформированных ею институтов. Это защитная реакция человека, которого обманывают повсеместно и повсечасно: как наивного вкладчика и доверчивого покупателя, бесправного квартиросъемщика и горемычного загрантуриста, опереточного акционера и отчаявшегося бюджетника. В конце концов – про-

сто как гражданина, не защищенного от произвола «защитников» (полиции) и чиновников. Стало быть, у отдельно взятого человека есть все основания не верить системе, частью которой он является, а значит, и не уважать ее. Система обманывает его в «малом и во многом», по закону и вне закона, лицемерно улыбаясь при этом с рекламных щитов и телеэкранов. «Мы работаем для вас!» Или еще интереснее: «Мы существуем для вас!» – издевательски кричат те, кто существует за счет нас. Ясно, что эти заверения – всего лишь заурядный торгашеский трюк, призванный одурачить покупателя.

Но вместе с тем, что вполне очевидно и потому отвратительно, народные слуги всех мастей и рангов, кричащие о преданности людям, ни на грош не верят в порядочность этих людей, по крайней мере – их большинства. Заметьте, в *каком* ключе выдержано обращение юридического лица к лицу физическому, то есть к каждому из нас, оказавшемуся на функциональной территории его ведомства. Начинается это обращение, как правило, с дружелюбного слова: «Уважаемые…» Но затем это дружелюбие неожиданным образом сменяется угрозами. К примеру: «За безбилетный проезд… то-то и то-то», «За несвоевременную оплату…», «За порчу имущества…», «За появление в нетрезвом виде…», «За нарушение (чего-то вообще…)». При желании список можно продолжить.

Я понимаю, что «… помышления сердца их (людей) были

зло во всякое время» (Быт. 6,5), но ведь не каждое помышление становится деянием, и не каждому сердцу человеческому злые помышления свойственны в равной степени. Если принять версию, что людей, пренебрегающих нравственными и законодательными нормами, относительное меньшинство, то нравственно ли публично угрожать санкциями всем, в том числе и подавляющему большинству «правильных» граждан, унижая тем самым их достоинство и самоуважение? Если же стать на точку зрения тех, кто поголовно видит в каждом из нас потенциального нарушителя порядка, неплательщика, пьяницу, вредителя и вообще «неправильного» гражданина, то какие-либо заявления, а тем более публичные, в уважении и преданности *таким* людям выглядят откровенным лицемерием.

В Чехии я не встретил ни одного рекламного заверения от каких-либо предприятий или ведомств в уважении и доверии к гражданам, но зато я встретил *настоящее* уважение и доверие к ним: ни на одной станции метро нет ни одного турникета и ни одного контролера. Непосред-ственно с улицы через вестибюль и эскалатор пассажир проходит *совершенно бесконтрольно* в вагон, на стенах которого нет(!) оскорбительных предупреждений о санкциях. Такая доверительная система поразила меня, россиянина, не менее, чем Карлов мост или Пражский Град! (Какой удручающий контраст явило мне по возвращении домой родное московское метро: строй турникетов, а при них – мужеподобные контро-

леры женского пола.) Я не думаю, что в Праге полностью перевелись «зайцы» из числа граждан или гостей города. Но там компания, управляющая метрополитеном, зная, что потенциальных безбилетников все же меньшинство, уважает нравственное достоинство большинства пассажиров. Я уже не говорю о том, что сумма, недополученная с безбилетников, не сравнима с затратами на установку и содержание техничес-ких и людских средств контроля. (Чехи умеют считать и экономить деньги – в этом я убедился.)

Когда социальная структура в целом и человек как ее элемент не верят друг другу, то возникает естественное желание в защите друг от друга. Но у отдельно взятого человека возможность защитить себя крайне слаба, и он восполняет этот недостаток бессильной, но вполне естественной и откровенной неприязнью к бездушной и ненадежной системе, в которой вынужден пребывать. Да, очень трудно подчас следовать заповеди Христа: «А я говорю вам… благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас» (Мф. 5,44).

Это наша действительность, и здесь коренной перелом во взаимоотношениях *по вертикали* вряд ли наступит в обозримом будущем. Но ведь на горизонтальном-то их уровне нет властных и коммерческих надстроек, а есть *мы,* есть каждый из нас, страдающий в той или иной степени от ненадежности и произвола вертикальных структур, попирающих нравственные ценности. И коль скоро нам суждено проживать в таком неблагоприятном моральном климате, то по меньшей

мере не следует ухудшать его в сфере *межличностных* отношений. Чем? Ну хотя бы взаимной «неверностью в малом и во многом» и нежеланием милосердно прощать «до семижды семидесяти раз». Следует помнить, что осуждающий и осужденный могут легко поменяться ролями, и тогда – «суд без милости не оказавшему милости» (Соборное послание апостола Иакова, гл. 2, ст. 13).

«По вере вашей да будет вам»

И сказали Апостолы Господу:
умножь в нас веру.
Евангелие от Луки, гл. 17, ст. 5

Отошли в прошлое, правда, еще недавнее, те мрачные годы, когда членство в КПСС (ВЛКСМ) считалось абсолютно несовместимым с членством в церковной общине, когда книжечка партийного Устава могла соседствовать с книгой книг – Библией – лишь тайно, когда человек в погонах, кем я был тогда, с огромным риском для себя мог надеть крестик или переступить порог храма. Последствия «разоблачения» подобной акции были ужасающими как для «ударившегося в религию» (или «в Бога») офицера, так и для его семьи. Мне в тот период приходилось скрывать привезенную из Львова карманную Библию даже от сына, который мог без задней мысли поведать об этом в школе. И если бы это тайное стало явным, то неизбежным стало бы и наказание по «партийной линии», которая неминуемо пересекалась с «линией служебной».

Сейчас времена не те. Изгнана как политическая сила, непримиримый и лицемерный гонитель Церкви, КПСС с ее паучьей сетью политотделов и партийных организаций. Цер-

ковь пришла в войсковые части в образе храмов и часовен, построенных с участием самих военнослужащих; священники стали частыми гостями солдатских казарм и гарнизонных домов культуры. Даже в тюрьмах и лагерях есть церкви, опекаемые пастырями близлежащих приходов.

Это – в закрытых учреждениях силовых ведомств. А что в открытых и свободных городах? Не знаю, *как* в других, хотя и понимаю, что церкви сейчас открываются повсеместно, но в моей Вологде, например, действующих православных храмов более чем достаточно. Мне есть с чем сравнивать: если накануне тысячелетнего юбилея Крещения Руси в городе функционировали лишь два храма, то уже в 2004 году в разных районах Вологды, с ее менее чем трехсоттысячным населением, действовало 12 церквей, не считая монастырских и тюремной [13]. Конечно, «действующие» не означает «восстановленные». Деятельность многих храмов, к чести их настоятелей, совмещалась с производством в них строительно-восстановительных работ. Естественно, средств не хватало, работы велись медленно, но как бы то ни было, Церковь открылась людям, стала доступной любому человеку, приблизилась к каждому из нас.

* * *

И как же мы, искусственно отчуждаемые от Церкви в течение десятков лет, восприняли ее возрождение на родной земле? Как долгожданное событие. Да, встреча Церкви с человеком после долгих лет разлуки состоялась! Люди, столь

разные по возрасту, образованию, социальному положению, не очень знакомые и вовсе не знакомые с религией, поспешили в открывшиеся храмы. Чем это объяснить? В средствах массовой информации этот вопрос прямо или косвенно обсуждался неоднократно, и каждый раз я отдавал должное искусству наших социологов и политологов все предельно упростить. Не думаю, что они сами верили в свои же версии, но, по-видимому, таков заказ.

Итак, некоторые объяснения сводились к простейшей формуле: «запретный плод сладок». Дескать, когда храм, столь желанный, но недоступный ранее, распахнул наконец свои двери, то люди устремились в него, движимые естественным любопытством к новизне: его интерьеру, богослужению, духовенству, к таинственной атмосфере храма. Бесспорно, это имело и имеет место. «В восьмидесятые… годы можно констатировать рост интереса молодого поколения к религии, ее духовным и нравственным идеалам» [14], с. 88. Комфортное, просветленное состояние души, испытанное при первичном посещении храма, порождало в человеке потребность последующего участия в церковном действе, которое в своей полноте обращено ко всем сторонам человеческой личности и воспринимается всеми органами чувств.

Другие видят причину религиозной активности в открывшейся возможности «утолить тоску по близости к Богу». Но позвольте! Ведь тосковать человек может только по тому,

чем он *обладал ранее*, по ушедшему из его жизни. Однако те, которые действительно тосковали по отнятой у них Церкви Христовой, физически дожили до ее возрождения в подавляющем меньшинстве. Да и они (разве кроме тех, совсем немногих, кто и под дамокловым мечом репрессий сохранял многолетнюю связь с Церковью) теперь должны были заново открывать ее для себя: к сожалению, время изменяет людей не только внешне, но и нравственно. Следовательно, в обновленном потоке прихожан эта категория не самая многочисленная. А кто же составлял большинство?

Как это, на первый взгляд, ни парадоксально, но храмы заполнялись в основном теми людьми, которым еще совсем недавно внушали, что религия – это историческая иллюзия и опиум для народа, что церковь – пережиток, несовместимый с коммунистическими идеалами (во времена хрущевской «оттепели», например, в стране было закрыто более десяти тысяч церквей, почти вдвое сокращено число приходов). Казалось бы, эти люди, с их воинственно-атеистическим мировоззрением и партийно-комсомольским воспитанием, должны были испытывать к церкви если уж не антипатию, то по крайней мере глубокое равнодушие, но только уж не симпатию. И тем не менее, если в 1991 году атеистами называли себя 40 % граждан России, то в 2005 – 15 % (Вологодская епархиальная газета «Благовестник» № 1-3, 2007 г.).

На самом деле никакого парадокса здесь нет, все закономерно и объяснимо. Божественный эксперимент с людьми (в

данном случае – с Россией и россиянами) на каждом из его этапов проводится в строгом соответствии с условиями, задаваемыми Творцом. Изменяются условия, и в соответствии с этим изменяется поведение людей, характер их отношения к себе подобным и к общественным институтам (в том числе – и к Церкви).

Поскольку любой резкий переход к новым чуждым условиям жизни болезненно отражается на психическом и физическом состоянии людей, Творец с целью частичной адаптации участников эксперимента к этим условиям смягчает его введением сравнительно небольшого предварительного этапа, на котором *еще* существуют старые привычные условия бытия, но *уже* проявляются тенденции к их отмиранию и вытеснению условиями новыми. Образно говоря, это начало конца.

Таким этапом, соединяющим и одновременно отделяющим «эпоху застоя» от «эпохи становления капитализма», является «период перестройки и гласности» (1985-1991 гг.). Именно в это смутное время и происходят существенные *позитивные* перемены во взаимоотношениях государства и Церкви, стимулируемые подготовкой к празднованию тысячелетия введения христианства на Руси. Открывается новая страница в истории православной Церкви, но прежде всего открываются сами церкви (храмы) для возросшего потока прихожан. Случаен ли тот факт, что возрождение Церкви состоялось именно в период горбачевской перестройки? Не

подлежит сомнению: это – промысел Творца.

Воистину, «чудные дела Твои, Господи!» (Пс. 88,6).

* * *

В конце застойного периода «застоявшимися», естественно, оказались и условия существования советского человека со всеми присущими им плюсами и минусами. Гарантом стабильности этих условий была КПСС, *защищавшая* права личности (и небезуспешно!) и одновременно *наставлявшая* ее в исполнении обязанностей. Большинство людей пребывало в состоянии стабильного усредненного комфорта во всех сферах жизни и чувствовало себя достаточно защищенным. Поэтому молитвенно испрашивать в храме у Господа, Сущего на небесах, избавления от лукавого, то есть *защиты* от господ земных, явной необходимости у людей «с лжехристианством внутри каждого из нас» [3], с. 55 не было, а значит, не было и нужды в самой Церкви, храмах.

По этой причине Творец и допускает на «советском» этапе Своего эксперимента ликвидацию христианских храмов руками человека, не достойного этих храмов. (Касаясь данной темы, А. Мень говорит, в частности: «Конечно, плохо, что закрывают церкви. Кто скажет, что это хорошо? Это плохо и с точки зрения закона, и с точки зрения верующих. Но я уверен, что ни один храм не был закрыт без воли Божией. Всегда отнималось только у недостойных» [3], с. 53-54).

Однако Бог не допускает при этом полной ликвидации *христианской* нравственности, принципы которой лег-

ли в основу «Морального кодекса строителя коммунизма» (1961 г.). Политотделы, партийные и комсомольские органы всех рангов, сами не ведая того, проповедовали людям, далеким от Библии, моральные ценности, *библейские* по содержанию и происхождению, как нравственные достижения *коммунистической* идеологии. Эти органы и являлись храмами того времени, причем не только для людей с партийным или комсомольским билетом в кармане, но и беспартийных «строителей коммунизма». На такой «невинной» идеологической подтасовке и держался стереотип мышления людей до 1985 года.

«1985-1991 годы есть завершенный исторический период. При этом он качественно отличается как от предшествующих этапов советской эпохи, так и от того отрезка отечественной истории, который начался после распада СССР» [15], с. 7. Болезненная ломка стереотипов мышления и устоявшихся нравственных норм на фоне общего снижения уровня жизни (в сравнении даже с застойным временем) – вот первые результаты перестройки. Население, ожидавшее от нее позитивных перемен, почувствовало себя обманутым, социально беззащитным. «Под угрозой оказалась элементарная личная безопасность; размываются нравственные устои общества» [15], с. 217. Развал страны *еще* только начался (то ли еще будет!), но выходцы из недавнего «застоя» *уже* почувствовали на себе всю «прелесть» перестроечных новаций. КПСС формально еще существует, но *защи-*

тить человека от беззаконий власть имущих она уже не в состоянии, так как последние лишили ее саму практически всякой власти. Беззащитному человеку грозило выживание в одиночку. «Но Бога ли учить мудрости?» (Иов. 21,22), «дивно глубоки помышления Твои!» (Пс. 91,6).

В процессе божественного эксперимента помышления Творца реализуются умственными и физическими стараниями человека. В данном случае – человека, восстанавливающего и открывающего храмы. Последние же взаимно открывают ему, не адаптированному к ситуации, надежду на божественную защиту от потенциальных и реальных невзгод. А поскольку людей отчаявшихся, ощущающих себя на краю пропасти, было предостаточно, постольку храмы стали быстро заполняться.

Люди, стихийно объединенные паническим страхом, растерянностью перед новыми условиями Божьего эксперимента, и составляли большинство прихожан церквей того времени. При этом их возраст, профессия, партийная принадлежность уже ничего не значили: плохо было всем. «Над бездной смерти люди лихорадочно искали возможности за что-то зацепиться, чем-то защитить себя – и в духе своего времени хватались за ритуалы… за что-то конкретное и обозримое» [30], с. 215. (Правда, здесь речь идет о поведении людей в неразберихе событий начала семнадцатого века, но человек, в принципе, не меняется.) Конечно, далеко не все устремились в Дом Господень: были и те, которые не только не ве-

рили в покровительство свыше, но даже роптали, напрямую обвиняя Бога во всем случившемся. (Кстати, довод-вопрос: «Если Бог есть, то как же Он допустил *все это?*» – является ровесником даже не Нового, а Ветхого Завета – вспомним монологи библейского Иова.)

Но в данном случае речь идет все-таки о тех людях, которые обратились к Богу. Что же привело их к Нему? *Всего лишь* страх перед наступающими временами, такими ужасными по сравнению с временами прошлыми! События перестроечного времени, как и события других смутных периодов на Руси, «невозможно понять, не учитывая этот феномен общественного сознания: сочетание непосредственного, часто грубого прагматизма с мышлением и чувствованием в религиозных рамках» [30], с. 215. Хотя вряд ли можно считать *феноменальным* вполне очевидное потребительское отношение к Богу.

* * *

Поскольку тема впрямую связана с Церковью, постольку уместным будет обращение к евангельскому примеру, притче Христа о блудном сыне (Лк. 15,11-32), которая кратко сводится к следующему. Сын «некоторого человека» вытребовал у отца свою долю наследства, однако вскоре расточил ее, «живя распутно в дальней стороне». Обреченный на голодное и унизительное существование, скатившийся до свинского образа жизни, он вынужден был возвратиться в отчий дом. Счастливый отец, поверив в раскаяние вернув-

шегося сына, устраивает ему пышный прием, прощает грехи и восстанавливает в правах.

В этой притче обращают на себя внимание два момента: раскаяние сына – «я согрешил против неба и перед тобою» и резюме отца – «сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Из притчи следует, что блудный сын раскаивается и возвращается в лоно родительского дома *только* под давлением животного страха перед голодной смертью. Мы не знаем, осознал бы он глубину своего нравственного падения, отказался бы добровольно от распутной жизни, раскаялся бы в содеянном, *если бы* имел еще достаточно средств для дальнейшего разгульного существования. Мы не знаем также, что было потом, после получения отцовского прощения: тяготился ли он, юноша, вкусивший вольности, трудом и смиренным пребыванием под родительским кровом или нет. Но мы знаем достоверно, что его расчет на родительское всепрощение был абсолютно верным. При этом остается неизвестным главное: действительно ли возлюбил он отца своего и сохранил это чувство в дальнейшем или же только прикинулся любящим, явив потребительское отношение к отеческой любви.

К чему эта притча? Да к тому, что модель взаимоотношений блудного сына и его земного отца из евангельской притчи сродни той, по которой формировались взаимоотношения человека и Отца Небесного на перестроечном этапе на-

шей истории. Только в последнем случае под своды храма, Дома Божьего, пришли тысячи блудных сыновей и дочерей, которых, как и в евангельской истории, привели туда беспомощность перед действительностью, страх перед будущим и надежда на защиту от невзгод. Но правомочно ли относить понятие «блудный» к этим несчастным людям? И да и нет одновременно. «Блуд обозначает в Писании не только грешную плотскую жизнь, но также и неверие» [16], с. 45. Исходя из этого определения, блуд – налицо, ибо люди все-таки «блуждали» во тьме неведения Бога и неверия в Него много десятков лет. Но с другой стороны, полностью винить в этом наших современников, особенно молодых, было бы несправедливо, ибо этот «блуд» достался им по наследству от предков, создавших институт отторжения людей от Бога.

Как бы то ни было, но приходит «время собирать камни» (Екк. 3,5). («Христиане называются живыми камнями, как строения части живого Храма, в котором Христос является «краеугольным камнем» [16], с. 196.) В соответствии с промыслом Всевышнего происходит как *открытие* храмов, так и *сотворение* необходимых внешних обстоятельств, обращающих и направляющих людей к этим храмам. Конечно, с позиции обывателя и то и другое является результатом деятельности государственной (человеческой) власти, плодами проводимых ею реформ. Да, внешне это так, но «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены», – утверждает апостол Павел с присущей ему категоричностью

(Рим. 13, 1-2).

Итак, через Свою Церковь Христос призывает к Себе заблудших, находящихся в рассеянии детей: «Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф. 11, 28-29).

«Человек всегда стремится к Богу. Нормальное состояние человека – в той или иной степени быть связанным с Высшим, с Идеалом. Даже когда этот идеал в сознании человека искажен, обеднен. Даже когда он превращен вообще во что-то светское» [17], с. 3. Как бы далеко и надолго люди ни уходили от Бога, какими бы дорогами ни блуждали, они, сотворенные по Его образу и подобию, бессильны разорвать внутренние связи с Творцом, убить Его в себе. В противном случае божественный эксперимент потерял бы всякий смысл. Бог был и есть с человеком всегда: «Я с вами во все дни до скончания века», – говорит Христос (Мф. 28,20). Но в ординарных жизненных ситуациях человек не осознает этого. Присутствие Бога сокрыто от него плотной завесой суетности, бесконечным потоком пестрых мыслей и эмоций. Однако в случае смертельной или другой крайне серьезной опасности, нависшей над ним, эта сиюминутная завеса обрывается – и вдруг «тайное становится явным», ярким, как вспышка в сознании человека (даже «убежденного» атеиста). «Боже! Не дай мне погибнуть! Прими меня в Свои руки!» – так

или примерно так, мысленно или вслух, молитвенно или отчаянно кричит человек *внезапно признанному* им Богу, и в этой отчаянной мольбе о спасении – его последняя надежда. «Подобно отцу в этой притче (о блудном сыне. – *Г. М.*), Бог любит, терпит и ждет. Он-то примет всегда… Покаемся ли мы?» [17], с. 32.

* * *

Вряд ли, ведь не раскаяние в безбожном образе жизни, не стремление к духовно-нравственному очищению, а в первую очередь резкое ухудшение материальных условий, удары по биологическому плану человеческой триады послужили первопричиной религиозной активности. Слабые, отчаявшиеся люди искали защиты от невзгод у Бога, которого они представляли по наивности своей (точнее – в силу библейской неграмотности) не иначе как добрым волшебником –защитником от зла и подателем материальных благ. (Такое примитивное потребительское представление о Боге вполне простительно людям раннего перестроечного времени, изолированным от Библии в силу известных обстоятельств. Но, забегая вперед, замечу, что и через четверть века свободного доступа к Библии и Церкви, людям так и не открылся смысл призыва апостола Петра: «Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов, – и получите дар Святого Духа» (Деян. 2,38). Дар Святого Духа! А не материальные дары из рога изобилия, как думают некоторые!)

Не берусь судить о том, в какой степени поредели бы ряды новоиспеченных прихожан, если бы горбачевские реформы, особенно в социальной сфере, дали ожидаемые народом результаты. Но думаю, что массовое паломничество в храмы людей сытых, обеспеченных, социально защищенных – вряд ли имело бы место в то время. Мое предположение косвенно подтверждается мотивами, доминирующими в обращениях к Богу большинства прихожан нашего рыночного времени: «помоги…», «дай…», «сделай так, чтобы…», «защити от…». И только от животной самости, самого страшного личного врага, защитить себя не просит никто.

Честное слово, создается впечатление, что из всего Нового Завета, давно уже доступного любому, люди запомнили, восприняв их *буквально,* лишь два чуда, совершенные Христом. Первое – обращение примерно шестисот литров воды (см. [16], с. 246) в вино во время пира в Кане Галилейской (Ин. 2, 6-8); второе – насыщение пятитысячной голодной толпы пятью бесконечными хлебами. (Мк. 6, 41-44). Кстати сказать, меркантильное в своей основе отношение к Богу проявило себя не только в переходный от атеизма к христианству период, но и наоборот – от христианства к атеизму.

В соединении с обрядоверием и пустой религиозностью, суррогатом веры и любви, именно потребительское отношение к Богу и привело к тому, о чем с горечью писал В.В. Розанов в работе «Апокалипсис нашего време-

ни» (1918-1919 гг.): «Всю жизнь крестились, богомолились: вдруг смерть – и мы сбросили крест… Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно "в баню сходили и окатились новой водой". Это – совершенно точно, это действительность, а не дикий кошмар» [24], с. 7. И далее: «Христианство вдруг все позабыли, в один момент, потому что оно *не вспомоществует;* что оно не предупредило ни войны, ни бесхлебицы» [24], с. 12.

Как потрясается «крепость» веры, замешанной на утробном отношении к Богу, мы читаем в той же работе: «Ну, кто же не видит из моих тусклых слов, что "богочеловеческий процесс воплощения Христа" потрясается. Он потрясается в бурях… Он потрясается в "голодовках человечества", которые настали… В вопияниях народных:

– "Мы вопияли Христу и Он не помог".

– "Он немощен".

– "Помолимся солнцу: оно больше поможет…"

– "Христос – мяса!"

– "На ребра, в брюхо, детям нашим и нам!"

Христос молчит… Так не Тень ли он? Таинственная Тень, наведшая отощание на всю землю» [24], с. 15.

От сомнения в Боге до отречения от Него – всего один шаг; следующим будет – разрушение Божьих храмов, так ненужных сегодня человеку, «верующему» еще вчера. Парадоксально, право, но закрывали и рушили христианские хра-

мы те, что из «христиан», а восстанавливали и открывали их недавние атеисты! Если же допустить, что и те и другие фактически были не теми, за кого выдавали себя *до того,* то следует признать лицемерами как тех, так и других: первых – с незапамятных времен, вторых – со времен недавних. Я столь широко цитирую выдающегося русского мыслителя, руководствуясь намерениями не столько осудить *тех*, сколько оправдать *этих,* перестроечных, верующих.

Если уж люди, рождающиеся, крестящиеся, живущие и умирающие в лоне православной Церкви, не сумели обуздать свои плотские инстинкты в течение тысячи лет (!), то что уж говорить о «новичках», пришедших в Церковь в смутное для них время?

Если уж человек, методично воспитывавшийся с детства на заповедях Христовых, не усвоил их духовно-нравственной сути и посему *слепо* веровал, то какие же претензии могут быть к тем, кто и Библии-то в руках не держал и, естественно, верует *вслепую*.

Если уж *те* не обрели истинной веры «даже с горчичное зерно» за десять веков, а усвоили лишь ее суррогат, обрядоверие, маловерие и суеверие, то *этим*, уже не атеистам, но еще и не христианам, разве не пришлось начинать религиозную жизнь с «чистого листа»?

* * *

Но вот миновали два десятилетия по завершении кратковременного этапа, названного в народе «перестройкой»,

и начался этап новый. Настало время пересмотреть этакий всепрощенческий подход к *нынешним* «христианам».

Двадцать лет – это немало для нашего далеко не патриархального времени. Стала широко доступной не только Библия (имеется ввиду книга, а не ее содержание), но и другая литература библейского круга. В программы телевидения и радио включены регулярные передачи (правда, их очень мало) по религиозной тематике, а сейчас – и проповеди патриарха; развитие компьютерной сети расширяет доступ к сайтам религиозной направленности; издаются журналы (например, «Журнал Московской епархии») и газеты (у нас – вологодская епархиальная газета «Благовестник»), растет число воскресных православных школ и т. д. Так что информационное поле представляется достаточно широким и насыщенным.

Однако способствовало ли оживление религиозной жизни хоть какому-то пробуждению или укреплению религиозной *веры* у тех, кто «ходит в церковь»? Стало ли общество в целом нравственнее, чище за истекшие четверть века под воздействием Церкви, точнее в результате его сближения с Церковью? К сожалению, нет. И виновата в этом не Церковь, хотя и она дает достаточно поводов для нареканий в свой адрес.

Условия божественного эксперимента ужесточались в течение всех перестроечных и особенно постперестроечных лет. Не стану обращать память читателя к ужасам, порож-

денным процессом становления капитализма в социалистической России. И без того с содроганием вспоминает те годы большинство ныне живущих – верующих и неверующих. Тем не менее совсем без обращения к недавнему прошлому, плавно перетекшему в настоящее, не обойтись.

…Чеченская война – тысячи молодых мужчин из всех городов России были откомандированы на борьбу с боевиками и террористами. «Вернусь или не вернусь? И если вернусь, то – *каким*?», – эти вопросы тревожили как убывающих, так и тех, кто ждал их возвращения. Угроза смерти, увечий, сиротства и вдовства приблизилась ко многим людям вплотную. Вот когда они вспомнили о Боге (многие – впервые) и молитвенно признали Христа своим личным Спасителем! В срочном порядке стали принимать крещение совершенно неподготовленные к этому таинству люди, убывающие в «горячие точки». Каждый из этих скороспелых христиан надел на шею крестик с распятием и гравировкой «Спаси и сохрани». О роли этого крестика, которую ему отводят «верующие», поговорим отдельно, а сейчас – о другом.

Чем возблагодарили Бога те, которые действительно вернулись спасенными и сохраненными? Какие взаимоотношения с Церковью установились у них в дальнейшем, когда смертельная опасность миновала? Конечно, у каждого – свои, сугубо индивидуальные.

* * *

Меня интересует тот тип взаимоотношений, что уклады-

вается в простейший сценарий. По возвращении к мирной жизни бывший воин приходит в храм, горячо благодарит Христа Спасителя за сохраненные жизнь и здоровье, ставит свечу за упокой погибших друзей и жертвует искренне энную сумму на благоустройство храма. Но проходит время, и этот человек становится, по определению Христа, «ни холоден, ни горяч» (Отк. 3,15), в церкви бывает от случая к случаю и в конце концов вообще забывает дорогу к храму или крайне редко и трудно вспоминает о ней.

Месяцами и даже годами не причащаясь Святых Даров, такой «христианин» фактически утрачивает связь не только с христианской церковью как собранием верующих, но и с Самим Христом. «Человек, редко приступающий к св. Тайнам, наносит немалый урон своей духовной жизни, отдаляя себя от благодатной помощи Христа» [12], с. 143. Правда, сам он над этим не задумывается, растворяясь в повседневной суете, в стремлении объять необъятное.

Право же, создается впечатление, будто человек безудержно скатывается к той «исходной» позиции в своем отношении к Богу, которую он занимал *до* крещения. Нет! Это только кажется: реально же он откатывается гораздо *ниже* «нулевой отметки». Если раньше, до крещения, этот человек всего лишь «честно» не верил в Бога, то теперь он, по существу, *предает* Его. Но как? Любое предательство в принципе не может быть честным, однако в данном случае мы имеем дело с особо подлой разновидностью его. По харак-

теру своему это не тот тип «одноразового» предательства, которое свершил апостол Иуда Искариот целованием Сына Человеческого (Лк. 22,48). Нет! Это – способ повседневного существования, поведенческий принцип, который исповедовал другой иуда – щедринский иудушка Порфирий Головлев.

Ведь наш «верный во Христе» повседневно, методично, с фарисейской «искренней» лаской и любовью паразитирует на имени и благодатной силе своего Спасителя. Он предает Христа, *не отрекаясь* от Него, а хитроумно *спекулируя* на Нем. Он всячески демонстрирует, что постоянно связан с Богом буквально «одной цепочкой» – цепочкой нательного крестика, с которым он никогда не расстается. И в то же время постепенно, по частям предает Церковь, «тело Христово», в угоду *своей самости,* с которой он так же не в состоянии расстаться ни на миг.

Служение ей, исполнение ее цепких прихотей требует немало сил и времени. Их бесстыдно экономит на служении Богу этот человек, с его уродливо сформированной шкалой жизненных ценностей. На ней божественное, духовное начало присутствует, оно *не исключено* вовсе, но *подчинено* животным инстинктам и материально-бытовым потребностям, эксплуатируется ими. Это обстоятельство, безусловно, отягчает своей подлостью вину предательства как такового.

Познав на себе защитительную силу Христа в экстремальных условиях недавней войны, бывший воин, спасенный и

сохраненный от смерти и увечий, и в мирных условиях претендует, видимо, по инерции, на милосердие и покровительство Христа, но в соответственно иных сферах жизни. По существу, он пытается привлечь Бога к *соучастию* в решении своих бесконечных меркантильных проблем. Ничего не давая церкви Христовой, не уделяя ей ни малейшего внимания, этот эгоист еще и позволяет себе привязывать имя Господа (причем, всуе, наспех) к своим бездуховным желаниям, намерениям и начинаниям.

Признавая Бога только как всесильного защитника и подателя материальных благ, этот «благодарный» христианин *закономерно* не способен возлюбить Его ни сердцем, ни душою, ни разумением своим (Мк. 12,30). Но утратив соборное единение со своими братьями и сестрами по вере, он, однако, лицемерно носит нательный крестик, символ этого единства, который почему-то не пробуждает в нем ни повседневно-бытовой христианской совести или самоосуждения, ни желания хотя бы изредка следовать заповеди «исследуйте Писания» (Ин. 5,39), то есть брать в руки Библию. В противном случае ему было бы известно, что отступничество от Церкви человека, возложившего когда-то на себя «знак вступления в Церковь, мистического приобщения к «Телу Христову» [12], с. 138, чревато для него тяжкими последствиями. Так, в Евангелии от Луки (11,23) Христос предупреждает: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает». (Естественно, имеется в

виду собирание и расточение богатств духовных.) Буква и дух сказанного Учителем тем более дают все основания считать *противником* Христа того, кто в трудную минуту, движимый страхом за свою жизнь, слился с защитительным «телом Христовым» и предательски удалился, *но дальновидно не отрекся,* от Него, когда настали безопасные времена. Если широко трактовать слова протоиерея А. Меня, обращенные к прихожанам его храма: «Каждый из нас может стать Его предателем, как Иуда» [18], с. 38, то следует признать, что практически каждому христианину следует выбить на стене или зарубить себе на носу фрагмент из Мф. 26,24: «Но горе тому человеку, которым Сын Человеческий предается: лучше было бы этому человеку не родиться».

Бог и человек, как уже говорилось, являются участниками совместного эксперимента, промысленного Первым во имя нравственной эволюции второго. В этом грандиозном взаимодействии у каждого из них свои специфические функции, обеспечивающие полноту эксперимента. Так что Бог и человек необходимы друг другу в соизмеримой степени. Это двустороннее условие подразумевает не только надежную духовную связь «по вертикали» – Бога и человека, но и духовное единство «по горизонтали» – людей, верующих в единого Бога. Обращаясь к членам коринфской церкви, апостол Павел пишет: «И вы – тело Христово, а порознь – члены» (1 Кор. 12,27). Отделение же от тела (как физического, так и «тела Христова») малейшего из его членов всегда будет бо-

лезненным для тела и гибельным для изолированного фрагмента его. В данном случае – человека.

Бытие Высших Сил с одной стороны и людей с другой возможно лишь в условиях энергетического взаимодействия сторон – идея, проходящая красной нитью и в оккультизме. Чтобы убедиться в этом, достаточно, например, ознакомиться с понятием *эгрегор*.

«Эгрегорами называются астральные существа, порожденные обществом людей, объединенных одной мыслью и волей, и представляющие дух этого общества» [2], с. 65. В сущности, эгрегор – это энергетический покровитель *тех*, кто, в свою очередь, питает его личной, устремленной к нему энергией веры, надежды, любви. Аккумулировав в себе достаточный запас энергии «снизу», эгрегор начинает жить самостоятельной жизнью. Трансформируя эту энергию в благодатную силу, он дарует ее «сверху» членам общества по принципу: «по вере вашей да будет вам» (Мф. 9,29). «Когда человек с верой произносит слова или употребляет знаки, служащие девизом какого-нибудь общества, то этим он привлекает к себе и располагает в свою пользу эгрегора этого общества. Этим объясняется чудодейственная сила молитвы, а также разных религиозных знаков, например, в христианстве – крестиков, образов, икон» [2], с. 67. Более подробную информацию о природе и жизнедеятельности эгрегоров читатель при желании может найти в работе С. Тухолки «Магия и оккультизм» (МЦ «Форум», 1990).

* * *

Предвижу раздражение некоторых читателей, связанное с моим обращением к оккультным доводам при обличении христианина. В оправдание хочу сказать следующее:

– оккультная трактовка сугубо христианских образов приведена у С. Тухолки открытым текстом. Он пишет: «Точно так же образы, созданные религиями, например, Христа, Святой Девы Марии и разных других святых, независимо от их настоящей личности, существуют в астрале, будучи созданы воображением и волей миллионов людей; черпая в этой воле принцип и направление своей жизни, они заключают в себе могущественные силы» [2], с. 62;

– в Евангелии от Луки (8, 41-56) говорится о том, что женщина из толпы, страдающая кровотечением много лет, подойдя сзади к Христу, незаметно коснулась края его одежд и исцелилась. В этом эпизоде ничего необычного (применительно к Христу, конечно) нет, кроме признания Самого Христа: «Иисус сказал: прикоснулся ко Мне некто; ибо Я *чувствовал силу, исшедшую из Меня*» (курсив мой. – *Г. М.*). О какой силе идет речь? Вероятнее всего, о той, что предназначалась Христом для «планового» исцеления другого человека – дочери Иаира: ведь по дороге именно к ней и случилось непредвиденное исцеление незнакомки из толпы. Но эта неожиданная для Христа утечка целебной силы была быстро восстановлена (исцеление дочери Иаира состоялось) благодаря энергии глубинной веры в Него, исходящей

от страдающей женщины. «Вера твоя спасла тебя; иди с миром», – заключает Христос, обращаясь к ней. Таким образом, эгрегор, покровительствующий сообществу верующих в Сына Бога живого (Мф. 16,16), не понес энергетического ущерба. Как видим, и в самой Библии, даже в христианской ее части – Новом завете, есть сюжеты, объяснимые лишь в свете оккультных представлений;

– и Евангелия, и оккультный источник сходятся в принципе на том, что действенность молитвы зависит от степени духовности и нравственности ее мотивов. Так, в Нагорной проповеди читаем: «Не собирайте себе сокровищ на земле… но собирайте себе сокровища на небе… ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 19-21). А в упомянутой выше работе С. Тухолки прямо говорится: «Чем мотив молитвы чище, духовнее и бескорыстнее, тем более действия имеет молитва. Если же она внушена низменным и материальным эгоизмом, то элемент материи, вводимой в нее, всегда ослабляет силу молитвы» [2], с. 68. Так что в данном случае можно говорить лишь о расхождении в формулировках одной и той же идеи.

* * *

Вернемся, однако, к нашему верующему, точнее к категории людей, *почему-то* относящих себя к верующим. В нее входят не только неблагодарные Богу «чеченцы». Последние взяты мною лишь в качестве примера. В сущности же, это относится к любому человеку, фактически разорвавше-

му связь с Тем, во имя Которого он когда-то крестился.

Вступив в православное церковное сообщество с целью обеспечить себе защиту свыше в грядущих жизнеопасных ситуациях, человек тем самым обретает покровительство эгрегора православной Церкви. В этом, конечно, и состоит смысл поспешного крещения. Однако нетрудно догадаться, что энергетическую броню, спасшую ему жизнь и здоровье, человек получил от Бога как *аванс* под будущие подвиги будущей веры. Ведь в момент крещения вчерашнего атеиста религиозной веры у него просто не могло быть даже «с горчичное зерно». Тогда ее подменял инстинкт самосохранения, животный страх, заставлявший человека схватиться за любую спасительную соломинку, кто бы ее ни протянул, в том числе и Церковь. Такой зримой, ощутимой и обнадеживающей соломинкой становится для него *нательный крестик,* обретенный в результате крещения. Положение энергетического должника, человека, получающего защиту свыше, но лишенного возможности воздавать Спасителю *полной* мерой, – в экстремальных условиях войны вполне объяснимо и оправдано: там человека хватает лишь на то, чтобы только благодарить Бога за каждый прожитый день.

Но вот условия жизни изменились в корне: окончилась война. Окончилась она, разумеется, для каждого по-разному: один погиб, другой жив, но инвалид, третий не только жив, но и здоров. Не стану говорить по вполне понятным причинам о первых; воздержусь от комментариев и в

адрес вторых, учитывая двойственность их отношения к Богу. Речь пойдет о третьих, о тех, для кого их надежды и упования на божественное покровительство оправдались в полной мере.

Как уже говорилось, эти люди в течение длительного времени являлись потребителями благодатной энергии, даруемой им эгрегором. Говорилось и о том, что образуется она из соединения энергетических посылок (молитв) верующих. Следовательно, ее резерв есть *общее* достояние членов церкви, и если потребление этого резерва не восполняется, то эгрегор, естественно, теряет силу, защитительные свойства его ослабевают. От этого в конечном счете страдает каждый верующий, становясь менее защищенным свыше.

Таким образом, человек, не возвращающий энергетический долг эгрегору, покровительством которого он пользовался длительное время, не столь уж безвреден для остальных членов православно-церковного сообщества, ибо этот «христианин» просто *обворовывает* их. Но одно дело – не возвращать долг, а другое – наряду с этим делать все новые и новые не возмещаемые долги, рассчитывая на щедрость и долготерпение Дающего. Именно так ведут себя люди, о которых идет речь. Их молитвы, обескровленные эгоистическими мотивами, вряд ли способствуют укреплению эгрегора. А хищение (иначе не назовешь) «порций» благодатной энергии, необходимой для воплощения заземленных намерений, наносит последнему прямой вред.

Однако все имеет начало и конец, в том числе – и кредит божественного доверия. Это объяснимо не только в терминах оккультной системы. Благодатная спасительная энергия Духа Святого, сошедшая на человека, доверившегося Богу в роковой период своей жизни, экранировала его от вражеской пули. Осознание свершившегося (а не осознать этого невозможно), казалось бы, должно привести человека к духовному прозрению, пробудить в его душе глубокую благодарность Своему Спасителю, а *значит:* и *веру* в Него, и *надежду* на Него, и *любовь* к Нему на всю оставшуюся спасенную Им жизнь. Однако произошло нечто иное.

Да, человек действительно укрепился *в вере,* что Бог всемогущ, что Ему подвластны все и вся. И, как следствие, уповая на крестик, человек укрепился и в *надежде,* что любое его пожелание, обращенное к Богу, независимо от содержания и смысла, отныне будет немедленно исполняться. И только *в любви* к Богу при *таком* понимании веры и надежды человек, естественно, укрепиться не мог. Разве наглеющая старуха из сказки Пушкина возлюбила золотую рыбку? Нет, конечно! Она только верила во всемогущество последней и надеялась на ее безбрежную и безропотную исполнительность. Но ведь именно такой волшебной рыбкой и представляет себе Всемогущего Бога тот тип христианина, к которому я столь неравнодушен. Право же, создается впечатление, что эта категория «верующих» или позабыла финал поучительной пушкинской сказки, или же пренебрегает им.

* * *

Когда миновала опасность смерти физической, и притаившаяся самость вновь подняла голову и подала голос, возникла опасность смерти духовной, умерщвления человеком человеческого же начала в самом себе. Массовое (и это самое страшное!) злоупотребление божественной помощью и защитой, потребительское отношение к их Подателю наглядно свидетельствуют о том, что большинство людей, относящих себя к верующим, так и не усвоили, «что быть рядом с Господом – это значит иметь великую ответственность, быть взвешенным на весах Его правды, поверить в Его любовь и отдать Ему все, что имеешь» [18], с. 39. Расчленим эту сложную мысль А. Меня, озвученную им в одной из проповедей Пасхального цикла, на отдельные критерии и предложим нашему воображаемому верующему прокомментировать их. В результате его религиозные представления в целом, думается, станут более ясными. Естественно, я привожу лишь предполагаемые мною, но *вполне вероятные,* ответы за другого человека.

Прежде всего, относит ли он к себе это высказывание *в целом*? Ощущает ли себя «рядом с Господом»? Скорее всего, ответ будет утвердительным: ведь наш «христианин» носит нательный крестик с Его распятием! Конечно, в силу религиозной безграмотности ему неведомо, что это символ невидимого сораспятия Христу (Гал. 2,19). Он убеждён, что цепочка на его шее является цепочкой связи с Богом.

На вопрос о том, имеет ли он «великую ответственность» пред Господом, – ответ, не сомневаюсь, будет также положительным, ибо он вполне ответственно носит крестик, никогда и нигде не снимает его. Более того, он даже изыскивает, хотя и не часто, время, чтобы *отстоять* в храме несколько минут и возжечь свечу пред святым образом.

Вопрос о «взвешивании человека на весах божественной правды», по-видимому, повиснет в воздухе, поскольку иной правды, кроме собственной, то есть правды личной самости, он не знает и вряд ли когда-нибудь узнает, ибо для этого надо родиться «от воды и Духа» (Ин. 3,5), а не формально принять крещение, которое и водным-то можно назвать лишь с большой натяжкой. Поэтому вопрос о его личной вере в безграничную божественную любовь, наверное, будет для него совершенно неожиданным, поскольку ему никогда и в голову не приходило задаться таким вопросом. При его потребительском отношении к Богу гораздо важнее другое: защитит ли Господь его от невзгод, исполнит ли его меркантильные просьбы, услышит ли его суетные молитвы. А будет ли все это *сбываться* на фоне божественной любви или без нее – ему как-то все равно.

И наконец, способен ли он отдать Господу все, что имеет? Думается, этот вопрос вообще поставит опрашиваемого в тупик. «Как! Неужели Всесильный Бог нуждается в чем-либо, исходящем от слабого человека? Да и что я могу предложить Ему?» – вероятно, спросит он себя в полной растерянности.

И если первый вопрос свидетельствует о его дремучей религиозной безграмотности, о том, что ему абсолютно неведома заповедь: «…отдавайте… Божие Богу» (Мф. 22, 21), то второй – о его неподдельной искренности, святой простоте: ведь ему и вправду нечего предложить, ибо ничего он не имеет ни за душой, ни в сердце своем; пусты его «органы», где может и должна бы зародиться Любовь – единственный человеческий дар, принимаемый Богом, Который и Сам «есть Любовь» (1 Ин. 4,8). Воистину, «контакт с Богом возможен – как союз между *подобными* (курсив мой. – *Г. М.)* существами» [17], с. 20.

Вполне очевидно, что ни одному из условий (по А. Меню), дающих человеку право «быть рядом с Господом», современный среднестатистический верующий не соответствует. (По крайней мере из числа тех, считающих себя верующими, с кем доводилось мне общаться по теме). И тем не менее он станет резко и беспомощно противиться упрекам в неверии, точнее в обрядоверии.

«Вера в Бога – это верность Богу в любых состояниях» [18], с. 28. Эту «формулу веры» я назидательно процитировал как-то одному из своих набожных знакомых, не предполагая даже, что лаконичная мысль А. Меня приведет его в восторг. «Так ведь это же обо мне! Ведь я никогда не расстаюсь со своим крестом, ношу его всегда, в любых состояниях!» – воскликнул он. Реакция его была настолько искренней, что у меня не осталось никаких сомнений в том, что

смысл христовой заповеди: «…возьми крест свой и следуй за Мною» (Мк. 8,34) он упростил до: «Носи крестик твой, и будешь под Моей эгидой».

Ох, уж этот нательный крестик… Многие люди видят смысл крещения именно в обретении крестика и права на его ношение. Смею предположить, что если бы сегодня крестик вывели из обряда крещения (как в некоторых протестантских конфессиях), то уже завтра желающих креститься или окрестить своих детей *без* водружения на шею крестика с гравированной мольбой: «Спаси и сохрани» – стало бы значительно меньше, а число прихожан в храмах заметно бы сократилось.

* * *

Нет, я никоим образом не умаляю значимости нательного креста: это – христианская святыня, и поэтому я бескомпромиссно против ее осквернения, превращения Святого Распятия в амулет, языческий оберег или ювелирное украшение, носимое к тому же вызывающим образом. (Да простит мне читатель несколько раздражённый тон, выдающий моё личное отношение к кощунникам и кощунству над святыней.) Разве так уж редко нам встречаются женщины, демонстрирующие золотой крестик для привлечения внимания к обнаженной груди, едва вписывающейся в пределы декольте? Или мужчины, на «шерстяной» груди которых распахнуто для всеобщего обозрения Святое Распятие?

И хотя эта буквально рвущаяся наружу «любовь» к Бо-

гу только подчеркивает их внутреннюю бездуховность, сами «крестоносцы» не видят какого-либо кощунства в таком обращении со святыней. Они, как правило, утверждают, что, в отличие от *некоторых,* не стыдятся своей христианской веры, гордятся ею, а потому, дескать, и славят публично Господа и Его Церковь. А те из них, что мало-мальски знакомы с Евангелием, могут сослаться еще и на слова Христа в Мф. 10,32: «Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным». Правда, они или забывают, или не подозревают, что исповедовать Христа, опошляя Его образ, недопустимо, что «не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!" войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7,21).

Ясно, что подобные оправдания, даже с неуклюжей ссылкой на Евангелие, всего лишь – ширма, за которой прячется все то же потребительское отношение к Христу (скорее всего – на подсознательном уровне), воплощение деляческого принципа «я – Тебе, Ты – мне»: я Тебе – свою *нескрываемую* преданность, Ты мне – индивидуальную защиту и покровительство.

На большинство крестившихся постоянное ношение нательного крестика не налагает, к сожалению, каких-либо моральных ограничений, не побуждает их быть христианами за стенами храма. Да и в самих храмах фарисейство и фамильярное отношение к церковным святыням становятся пове-

денческими нормами. (Можно, например, с жвачкой во рту молиться и даже целовать иконы.)

«Мы не даром носим крест на груди – он означает для нас служение миру, служение людям, служение Богу, нашему Господу и Спасителю» [18], с. 43. Так *должно* быть. Но что мы видим в реальности вокруг нас? С крестиком на груди обманывают и предают, оскорбляют и лицемерят, наживают неправедные богатства и переступают через ближних. Даже вершат страшнейшие уголовные преступления! Уповая на адресную защиту крестика, иной человек, носящий его, доходит буквально до нравственного изуверства: он фактически отводит Богу (!) роль влиятельного пособника в своих злодеяниях и молитвенно, с надеждою взывает к Христу Спасителю (!) стать личным покровителем в богомерзких делах своих. Куда же дальше?!

Циничное унижение святыни, попытка утилизировать её не могут остаться безнаказанными. «Сила святыни, если мы ее не употребим к жизни своей, обернется против нас, и во мрак отпадет душа» [18], с. 38. Естественно, что речь идёт о жизни духовной, с которой святыня связана *по определению.* Попытка употребить ее силу с меркантильной целью губительна для святыни и бесплодна в достижении самой цели. Но поскольку подобная отрезвляющая мысль сравнительно редко посещает головы некоторых наших «христиан», постольку они, по вопиющему неведению своему, «умножают зло». В потребительском отношении к Богу они подчас захо-

дят настолько далеко, что уже просят (или требуют?) у Него даже *не помощи* личным усилиям в достижении цели, *а прямого замещения* их усилиями божественными: не «Боже! *Помоги* мне в…», а «Боже! *Сделай* так, чтобы…». Иными словами, – «Исполни все без моего участия!».

Желания человека обречены на удачу лишь тогда, когда они находят благодатный отзвук в Высших Силах, когда намерения человеческие согласуются с божественными. В противном случае можно часами кланяться иконам, добиваться расположения Бога убедительными просьбами, молитвами и свечами, но… «Кто не почувствует на себе Его руку, так и будет мертвым стоять в храме до конца своих дней» [18], с. 33. И вот *тогда-то* в человеке может проснуться обида на Бога, разочарование в Нём, особенно, если отказы в божественной помощи имели место и ранее. А далее, вполне вероятно самое страшное и непоправимое: человек может *возроптать* на Бога, возвести хулу на Него!

А это – тот запретный рубеж, переступив который, человек взваливает на себя всю тяжесть *непростительного* греха, ибо: «всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам» (Мф. 12,31). В данном понимании Дух есть истинный Бог (Деян. 5, 3-4). «На Высшего Духа не может кощунствовать человек», – гласит и Живая Этика («Сердце», 237). Вспомним, кстати, что это табу не нарушил даже страдающий (фактически по воле Господа) «проказою лютою» библейский Иов, несмотря на подстрекательство к

богохульству его «безумной» супруги: «И сказала ему жена его: ты все еще тверд в непорочности твоей! похули Бога и умри» (Иов. 2, 6-10). Но Иов, как известно, устоял в вере, за что и был вознаграждён Господом.

Чем же грозит человеку-кощуннику, хулителю Духа Святого, неполучение божественного прощения? Деформацией энергетических структур из-за повреждения его духовного плана – так утверждает Живая Этика («Мир Огненный»). «Оно (кощунство. – *Г. М.)* несет в себе настоящую заразу. Кощунник после хулы уже не тот самый, он уже растоптал часть своей заградительной сети. Можно ожидать различных заболеваний, ибо заградительная сеть не только охраняет духовно, но и телесно» (цит. по [19], с. 167). Таким образом, загоняя себя в духовную могилу, человек тем самым сокращает путь свой и к могиле земной.

* * *

Свои взаимоотношения с Христом большинство людей, крестившихся во имя Его, сформировало в обратном порядке, поставило их с ног на голову. Так, в нормальной последовательности вера как *высшая реальность,* являющая себя в человеке, должна быть первичной по отношению к таинствам и обрядам. В частности – к таинству крещения. Иными словами, крещение во имя Христово должны принимать люди, *открывшие* для себя Христа, *уверовавшие* во Христа. Обратимся за примером к эпизоду крещения евнуха царицы эфиопской апостолом Филиппом (Деян. 8, 36-37): «Между

тем, продолжая путь, они приехали к воде; и евнух сказал: вот, вода; что препятствует мне креститься? Филипп же сказал ему: если веруешь от всего сердца, можно». Как видим, в соответствии с духом и буквой Священного писания, вера обусловливает крещение (не наоборот!).

Соблюдается ли это условие сегодня? Формально – да. По крайней мере, Церковь весьма своеобразно напоминает об этом. (К примеру, в притворах вологодских храмов можно ознакомиться с письменным обращением к желающим принять крещение. Цитирую его преамбулу: «*Обращаем ваше внимание* (курсив мой. – *Г. М.*), что христианское таинство бывает *действенным* только тогда, когда оно принимается с верой, осмысленно и с *должной подготовкой*!» Что ж, все абсолютно верно. Равно как и то, что канцелярский слог, а главное, канцелярский дух успешно проникают под своды православных храмов каким-то «естественным» образом. Впрочем, «святая» казенщина – тема отдельного разговора.)

Фактически же – все наоборот. Сегодня – сперва крещение с целью обрести некую защиту свыше, *независимо* от веры, а уж потом – как получится: возможно, что вере и в дальнейшем не будет отведено главенствующее место в душе человека (в пространстве, ограниченном цепочкой защитительного крестика). Крещение же не «по вере от всего сердца» есть крещение по суеверию. Здесь «Бог живой» (Деян. 14,15) не присутствует. Его подменяет некая абстрактная мистическая сущность, способная, по убеждению человека,

принимающего крещение, безотказно исполнять все его материально-чувственные желания (иных он практически не ведает) и защищать от житейских невзгод.

Для этого надо всего лишь угождать той сущности, которую человек по наивности и библейской неграмотности принимает за Бога. Чем угождать? Естественно, чем-то видимым физически, невооруженным глазом, чем-то вполне очевидным для себя и своего окружения. И, уж конечно, «пред очами Господа», чтобы Он оценил старания человека. Отсюда – обрядоверие, поверхностная религиозность, показное ношение крестика и другие внешние проявления личной «любви» к Богу. Но «человек имеет кроме телесных чувств еще око духовное, которым он видит, постигает, ведает. Этот орган есть вера». [22], с. 35. Право же, создается впечатление, что око *это* надежно прикрыто светонепроницаемой повязкой.

Вероятно, не только мне приходилось видеть, особенно в церковные праздники, людей, неистово осеняющих себя крестным знамением перед входом в храм. Эффектные поклоны, красивые дирижерские взмахи не могут не привлекать внимание окружающих (что, в сущности, и требуется). А вот *какова* реакция последних на это фарисейство – трудно сказать однозначно. Да и важно ли это, в конце концов, для того, кто столь рьяно отдает, как он считает, «Божие Богу»? Христос, осуждая показную религиозность, учил: «И когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят… на

углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться пред людьми» (Мф. 6,5). Эта заповедь Учителя, как видим, актуальна и сегодня. Жаль, конечно, что немногие христиане о ней знают и очень немногие из них исполняют её.

Однако наш просвещенный и технически оснащенный век значительно приумножил, расширил и усовершенствовал формы проявления «безграничной любви» человека к Богу. Сегодня, например, некоторые «верующие» водители личных автомобилей выставляют в салоне на самом видном месте триптих с ликами Христа, Богородицы и Иоанна Крестителя. Ясно, что этот иконостас на колесах призван выполнять те же функции, что и нательный крестик: «Спаси и сохрани!». Но могут ли на *это* надеяться те «богобоязненные» водители, поведение которых за рулем, и особенно в гаражах, христианским не назовешь даже с натяжкой?

Еще пример: в сегодняшнем храме можно видеть прихожан, общающихся по мобильному телефону с внешним миром и одновременно, как бы между прочим, ставящих свечи Христу, Богоматери и святым угодникам. Очень удобно, не правда ли? И Бога вроде бы не обходишь своим вниманием, и время экономишь. А совсем недавно, будучи в одной из вологодских церквей, я оказался невольным свидетелем быстротечной сценки, потрясшей меня буквально. Из верхнего храма по лестнице, ведущей к выходу, едва не сбив меня, пробежал юноша, громко отчитывающий кого-то по мобильному телефону. В этом не было бы ничего удивительно-

го, по современным меркам, конечно, если бы не одно обстоятельство: не отрывая телефона от уха, на бегу, юноша суетливо и даже раздраженно осенял себя крестным знамением! *Такого* «совмещения» я еще не видел! Однако я не очень уверен в том, что больше никогда не встречусь с подобным извращением. Какая уж здесь вера, тем более – «от всего сердца»?! Это даже не пародия на неё и не отрицание ее, это утончённое издевательство над ней, слегка завуалированное богохульство! А ведь этот юный «христианин» в критической для него ситуации будет претендовать на божественную любовь и защиту! И даже обижаться на Господа, не получая желаемого!

Случай в храме окончательно убедил меня в том, что слова *христианин* и *верующий* в приложении к современным прихожанам можно нередко брать в кавычки, что я и делаю. Надеюсь, читатель не осудит меня за это строго.

«Для него (нее) нет ничего святого!» В этом коротком чисто русском сетовании уживаются и глубина, и обобщение. Лучше не скажешь! Да, к сожалению, ни крестик, ни храмовые иконы с ликами Христа и Богородицы, ни сам храм многие современные «христиане» святынями, *по сути*, не признают и, следовательно, энергией веры, любви и благодарности их не напитывают. Несомненно, эти «верующие», в отличие от убежденных неверующих и религиозно нейтральных людей, как члены Церкви не только бесполезны, но и *вредоносны,* ибо по их вине происходит необратимое обмирщение

ее. «Когда люди оказываются недостойными, святыни отнимаются или рушатся» [18], с. 14. Конечно, эти люди покупают свечи и опускают в копилку «на содержание храма» кое-какие деньги, хотя для них это отнюдь не «две лепты бедной вдовы». Однако, оказывая Церкви некоторую материальную помощь, они вместе с тем привносят в нее суетность, бездуховность и языческие манеры; загрязняют нравственную атмосферу церкви, разъедают объединяющую прихожан невидимую ткань благоговения перед Спасителем, верой в Которого они должны жить и спасаться. «Любовь ко Христу есть основа нашей духовной жизни. Если этого не будет, мы будем как язычники, которые приходят получить у своих богов то, что сегодня им нужно» [18], с. 33.

Легкомысленное отношение к крещению и, как следствие, недостойное христианина личное поведение в храме и вне его резко осуждается в христианской литературе. Так, в «Библейской энциклопедии» (православное издание 1891 года) читаем: «О тех, которые грешат после крещения, должно думать, что они виновнее в грехах своих, нежели некрещённые в своих, потому что те имели от Бога особую помощь к добру и отвергли ее» [20], с. 413. Незавидную судьбу христианам с нехристианскими мыслями, словами и поступками предрекает апостол Петр: «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им (полученной ими – *Г. М.)* святой заповеди» (2 Пет. 2,21).

* * *

Возвращаюсь к началу данной главы, испытывая некоторое душевное раздвоение, состояние типа: «с одной стороны – с другой стороны».

С одной стороны, как и большинство соотечественников, я с глубоким удовлетворением воспринимаю информацию о восстановлении и открытии новых храмов, о росте числа верующих (то есть принявших крещение). Это, казалось бы, должно вселять некоторую надежду на заметное повышение нравственного уровня большинства людей.

С другой стороны, на основании реалий сегодняшнего дня логично предположить, что с возрастанием общего числа верующих, в нем все более будет превалировать доля христиан, имеющих непривлекательное религиозно-нравственное лицо. Это допущение ослабляет надежду на улучшение морального климата общества под влиянием Церкви. В общем, с одной стороны – рост количества верующих, а с другой – снижение «качества» их веры.

Однако речь идет сейчас не о Церкви (хотя она стала слишком уж терпимой и непритязательной в отношении поведения прихожан), а о людях в Церкви. В сущности, все долгие рассуждения о них сводятся к двум вполне очевидным истинам.

Во-первых, отсутствие должной веры у верующего, подмена ее обрядоверием, суеверием и лицемерной набожностью неизменно ведет к негативным последствиям для *него самого.* Он никогда не познает истины, и поэтому обречен

быть вечным рабом личной самости (Ин. 8, 31-32). «Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою», – утверждает Христос в Нагорной проповеди (Мф. 6, 2,5). «Они» – это носители показной религиозности, а «награда» – наказание, им предназначенное.

Во-вторых, верующий с потребительски окрашенной любовью к Богу вредоносен не только в отношении себя, но, и это главное, в отношении *других*. Об опасности, исходящей от беззастенчивых просителей у Бога земных благ, предупреждает апостол Павел: «Такие люди служат не Господу нашему Иисусу Христу, а своему чреву, и ласкательством и красноречием обольщают сердца простодушных» (Рим. 16,18). Естественно, «их конец – погибель… и слава их в сраме: они мыслят о земном» (Флп. 3,19). И наконец, вспомним о том, что эти «верующие» не только не приумножают, но расхищают достояние, им не принадлежащее: энергию эгрегора-покровителя, создаваемую и пополняемую верой, надеждой и любовью христиан (без кавычек), устремлённых к объединяющему их образу. «Заметим, однако, что так как образы черпают свою силу в воле и воображении людей, то они зависят от веры в них» [2], с. 62.

Итак, вера с прагматическим уклоном не может в *принципе* противостоять человеческой самости, ибо работает на последнюю. Но зато лицемерно «облагораживать» ее – может вполне. От такой «веры», как видим, страдают в конечном счете и ее носитель, и Церковь в целом.

Страдают ли от нее Высшие Духовные Силы? Да, страдают, и убеждает нас в этом история земной жизни Христа. Разве не ради тридцати сребреников был предан на мучения Христос «верующим» в Него учеником? Разве не страдал Христос в плаче над судьбой Иерусалима, жаждавшего Царя-благодетеля, подателя земных, а не духовных благ (Лк. 19, 41-44)? Разве не горьки были для Христа упреки его учеников в том, что пребывание с Ним не только не прибавило им материального богатства, но и лишило их даже имеющихся материальных благ? «Вот, мы оставили все и последовали за Тобою», – укоряет Христа апостол Петр (Мк. 10,28).

Даже атеист В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» отмечает, что прагматик «выводит… бога в целях практических, только для практики, без всякой метафизики» (Ленин В. И., ПСС, т. 18, с. 363). А если так, если человек жаждет лишь покровительства свыше своим меркантильным, эгоистическим начинаниям, то ему совершенно безразлично – в кого или во что верить: лишь бы была практическая отдача от такой «верности». («Гибкий» подход к вере применяли ветхозаветные евреи. Они обращали ее к языческим богам, отворачиваясь от Своего Господа Бога всякий раз, когда их материально-биологические требования Он удовлетворял не в полной мере.) Насколько же примитивна вера без веры!

Известный церковный просветитель, православный священник Александр Ельчанинов вопрошает и сам же отвеча-

ет на свой вопрос: «Для чего нужна вера? – ни для чего. Если бы я сказал, что она нужна, чтобы быть хорошим человеком, чтобы помогать людям, чтобы познавать Бога, чтобы спасти свою душу – все это означало бы корыстное и эгоистическое отношение к вере. Мы верим не *для* чего-то, а *потому что* – мы любим Бога, потому что Бог есть для нас (в своем явлении на земле в качестве Богочеловека – Христа) – совокупность всего самого светлого, чистого, бесконечно прекрасного, короче – всего самого желанного» [23], с. 152-153.

Вера большинства современных христиан не может быть глубокой в *принципе*, поскольку слишком тонок, мелок их духовный план – вместилище веры. Его глубины едва хватает на размещение в нем обрядоверия, которое есть лишь поверхностный слой веры, ее внешняя броская оболочка. Но если она не лежит на прочном каркасе веры, если внутри духовная пустота, то перед нами всего-навсего мыльный пузырь, переливающийся всеми цветами радуги. Его эфемерная ценность и состоит в этой беззащитной привлекательной пестроте.

Наконец, такая вера откровенно скучна и самому верующему, поскольку носит тот же прагматический, коммерциолизированный характер, что и отношение этого человека к людям и жизни в целом. Так, крайне редко бывая в церкви (текучка, знаете ли, заедает!), он ставит Богу, видимо, в качестве компенсации некоего «морального ущерба», непременно самую дорогую свечу. «Видишь, как я люблю Тебя!» – на-

писано на его самодовольной физиономии. Выстояв у иконы *аж* целых три минуты, он покидает храм. И подходя, но все же не так, «чтобы милостыня твоя была втайне» (Мф. 6,4), он опускает в ящик для пожертвований энную сумму. Всё! С Богом он рассчитался, от Церкви откупился и даже внес некий аванс, совесть очистил, и уже вполне довольный собой, он будет надеяться на божественное прощение грехов, не только скопившихся в душе его с момента последнего посещения храма, но и грехов предстоящих. По меркам его купеческой нравственности, Бог теперь просто не имеет права поступить иначе!

Как видим, мирская суетность не отпускает от себя этого человека даже в храме. Такой «заземленный» христианин, являясь носителем и распространителем столь серьезного «инфекционного заболевания», как *воспаление нравственности*, представляет серьезную опасность для духовной атмосферы Церкви: дурные примеры, хоть и порицаемы, но все же заразительны.

Естественно, что и ортодоксальные обрядоверцы, и бесцеремонные просители земных благ, пренебрегающие всеми обрядами, порознь, в «чистом виде» встречаются сравнительно редко. Гораздо чаще мы имеем дело с неким гибридом, в котором «гармонично» уживаются обе крайности. Это и неудивительно, поскольку обрядоверие и прагматизм происходят от единого корня – *маловерия*. Христианин, не в меру пекущийся о своих благах (не духовных, конечно!) и

христианин, надеющийся на спасение за счет внешней религиозности, одинаково далеки от веры «от всего сердца», оба находятся на ее периферии, только как бы на разных сторонах.

Один из них *мало верит* в то, что Бог знает, «в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. 6,8), и систематически напоминает Ему о своих нуждах. Он забывает, точнее, не знает о том, что Дух Божий, невидимо пребывающий в Церкви, не решает материальных проблем, а изменяет *отношение к ним* в душе верующего, возвышая роль проблем духовно-нравственных.

Другой же, вопреки заповеди (Мф. 6, 4-6), *мало верит* в то, что все, творимое человеком втайне (молитва, милостыня, пожертвования, почитание Святыни и т. д.), будет увиденным и, следовательно, оцененным Богом. Поэтому он и переводит (на всякий случай!) все невидимое в явно видимое не только Богом, но и людьми – свидетелями его «боголюбия».

Целенаправленность и того, и другого вариантов «веры» вполне очевидна: в первом – «дай мне лучшее», во втором – «спаси и сохрани меня от худшего». В обоих случаях – прошение о земных сокровищах и благах, в обоих случаях – недоверие человека к Богу, неуверенность в Нем. «Недоверие есть форма маловерия и вообще неверия. Нет доверия к Богу, а отсюда и вечная тревога – что будет завтра со мной, потом и т. д. Какие же это верующие?» [18], с. 27.

Приведенный выше фрагмент пасхальной проповеди протоиерея А. Меня естественным образом подводит нас к ответу на поставленный вопрос. К сожалению, неутешительному, «ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6,21). Сокровища же, вопреки заповеди, сегодня собирают на земле. К сожалению, конечно.

Завершая тему, хочу обратиться к Евангелию от Матфея: «Маловерный, зачем ты усомнился?» – упрекает Христос засомневавшегося в спасительной силе Его слова, а потому и едва не погибшего, апостола Петра (Мф. 14, 28-31).

Эта евангельская история убеждает нас как в том, что «по вере вашей да будет вам», так и в том, что *по маловерию вашему – тоже.*

«Вера от слышания, а слышание от слова Божия»

Многие слова Христа для нас до сих пор непостижимы – потому что мы еще неандертальцы духа и нравственности.
А. Мень

Врачи убеждают нас, и это вполне справедливо, что профилактика любого заболевания всегда эффективнее и доступнее, нежели его лечение, исход которого, кстати, не всегда предсказуем. Но в любом из вариантов человек неизбежно сталкивается с двумя проблемами. Во-первых, существует ли средство для профилактики или лечения недуга? Во-вторых, доступно ли (в широком смысле) оно больному?

Это в отношении болезней телесных. Но и применительно к болезням духовным проблемы остаются теми же: поиск источника исцеления и путь к нему.

* * *

В вынесенном в заголовок фрагменте Послания к Римлянам (Рим. 10,17) апостол Павел утверждает, что источником веры является *слово Божие*, а обретает ее человек, *вслушиваясь* в него. (Сам апостол неоднократно доказывал, причем в сложнейших условиях, истинность этого тезиса; например,

Деян. 26, 28-29.) Иных источников веры не было и нет от начала Церкви. Но если члены первых христианских общин именно слышали, то есть воспринимали на слух, слово Божие, «пребывая в учении Апостолов» (Деян. 2,42), а последние слышали его непосредственно из уст Учителя, то в наше время понятие «слышание» обретает несколько иное содержание.

Апостолы-евангелисты увековечили изречения и деяния Христа в четырех Евангелиях, образовавших ядро Нового Завета, который совместно с Ветхим Заветом составил Библию. Таким образом, непосредственное слышание заменяется сейчас непосредственным прочтением и опосредованным внутренним слышанием слова Божия. «Если мы будем углубляться в него (слово Божие. – *Г. М.*), то оттуда, со стороны Писания, со страниц Книги зазвучит живой голос Живого Христа» [18], с. 36. Так утверждает А. Мень – человек, без сомнения, слышавший этот голос. Сегодня – вера от слышания, а слышание от чтения, а чтение от слова Божия, увековеченного в Библии.

Достоинство слышания библейского Слова заключается в его длительном послезвучании в душе и памяти читающего, в возможности слышать его неоднократно, размышлять над ним, вдумываться в него. Иными словами, – «исследовать Писания…» в соответствии с заповедью (Ин. 5,39). Путь к обретению истинной веры неминуемо ведет к Библии, ибо сама Библия и есть источник истинной веры. Поэтому в от-

ношении к маловерию, о чем речь шла в предыдущей главе, слово Божие предстает и как профилактическая, и как целительная мера одновременно. В роли первой – до крещения, в роли второй – после крещения, принятого человеком не по вере, а в силу обстоятельств. Библия свидетельствует не только об истине, но и о пути к ней. Иного не дано, «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14,6), – провозглашает Иисус ученикам Своим во время тайной вечери.

Попытки обрести веру, минуя Библию, безрезультатны. Они приводят к обретению только суррогата веры, о чем уже говорилось. Знание Библии не может подменяться знаниями *о Библии* или как-то связанными с Библией. Последние могут лишь дополнять личное знание библейского материала, соединяться или существовать в памяти параллельно с ним, обогащая, но не замещая его. Знания, почерпнутые не из самой Библии непосредственно, независимо от их источника и содержания, вторичны по отношению к ней. Сперва – Священное Писание, а затем уж все то, что так или иначе с ним связано, ибо «все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим. 3,16). Именно – все, хотя осилить всю Библию, даже просто прочитать, не уходя в ее глубины с поверхностного, сюжетного уровня – задача не из легких. Тем более сложно «исследовать Писание».

Существуют разные рекомендации относительно того, как приступить к Библии. Я приведу одну из них, которая, на

мой взгляд, наиболее приемлема для будущего христианина. Размещается она в сборнике пасхальных проповедей А. Меня [18] как послесловие составителя: «Читайте Библию! Если трудно осилить всю Библию – читайте хотя бы Евангелие, хоть одно из четырех. (Начать можно с Луки или Иоанна.) И по мере чтения вам начнет становиться все ясней и ясней, что в Библии, оказывается, есть ответы на самые главные вопросы». Подразумевается, конечно, что *заинтересованный* читатель станет продвигаться вширь и вглубь Библии. И непросто читать, но и вчитываться в нее, осмысливать ее, трудиться над ней. В результате длительных размышлений над услышанным *таким образом* словом Божиим, человек приближается к тому, чтобы уверовать в него. Еще один плодотворный шаг – и человек обретет веру в Сына Бога Живого и Его учение. Веру искреннюю, прочную, основанную на любви к Нему всем сердцем, душою и разумением своим, а не на страхе животном перед горестями и бедами, не в унылой надежде на защиту от них.

Сегодня мы встречаемся, по существу, с одним-единственным доводом, якобы оправдывающим посещение храма, да и тот, к сожалению, носит сугубо рациональный характер. Он считается в народе настолько само собой разумеющимся, что *иные* мотивы просто вызывают недоумение тем, что они вообще могут быть! Так, в литературно-художественном журнале «Вологодский ЛАД» (№ 1-2009) в публикации «И смех, и грех» настоятель одного из вологодских

храмов с сожалением констатирует: «Когда кто-то идет в церковь, чаще всего видишь испуганные взгляды и слышишь вопросы: "А что случилось? Что-то со здоровьем? Умер кто-то? Проблемы в семье?"… Отсюда – вывод: в храм нужно идти только тогда, когда тебе плохо. Если все хорошо, то и храм не нужен, да и Бог-то незачем…». А если плохо?

В этом случае всплывает «факт религии, даже эмпирически коренящийся в природе человека» [23], с. 173, и человек видит выход в принятии крещения. Однако крещение само по себе не приближает к вере. Человек, не раскрывавший Евангелие (не успел или не счел нужным), а значит, и не слышавший *до* крещения слова Божьего, приняв крещение, верующим не становится. Ибо «как веровать в Того, о Ком не слышали? Как слышать без проповедника?» (Рим. 10, 44). Но ведь лучшим проповедником слова Божьего является само Священное Писание, вмещающее в себя это слово.

Имеющий поверхностные, слабые представления о предмете своей веры, ее сущности, наскоро и формально подготовленный к крещению, новый член Церкви представляет для нее лишь условную, номинальную ценность. Фактически же он немощен внутренне и уязвим извне. Может ли он, например, следовать заповеди одного из столпов Церкви – апостола Петра: «Будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет. 3,15)? Иными словами, может ли он аргументированно защитить свою веру, а тем самым и свою

Церковь? Нет конечно, ведь он, будучи совершенно жалким и безоружным «в уповании», и себя-то как христианин защитить не может! Наконец, его вопиющая безграмотность просто несовместима с любовью к Учителю, ибо «кто любит Меня, тот соблюдает слово Мое» (Ин. 14,23), а он и слова-то Его не знает! О каком *разумении* Бога как одной из ипостасей любви к Нему человека можно вести речь, если человек сей даже не ведает о «первой из всех заповедей», поскольку она находится в неведомой ему Библии?!

Прав был А. Мень, утверждая, что христианство – не новая этика, а новая жизнь. Но, простите, о какой новой жизни можно говорить, если ее принципы, раскрываемые в заповедях Христа, известны человеку, мнящему себя христианином, в самых общих чертах, с чьих-то слов, пусть даже и авторитетных, или неизвестны ему вообще?

«И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8,32). Эти слова Христа о роли истины, как и сама истина, к сожалению, известны не каждому человеку. Но, не зная их, не вчитываясь в них, не размышляя над ними, невозможно стать свободным. От чего? Да прежде всего от позывов зоологического начала, от пребывания в рабстве у своей самости, от самого себя, наконец. Можно ли, например, вырваться из плена себялюбия и животной алчности, не вникнув в дух и букву новозаветной заповеди: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13)? Ответ, по-моему, очевиден.

* * *

В общем, распинать христианина, не знающего, к стыду своему, ничего о Христе и Его учении, уличать его в неполноте (мягко говоря!) знания слова Божьего можно до бесконечности. Надеяться на то, что эти обличения что-нибудь изменят в дремучем мировоззрении большинства *таких* верующих, вряд ли стоит. Слишком уж они уверены в том, что христианину вполне достаточно носить крестик и ставить изредка свечку в храме, а читать Библию… Надо ли?

Надо, и не просто надо, а крайне необходимо! Ведь Библию осваивают не для обогащения своей эрудиции, которой можно блеснуть при случае, не для накопления знаний – аргументов, необходимых в спорах и дискуссиях на библейские темы – и даже не для того, чтобы вас не упрекнули в элементарной религиозной безграмотности. Нет! Знание Библии необходимо, прежде всего, для обретения морального права *быть* христианином, а не *считаться* им.

Дело в том, что люди, принимающие крещение, оценивают его по-разному. Одни считают крещение традиционной формальностью, символизирующей некую защиту свыше. Другие же воспринимают его глубинно, как христианское таинство. И хотя, следуя обряду крещения, Символ веры читают, то есть *произносят* вслух «Верую во…», обе категории крещаемых, правдивы же только вторые. Потому что приблизиться к таинству крещения, осознать его как «духовное рождение, в котором силою облечения во Христа умира-

ет природный человек» [22], с. 247, без веры так же невозможно, как невозможно приблизиться к самой вере, не общаясь с Библией. Как видим, акт церковного крещения открывает доступ в церковное сообщество и христианам, и обрядоверцам, мнящим себя христианами, то есть тем, кого в народе метко прозвали «подсвечниками» и «крестоносцами». Если же и *после* крещения, принятого в обход Священного Писания, человек продолжает упорно обходить его своим вниманием, то он отсекает себе тем самым путь к вере и истине, к уяснению того – в Кого и во Что он верует, *по каким* нравственным канонам ему следует жить дальше. Иными словами, скатывается в формальное обрядоверие. Так надо ли читать Библию? Пусть каждый решает сам.

Но если библейские богодухновенные истины есть единственный источник духовного исцеления и совершенства («…будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» – Мф. 5,48), то путей к нему по меньшей мере больше одного. Я имею в виду не только знакомство с Библией при подготовке к принятию крещения и после него. Речь идет о более широком и глубоком, а главное, постоянном изучении и проникновении в нее *вне зависимости* от принадлежности к церковному сообществу. Например, среди моих знакомых немало тех, которые достаточно хорошо владеют знаниями Священного Писания, «исследуют» его, стараются следовать заповедям Христа, но таинства крещения тем не менее по ряду причин не принимают и по сей день. Зато те из них,

кто принял его, сделали это осознанно, по вере, обретенной от проникновения в Слово Божие, а не под гнетом обстоятельств и не на всякий случай.

За годы тесного общения с Библией и с теми, кто пытался общаться с ней, я сумел открыть для себя лишь одно: не человек избирает Библию, а *Библия избирает человека*; не читатель приходит к этой «Книге книг», а она находит его; не он открывает ее, а она открывается ему. И хотя первый, видимый шаг к Библии всегда делает человек, Библия далеко не всегда и не каждому протягивает руку. Она, словно живой организм, чувствует отношение к себе, любит любящих ее.

Времена, когда *видимая* встреча человека со Священным Писанием была неизбежной, давно отошли. До Октябрьской революции «закон Божий, включавший в себя изучение Библии, считался главным школьным предметом. Религиозно-церковным влиянием была пронизана вся личная жизнь жителей городов и деревень, их повседневный быт» [21], с. 19-20 и в первую очередь –семья. В таких условиях непосредственная встреча человека с Библией была закономерной, она просто не могла не состояться. Сегодня же условия, обеспечивающие прямые и тотальные встречи человека с Библией, практически отсутствуют. А если последние и возникают, то чаще всего спонтанно.

* * *

Известный русский философ и богослов протоиерей Сергий Булгаков пишет: «Должна быть личная встреча со Сло-

вом Божиим и личное его разумение (непосредственное и посредственное, – последнее в том случае, если истины и Слова Божии воспринимаются не прямо из Библии, но из богослужебных текстов, изображений, проповеди и т. п.)» [22], с. 52-53. Непосредственные встречи человека со Словом Божьим, как уже говорилось, относительно редки и, забегая вперед, скажем прямо, – малоэффективны. Об этом разговор ниже.

Что же касается встреч «посредственных», то их вероятность гораздо выше, поскольку существующие ныне формы таких встреч, естественно, намного шире и разнообразнее названных С. Булгаковым. Для реализации их сегодня есть все условия, и не только в Москве или Санкт-Петербурге. В Вологде, например, давно открыта для экскурсионного обозрения уникальная экспозиция древнерусских икон, которая систематически пополняется; в городе и области много старинных храмов и монастырей, посещение которых, при соблюдении определенных этических норм, разрешено всем желающим. В интерьере Софийского собора можно «прочитать» Евангелие во фресках семнадцатого века, а в Ферапонтовом монастыре экскурсантов ждет встреча с шедевром религиозного искусства – фресками самого Дионисия! «Посредственные» встречи со Словом Божьим могут произойти на концертах духовной музыки и в краеведческом музее, в картинной галерее и в городском лектории, в библиотеках и книжных магазинах. Это – набросок из Вологды. Но могу

предположить, и отчасти знаю, что и в других регионах есть все условия, необходимые для «посредственных» встреч человека с непосредственным источником Слова Божьего.

Кое-что в этом направлении делает и телевидение. Правда, это капля в море убойно-эротических сериалов и бездарной рекламы. Однако, справедливости ради, следует отметить, что интереснейший «Библейский сюжет» (канал «Культура») и бесценное «Слово Пастыря» – проповеди патриарха Кирилла, выходят в эфир регулярно. Я коснулся лишь немногих реальностей, могущих побудить человека взять в руки Библию. В действительности же они безграничны, если учесть уникальные возможности интернета. (Правда, возможности последнего столь же уникальны и безграничны в другом: в пропаганде низкопробных ценностей и чувственных наслаждений.)

Однако как ни надоела эта «маленькая правда», но тем не менее без *желания* самого человека ни одна из названных реальностей не даст реальных результатов. Но поскольку «мы ленивы и нелюбопытны» (А. Пушкин), постольку у нас нет интереса ко *всему этому* и, следовательно, желания к *чему-то из этого* приобщиться. И даже если усилием воли мы сделаем первый целенаправленный шаг, то означает ли это, что мы способны и на второй? К сожалению, в подавляющем большинстве случаев – нет! Первый шаг, если он к тому же не совсем удачен, часто становится последним. Не думаю, например, что все члены экскурсии в ту же вологод-

скую Софию, увидев впервые настенные фрески с евангельскими сюжетами, последуют рекомендации гида обратиться к первоисточнику этих сюжетов – Новому Завету, в частности, к Евангелиям от Матфея и Луки. Но думаю, что среди произвольно собравшихся экскурсантов найдутся такие, пусть даже и в единственном числе, кто окажется не ленивым и любопытным. Что ж, ведь «много званных, а мало избранных» (Мф. 20,16).

Очень может быть, что этот «избранный» пойдет дальше. Встретившись со Священным Писанием, он станет с интересом «исследовать» его вширь и вглубь. И тогда со страниц Библии, как уже говорилось, *зазвучит* для него во всей полноте Слово Божие, слышание которого и порождает веру. Предполагаю, что так или примерно так должна происходить «личная встреча со Словом Божиим и личное его разумение» человеком, избранным самой Библией. Что лежит в основе этой *избирательности* – трудно сказать, но внешние признаки *избранности* существуют в самых разнообразных формах.

Если, к примеру, посетитель экспозиции старинных икон «осваивает» их за пятнадцать-двадцать минут, то у него вряд ли когда-нибудь сложится «своя личная жизнь с Библией». Но если человек столько же времени стоит у одной иконы или, отойдя, возвращается к ней вновь, то можно предположить, что духовная связь его со Священным Образом состоялась. А если так, то вполне вероятно, что притягатель-

ная сила Образа поведет дальше, вглубь, к библейским истокам. От Священного Образа к Священному Писанию – таким вполне может быть следующий шаг этого человека на пути духовного восхождения.

Выявить людей, опосредованно влекомых Библией, позволяет и реакция слушателей на проповеди, к примеру, те, с которыми обращается к нам с телеэкрана патриарх Кирилл. Одни, и таких людей большинство, воспримут слова патриарха «автоматически» как непререкаемое нравоучение, и не более того; другие – пойдут дальше: движимые любознательностью, они попытаются установить смысловую и сюжетную связь темы проповеди со Священным Писанием, открыть для себя нечто большее *непосредственно* из библейского текста. Так что, даже сильная проповедь инициирует желание сблизиться с Библией в душе далеко не каждого слушателя. В работе «Быть христианином» А. Мень замечает: «И верить во Христа надо не потому, что кто-то сказал, а потому, что это сказанное призывает тебя самого: узнать» [17], с. 6.

Любая из «посредственных» встреч со Словом Божьим есть непосредственная встреча с неким предваряющим событием, посвященным Слову Божьему. Такие встречи могут быть очень яркими, способными пробудить острые душевные переживания, например концерты духовной музыки, даже в записи. Они особенно полезны тем людям, которые, по определению Екклесиаста, погрязли в суете и истомились духом (Еккл. 1,14). И если уж «душа обязана трудить-

ся и день и ночь, и день и ночь» (Н. Заболоцкий), то, к примеру, «Всенощное бдение» С. Рахманинова или «Аве Мария» (Ф. Шуберт, Ш. Гуно и др.) создают наилучшие условия для душевного труда. Однако сильное эмоциональное возбуждение, вызванное музыкой, чаще всего угасает вслед за причиной, его вызвавшей, а вместе с ним притупляется и желание углубиться в Евангелие, на сюжеты которого отзвучали так взволновавшие вас произведения.

Не менее эффективным, но более продолжительным является зрительное воздействие на мысли и чувства человека, например просмотр потрясающего фильма «Иисус», поставленного к двухтысячелетию Рождества Христова (сценарий фильма основан на Евангелии от Луки). Однако не в меньшей степени сильное впечатление и устойчивое последействие оставляют экспозиции музеев и картинных галерей, тематические альбомы и репродукции. Полагаю, что, к примеру, полотна А. А. Иванова «Явление Христа народу» (Третьяковская галерея) и «Явление Христа Марии Магдалине» (Русский музей) могут вызвать у неленивых и любопытных вопросы, ответы на которые должно искать в Евангелиях.

В общем, возможностей для «посредственных» встреч со Священным Писанием предостаточно, но недостает главного – *потребности* в них, в пище духовной вообще. Ведь орган, реагирующий на духовный голод, находясь *вне* физического тела человека, не создает привычных терзаний, как пу-

стой желудок. (Предполагаю, что если сегодня, не приведи Бог, закроются театры и библиотеки, краеведческий музей и картинная галерея, то, как минимум, добрая треть населения города этого просто не заметит. Возможно, я ошибаюсь, но не очень, уверяю вас). Может быть, нам все же стоит попытаться смыть с себя хотя бы «половину» позорного, но, к сожалению, заслуженного клейма, поставленного на нас Пушкиным? Может быть, для начала нам следует попытаться хотя бы не быть ленивыми, «специфически» ленивыми?

Применительно к нашей теме и темам, родственным ей, это означает – подавлять в себе душевную, а подчас и физическую лень во имя духовных целей. Конечно, благо, если рядом есть человек, способный убедить вас переступить через себя, воспользоваться через ваше «не хочу» теми возможностями, о которых речь шла выше. Например, посетить ту же выставку произведений древнерусского искусства или концерт духовной музыки. Ну а если такого человека нет? Что ж, убеждайте и принуждайте себя сами. Попробуйте сделать это хотя бы раз. Возможно, что в награду за победу над собой вы получите духовное удовлетворение – чувство, возможно, не ведомое вам ранее. Более того, только перестав быть ленивым, вы можете стать любопытным. И тогда нелестное пушкинское обобщение на вас распространяться не будет.

Естественно, остается некоторая вероятность того, что первая «посредственная» (по С. Булгакову) встреча с Биб-

лией может ничего не пробудить в душе, адаптированной к иным, не столь утонченным воздействиям. Но ведь и возможности для «второго шага» еще не исчерпаны, все может измениться к лучшему в результате последующих встреч. Ну а если этого не произойдет и в дальнейшем? Что ж… Я уже говорил, что не мы выбираем Библию, а она выбирает или не выбирает нас. Но при любом исходе время, проведенное в общении с духовными ценностями, потерянным считать нельзя. Скорее, наоборот, это время скрытых, неосознанных приобретений, которые могут явить себя и стать востребованными значительно позже.

Однако искренний интерес к библейской тематике, раскрытой в любой форме, желание узнать больше узнанного чаще приводят к тому, что Библия протягивает руку ищущему ее. Соединение духовного плана человеческой триады со Священным Писанием понятие не абстрактное, не условное. Это состояние, в котором человек начинает испытывать почти физическую потребность в постоянном общении с Библией, в *слышании* голоса Христа. Это начало единственного пути безграничного совершенствования в вере, ибо неисчерпаема глубина Слова Божьего, открывающаяся человеку, жаждущему истины, на страницах Священного Писания.

* * *

Что же касается *непосредственной* встречи с Библией, то, несмотря на широкую доступность последней (как книжного издания), вероятность встречи с ней (как Книгой книг) в на-

ше время все же очень невысока. Формально эта встреча состояться, конечно, может. Купить Библию, и даже получить ее в подарок, сегодня возможно вполне. Но приобрести эту Книгу, и даже раскрыть ее, еще не означает *встретиться с Библией*, открыть ее для себя.

В недавнем прошлом был непродолжительный период, когда Библия считалась дефицитной, а потому и престижной книгой. Это была вполне объяснимая мода на Библию как на вчера еще запретный плод, мода в духе времени возрождающейся Церкви. Уточним: мода на *книгу* «Библия». Казалось бы, нечто подобное мы уже проходили в былые времена, когда с трудом приобретали в дань моде многотомные подписные издания не для чтения этого дефицита, а лишь для украшения интерьеров квартир и поддержания «престижа» хозяев.

Однако на сей раз все было несколько иначе. Любопытство к выведенной из подполья Библии, нетерпеливое желание раскрыть ее было неподдельным, в чем я убедился лично. У меня в то время была счастливая возможность обеспечить своих сотрудников, жаждущих библейских знаний, хорошими настольными экземплярами Библии, что я и сделал. Все дружно начали читать ее, естественно, как обычную книгу, от начала. И что же? Вскоре интерес к Библии стал угасать. Одни увидели в ней наивную сказочку; другим она показалась слишком занудной и заумной; третьих, уже продвинувшихся дальше Бытия, оттолкнули ее «кровавые страни-

цы» и жестокость Самого Господа Бога. В общем, никто ничего не понял изначально, поэтому желание читать Библию дальше, и уж тем более вчитываться в нее, у большинства сотрудников со временем исчезло.

А вскоре Библия, выходя в свет массовыми тиражами, стала широко доступной как типографское издание, оставаясь недоступной для большинства читателей как Священное Писание. Становясь все менее востребованной к чтению, она тихо оседала в домашних библиотеках. Далеко не многие люди удостоили ее чести стать настольной или обсуждаемой книгой. Да я и сам не раз ловил себя тогда на мысли, что нет лучшего способа оттолкнуть неискушенного человека от Библии, как обязать его прочитать без толковых сопутствующих комментариев только ее начало – не далее Пятикнижия Моисея. Честно говоря, я несколько раз пытался расстаться с Библией. Физиологическая нравственность ветхозаветных персонажей и методы ее насаждения свыше в ряды «избранного народа» вызывали не только неприязнь, но и недоумение: неужели христианство может принимать *такое* Писание как Священное? Но каждый раз что-то препятствовало этим попыткам, внутренний голос повелевал: «Читай дальше, все поймешь и расставишь потом!». И это «потом» началось сразу же, что я и осознаю только сейчас, но тогда…

Тогда я многое приписывал случайностям, не подозревая даже, что они суть скрытая закономерность. Так «чисто случайно» я познакомился с Церковью христиан-адвентистов,

с которою не расставался более трех лет. И только потому, что детальное, буквально по главам и стихам, исследование Библии является в этой Церкви важнейшей частью богослужения. Оставаясь вольным слушателем (без намеков пастора стать членом Церкви, что подчеркиваю особо), я за эти годы добровольно изучил большую часть книг Ветхого и Нового заветов. Но главное, обрел интерес к Библии, а значит _ устойчивое желание и способность самостоятельно изучать ее, расширять, углублять и осмысливать получаемые знания. В результате «случайно» родилась идея божественного эксперимента, оформившаяся в книгу «Троичность вокруг нас». Интересно, что разрешение приступить к работе над книгой непосредственно, я получил также в «случайном» ночном откровении. Я мог бы привести и другие примеры проявления «случайности». Но что уж было определенно *не* случайным, так это зарождение и укрепление веры в Божественную Троицу, спасительную миссию Христа и покровительство Богородицы _ «теплой заступницы мира холодного» (М. Лермонтов).

Я уже высказывал мысль о том, что не человек открывает Библию, а Библия открывается человеку, однако далеко не каждому. Она умеет надежно экранировать себя от поверхностного знакомства в духе времени, от спекуляции истинами, провозглашенными ею, от подхода к ней как к обычной книге. Библия знает себе цену, ибо она – Книга книг! Прямолинейно, традиционным методом читать ее можно только

глазами. Душою и разумением своим охватить Ветхий Завет, оставаясь с ним один на один, практически невозможно. Сегодня для изучения Библии существуют вполне доступные методики и рекомендации. В помощь тем, кто самостоятельно приступает к чтению Библии, настоятельно советую предварительно обратиться к книге А. Меня, которая так и называется: «Как читать Библию. Руководство к чтению книг Ветхого Завета» [25]. Полезные рекомендации по изучению Евангелия содержит книга А. Ельчанинова «Записи» [23].

Не навязывая конкретного варианта, замечу все же, что в принципе мой личный опыт изучения Библии в протестантской Церкви (что, повторяю, ни к чему вас не обязывает), может при желании повторить каждый не ленивый и любопытный. Кстати, там Писание исследуется в основном с духовно-нравственной точки зрения, то есть раскрывается главный его аспект; другие же аспекты, к примеру, исторический, рассматриваются лишь попутно. При желании углубиться в них, делайте это самостоятельно с помощью литературы, сопутствующей теме, и собеседований.

* * *

Большинство наставлений по индивидуальному изучению Библии вполне аргументированно рекомендует начинать его с Евангелия, а затем уж обращаться к Ветхому завету. Почему? Разве не по словам Самого Христа, Писания (ветхозаветные) «свидетельствуют о Мне» (Ин. 5,39)? Да, все написанное в книгах и Ветхого, и Нового Заветов имеет отно-

шение к спасению мира через Сына Божьего Иисуса Христа. Но человеку, рожденному и живущему в традиционно христианской среде обитания, нравственных принципов которой еще хоть как-то придерживаются ее обитатели, осваивать Библию легче с Нового Завета, сугубо христианской ее составляющей.

«Евангелие, по существу, доступно каждому… Ветхий Завет по времени отстоит дальше и понимается труднее» [25], с. 6. Тем не менее, при не формальном, а осознанном чтении Евангелий экскурсы любознательного читателя в Ветхий Завет неизбежны. Они значительно облегчают дальнейшее систематическое изучение Библии в целом, делают ее более понимаемой. Отправными моментами таких переключений являются прежде всего многочисленные обращения к Ветхому Завету самого Христа. В одних случаях Он непосредственно цитирует ветхозаветный фрагмент. К примеру, на вопрос законника о наибольшей заповеди (Мф. 22, 35-37) Иисус отвечает, цитируя фрагмент из Второзакония (6,5). В других – Он лишь подразумевает соответствующий теме фрагмент Писания. Так, в Евангелии от Марка (9,12) Христос, говоря ученикам: «Сыну Человеческому, как написано о Нем, надлежит много пострадать и быть уничижену», имеет ввиду Книгу пророка Исайи (53,3 и далее). Часто прибегают к прямым или косвенным ссылкам на Ветхий Завет и апостолы. К примеру, в обращении апостола Павла к жителям Иерусалима в день Пятидесятницы

(Деян. 2,16) звучит прямая ссылка на «предреченное пророком Иоилем» (Иоил. 2, 28-32). Эти своеобразные узлы связи обоих Заветов, пункты их пересечения легко отыскиваются в Библии с помощью так называемых параллельных мест.

Экскурсы в Ветхий Завет не исключены и при «посредственных» встречах человека с Библией, поскольку соединительным звеном в них вполне может быть произведение искусства с ветхозаветным сюжетом, к примеру: иконы «Троица ветхозаветная», «Илья Пророк в пустыне» и другие; картины В. Сурикова («Пир Балтасара»), И. Репина («Иов и его друзья»), И. Крамского («Молитва Моисея»), Н. Ге («Саул у Аэндорской волшебницы»), К. Брюллова («Явление Аврааму трёх ангелов») и других русских и зарубежных художников. Я уже не говорю о «Библейском альбоме» Г. Доре, представляющем в двух сотнях с лишним гравюр сюжеты обоих заветов; благо, что там каждая гравюра сопровождается соответствующим текстом из Библии. Таким образом, методики, предлагающие сперва изучать доступные Евангелия, а уж затем *трудный* Ветхий Завет, вовсе не исключают совместимости их чтения.

Как известно, непонятное и непонятое, несмотря на схожесть звучания, далеко не одно и то же. Так, Ветхий Завет, кажущийся непонятным, на самом деле является непонятым из-за нашего *непосредственного* восприятия его, слишком близкого подхода к нему. Большое видится на расстоянии, а мы в данном случае «из-за деревьев леса не видим».

Охватить Ветхий Завет можно лишь с высоты Нового Завета. Только на *этом* уровне можно осознать Ветхий Завет в целом как «Богом составленное введение в Новый Завет» [1], с. 1084. И тогда для нас начнут постепенно проясняться отдаленные контуры божественного эксперимента с человеком. «Как велики дела Твои, Господи! дивно глубоки помышления Твои!» (Пс. 91,6). (Подробнее об эксперименте Бога с человеком – в моей предыдущей работе «Троичность вокруг нас» [26].)

* * *

Сегодня в распоряжении желающих изучать Библию не только методики и рекомендации, но и широкий спектр книг по библейской тематике, комментирующих Священное Писание и разъясняющих его «трудные места». Но первые постсоветские читатели легализованной Библии, еще не имея ничего из этого арсенала, были совершенно беспомощны во взаимоотношениях с ней. Поэтому не вина, а беда их в том, что, не сумев принять Библию ни умом, ни духом, они потеряли к ней всяческий интерес. К сожалению, это положило начало длительному (и по сей день) периоду прогрессирующей библейской безграмотности с Библией под рукой. Люди «с водой выплеснули ребенка»: отложив *трудную* Библию, они тем самым перекрыли себе доступ к вере. Но это отнюдь не повлияло на их доступ к Церкви: они охотно и легко принимали крещение, носили спасительный нательный крестик, исполняли (чаще – избирательно) обряды и даже ино-

гда *ходили в церковь*. И при этом вполне искренне считали себя христианами. Однако исповедание веры без веры, обретя массовый характер, негативно повлияло на нравственность общества в целом. Двойная мораль большинства «верующих» (одна – в храме, другая – за его пределами) сегодня вполне очевидна.

Сейчас есть все возможности для исправления ситуации, восстановления утраченного уважения к Священному Писанию как единственному пути к истинной вере. О пути же сближения с самой Библией уже говорилось. Но это отнюдь не единственный вариант: не менее эффективным является и параллельное, одновременное чтение книг Нового и Ветхого Заветов. Например, Евангелия от Матфея и Книги Исход (для сравнения характера нравственных заповедей Христа и ветхозаветного Господа Бога). Нельзя полностью исключать и последовательного чтения Библии, если *что-то*, как в моем случае, заставляет человека независимо от его реакции идти именно этим путем.

Но как бы то ни было, какой бы вариант ни был избран, главное – не расставаться с Библией *навсегда*, если уж вы однажды раскрыли ее по доброй воле. Можно отложить Библию на время, и даже длительное, если она не воспринимается, ибо это не та книга, которая дается через силу. Можно временно переключиться с Библии на адаптированную и хорошо иллюстрированную литературу, связанную с Библией. Но нельзя предать забвению свою первую *непосредственную*

встречу с Библией, нельзя говорить Библии: «прощай!», ибо первичный интерес, побудивший раскрыть ее, зародился в вас когда-то не по воле слепого случая, как может показаться. Это – дар Божий, искра Духа Святого, из которой *пока что* в душе вашей не возгорелось пламя. Но все впереди: личные открытия на страницах Библии ждут вас при встрече с ней после долгой разлуки.

«Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже *пословицею народов*; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, – и такова ее вечно новая прелесть, что если, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие», – такова пушкинская оценка Священного Писания [45], с. 470.

Конечно, тому, кто захлопнул Книгу лет двадцать назад, так и не сумев ничего в ней ни понять, ни почувствовать, но сумел тем не менее пополнить ряды «христиан», трудно вновь обратиться к Слову Божьему. Ведь за эти годы «верующему» привычными стали (в лучшем случае!) лишь обычные слова священника близлежащего храма. Слова же Священного Писания, слышимые в том же храме на непонят-

ном ему церковно-славянском языке, были не для его ушей, а страницы Библии на русском языке – не для его глаз. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда. Ведь должен же член церковного сообщества стать хоть когда-нибудь христианином без кавычек, внять *живому голосу* Того, в Кого он призван верить!

Не хочу быть понятым превратно. Я вовсе не утверждаю, что знание Библии *неминуемо* приводит человека к вере. Но я утверждаю, исходя из нравственных постулатов Нового Завета, что *без* знания Священного Писания обретение истинной веры *невозможно*, а упование на личное спасение – всего лишь иллюзия, «ибо благодатью вы спасены через веру» (Еф. 2,8).

В подтверждение тому и в заключение темы приведу фрагмент из Послания апостола Павла к Тимофею: «Вникай в себя и в учение, занимайся сим постоянно; ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя (1Тим.4,16).

«И вечный бой! Покой нам только снится…»

Плоть желает противного духу,
а дух – противного плоти:
они друг другу противятся…
Послание апостола Павла к Галатам, гл. 5, ст. 17

Понятно, что цитата из А. Блока, вынесенная в заголовок, – это метафора, что на физическом уровне бытия нескончаемые бои невозможны. Рано или поздно, надолго или нет, на тех или иных условиях наступает долгожданный покой. И только борьба человека с собой, внутренний конфликт его духовного и биологического «Я» – извечны. То затихая, то обостряясь, вражда непримиримых планов триады постоянно держит человека в состоянии душевного дискомфорта. По определению немецкого философа и психолога Эриха Фромма, «человек – единственное существо, для которого собственное существование является проблемой». Снять эту проблему, по мнению автора, можно, выбрав один из двух путей: или регрессировать к животному миру, или признать, наконец, что только человек может придать смысл своей жизни. (Подробнее – в работе Э. Фромма «Человек для самого себя».)

Похоже, что на нынешней стадии божественного эксперимента большинство людей с выбором определились. Точнее, они вообще ничего не выбирали, а, безучастно следуя закону энтропии, нравственно сползли в зону равнодушия, из которой, в силу того же закона, часть их скатилась еще ниже – к уровню скотоподобия.

Казалось бы, победа животного плана, захватившего «ключевые посты» в человеческой триаде, должна, наконец, привести человека к ощущению покоя, и не только во сне. Ведь противник животного начала, этот не от мира сего духовный план, казалось бы, наглухо замурован в самом себе.

Тем не менее покой человеку даже не снится. Почему? Да потому что «вечный бой» теперь идет *внутри* самой победившей самости, между головами этой многоглавой гидры. А междоусобные войны, как известно, жестоки и нескончаемы.

* * *

Если читатель проведет беглый обзор предыдущих глав и придет к обобщающему выводу, что духовное начало в человеке неизмеримо слабее животного, что в большинстве альтернативных ситуаций первое подавляется вторым, то он, безусловно, будет прав. И хотя, по словам А. Меня, главную нашу сущность составляет образ и подобие Создателя, просматривается она, эта сущность, в человеке с большим трудом. Так едва-едва пробивается сквозь закопченное стекло тусклый огонек керосиновой лампы (образ, выплывший из

моего далекого военного детства).

Вряд ли кто сомневается в том, что в сфере нравственного бытия люди в большинстве своем пока что бессильны преодолеть или хотя бы достичь уровня десяти ветхозаветных заповедей. А ведь это всего-навсего примитивный запретительный уровень – «отвращайтесь зла» (Рим. 12,9), поддерживаемый лишь страхом сурового возмездия. Что же тогда говорить о следовании новозаветным заповедям Любви, данным человечеству! *Данным*, но, к сожалению, *не принятым* им и откровенно отбрасываемым за ненадобностью. Да, это – горькая правда. Но гораздо хуже подслащенная полуправда – формальное признание и лицемерные нравоучения. Мне, например, человек, не просто цитирующий нормы христианской морали, а еще и *следующий* им, практически не встречался.

Создается впечатление, что нравственное совершенствование личности никогда не являлось и не является важнейшей миссией человеческого бытия, что человек в этом смысле обречен довольствоваться, точнее – самодовольствоваться, уровнем: «я такой, какой я есть». В этой связи возникает вопрос: а нужны ли нам вообще в качестве нравственных ориентиров заповеди Христа и, в частности, заповедь: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5,48)? Ведь в обиходе-то мы явно не видим людей, творящих над собой усилия в *этом* направлении? Нужны, и даже очень!

Совершенствование, в его универсальном, всепроникающем понимании, является требованием одного из величайших законов мироздания – Закона Перевоплощения. В соответствии с ним, «каждая отдельная жизнь (воплощение. – *Г. М.*) это определенный урок, определенное задание, которое каждому человеку надлежит выполнить. Сумма же опыта, получаемого на физическом плане планеты, синтезируется и «переплавляется» в более полные накопления между воплощениями, когда человек находится в развоплощенном состоянии, в области мира Надземного. Здесь закладывается основа будущего человека, его новый характер. Если человек был успешен в своей эволюции, он движется быстрее, если успешность менее выражена, он много раз возвращается в те же условия, в ту же обстановку, в которых он не имел успеха. Следует подчеркнуть, что физическое тело человека дается ему его родителями, включая лишь биологическую наследственность… Все остальное он в новую жизнь приносит сам» [19], с. 296-297.

Да, но связано ли *это* каким-либо образом с заповедями Учителя? Несомненно. Более того, связь эта настолько естественна, что не требует выделения в особое условие. (Следует ли, к примеру, излишне подчеркивать естественную, очевидную связь разнообразного подводного мира с единой для него водной средой?) Независимо от объема и содержания индивидуальных программ, уроков и заданий, назначаемых Богом человеку, все они жизнеспособны только в атмосфере

евангельских заповедей Любви.

«В основном с фактами нравственной ненадежности мы сталкиваемся в этой сфере. Бесконечно многие культурные люди… не отказывают себе в удовлетворении своей алчности, своей агрессивности, своих сексуальных страстей, не упускают случая навредить другим ложью, обманом, клеветой, если могут при этом остаться безнаказанными, и это продолжается без изменения на протяжении многих культурных эпох» [33], с. 101. Еще во времена римской античности родилось прекрасное назидание: «Ничего не доказывает тот, кто доказывает грубо». Иными словами, самоутверждение как аргумент и безнравственность как метод его подачи – совмещаться не могут.

* * *

Встретить вживе «образец, достойный подражания», практически невозможно, ибо те немногие люди, которые полностью и успешно отработали в рамках божественного эксперимента индивидуальную программу земной жизни, уже перешли на следующий виток эволюции; их среди нас нет и быть не может. Остальные же, то есть те, кто испытательный полигон «Земля» превратил для себя в исправительную колонию под тем же названием, отбывают в ней пожизненные сроки. Причем отбывают их многократно, проходя длинный ряд воплощений. Это, так сказать, рецидивисты со стажем, с нарастающим уровнем зла. Их – подавля-

ющее большинство, они постоянно с нами, впрочем, как и мы с ними. И хотя личный состав этих самых «мы» и «они» со временем обновляется физически, его нравственный уровень в целом остается низким. Это естественно, так как во все времена исправительные учреждения населялись, за редким, досадным исключением, теми, кто не в ладах с законом. В данном случае – с моральным.

Таким образом, утверждение, что в нравственном отношении род людской не становится лучше от века к веку, от поколения к поколению, верно лишь с оговоркой: «на проявленном уровне». Чтобы нравственно-психологический прогресс стал мало-мальски заметным вокруг нас, необходимо измениться к лучшему как минимум большинству из нас, причем в очень сжатые сроки, практически одновременно. Ну примерно так, как совсем недавно сумели мы измениться к худшему: основательно и в считанные годы. Однако в последнем случае чуда нет, прыгнуть в яму могут и все сразу. Здесь людских усилий не требуется, гравитация поможет. А вот вылезти из ямы способны далеко не все. Тем более – одновременно. Да и не каждый захочет преодолевать гравитацию, легче скатиться ниже.

Правильные же *одиночки,* удержавшиеся от падения, погоды не делают. Более того, их попытка что-то улучшить лишь раздражает «несознательных». К примеру, моя соседка пыталась как-то по-домашнему, как бабушка – внуков, урезонить подростков, издевающихся над деревом, растущим

у подъезда. И каков результат? «Внучки», естественно, отослали ее к хорошо известной трехбуквенной «аббревиатуре». И все, но могло быть хуже. Теперь эта женщина не реагирует на выходки малолетних хулиганов (представляю, чего стоит это воздержание ее неравнодушной натуре), но каждый раз сетует в адрес взрослых: «Если бы все их одергивали, то глядишь…». Вот в этом-то самом *все* и собака зарыта! Ведь если следовать логике этой доброй наивной женщины, то все мы, такие *в принципе разные,* в определенных обстоятельствах должны становиться *одинаковыми*, причем в строгом соответствии с ее моральным императивом. Но ведь это, так же в принципе, и невозможно: в индивидуальных пределах свободы воли мы и реагируем индивидуально, то есть *по-разному,* на одни и те же события. Иначе эксперимент Творца, проводимый Им с каждым из нас *индивидуально,* просто теряет смысл. Эта несложная мысль, приди она в голову моей соседке, вероятно, успокоила бы ее. Равно как и поправка на то, что мы пребываем сегодня в зоне устойчивого равнодушия.

Поднять *всех вдруг* из пропасти хотя бы на прежний, исходный уровень способно только чудодействие. Иными словами – вмешательство Бога-Творца. Но изменение нравственной природы человека, как уже говорилось, в Его планы *не входит* даже при радикальном изменении Им условий эксперимента (в противном случае Господь Бог давно бы «улучшил» нас). Впрочем, так же, как и установление на

Земле мира и благоденствия: *это* при желании и наличии свободы воли должны построить люди сами.

«Герой романа спрашивает Бога: почему в мире так много зла?

– А что? Вам, людям, это не нравится? – спросил Бог.

– Конечно, нет.

– Тогда измените все это, – был ответ» [6], с. 49-50.

Интересно, каким же образом Создатель, *пожелай Он того,* мог бы «подправить» нравственные устои человека? Не иначе, как только уничтожив или ослабив в нем дух зла «от юности его», то есть подавив активность источника этого зла – *самости*, гнездящейся в глубинах нижнего плана человеческой триады. Однако изменить «качество» нижнего плана, очеловечить его сугубо животные функции Творец не может, ибо это нарушит всю структуру триады, изменит характер взаимоотношения ее планов. Ослабление инстинктов, корневой системы человеческой самости, неминуемо приведет к ответному ослаблению или полной ликвидации механизмов управления ими. Возникнет проблема сокращения пределов свободы воли до значений, необходимых «модернизированному» человеку. Ограничение же самостоятельности, ущемление свободы выбора, перемещение части человеческих полномочий к Творцу – все это негативно отразится на творческой способности человека, главном признаке его богоподобия. В итоге сам эксперимент Бога с человеком станет бессмысленным и нецелесообразным. Послед-

ний, по словам Александра Меня, в данном случае уже бы «не был образом и подобием Творца, он был бы игрушкой Творца» [17], с. 10.

Конечно, это всего лишь моя аргументированная фантазия, фрагмент представляемых мною последствий «улучшения» человека свыше, случись *такое.* Но, к счастью, у Творца «нет изменения и не тени перемены» (Иак. 1,17). Поэтому следует признать актуальным и справедливым во все времена укоризненное восклицание Цицерона: «О времена, о нравы!». «Само стремление к злу – это иррациональный порыв, рожденный в свободе», – утверждает А. Мень [17], с. 9. Далее, ссылаясь на мысли Николая Бердяева, он пишет, что «свобода лежит по ту сторону божественности, что она вечна. Это непостижимая для нас вещь, но безусловно только одно: что если человек имел от Бога свободу, то он должен был получить и возможность восставать против Бога, идти по другому пути».

Сетования же отцов и дедов относительно того, что общество сегодняшнего дня в целом безнравственнее, злее общества дня вчерашнего, а уж тем более позавчерашнего, есть проявление тревоги старших и старых людей по поводу обвальной, но, к сожалению, неизбежной биологизации ценностной шкалы людей молодых.

* * *

Шкалу жизненных ценностей, как уже говорилось, мож-

но уподобить чистому листу, габариты которого определены Творцом в зависимости от содержания индивидуального задания человеку на период, именуемый земной жизнью. Это константа. Но заполнять данный лист, фиксировать и переставлять в нем ценности, изменять *соотношение* ценностных слоев человек должен сам в пределах свободы воли, полученной им опять же от Творца. В общем случае свобода воли проявляет себя в свободе выбора между запросами духовного и физиологического планов.

Соблазнов, воздействующих на нижний, физиологический план триады, в силу неустанного научно-технического прогресса, становится все больше. Следовательно, вероятность того, что душа, наш третейский судья, соблазнится ценностями биологического свойства, а не духовного постоянно возрастает. Действительно, приземленные, низменные души – сплошь и рядом, а одухотворенные – *уже* раритет.

Здесь вполне уместно еще раз опереться на Эриха Фромма, который противопоставляет в работе «Иметь или быть» две жизненные философии: обладания и бытия. В основе первой, считает он, идеология потребительства, накопление; в основе второй – проживание жизни, благоговение перед ней. В потребительском обществе сегодняшнего дня люди, ориентированные на «быть», встречаются редко, ибо «быть» – значит проявлять интерес к другим, заботиться о них, то есть давать, а не брать. Чтобы «быть», необходимо отказаться от эгоцентризма и нарциссизма, освободить душу

от суетности. Возможно ли *это* в зоне равнодушия, обитатели которой все более осваивают именно эти «ценности»? Ответ очевиден: выбрав путь потребительства и накопления, они уже не умеют понимать жизнь другим способом и вряд ли сумеют когда-нибудь. Но даже *избрать* путь «быть» – еще не означает *следовать* им. Однако речь сейчас о тех, кто выбрал – «иметь». Те, кто свои желания легко перекрывает возможностями, живут с чувством самодостаточности в комфорте и роскоши. Те же, которые не могут позволить себе подобного, даже напрягая свой бюджет, живут в состоянии между деморализующей обидой на свою судьбу (читай: на Бога) и озлоблением на всех и вся. Какая уж здесь любовь к ближнему, а тем более стремление «положить душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13)!

Тем не менее эти далеко не родственные души молодых членов общества (а речь идет, прежде всего, о них) схожи в одном: обе категории исповедуют один и тот же жизненно-философский принцип: «красиво жить не запретишь». И в данном случае вовсе нет принципиальной разницы между тем, что одни откровенно *живут,* а вторые столь же откровенно и страстно *хотят жить* по этому принципу, ибо идеалы тех и других в конечном счете совпадают. «Бедные, жаждущие денег и потому живущие завистью, так же принадлежат Маммоне, как и богатые» 44, с. 160. Поэтому социально опасны обе категории. Но выходцы из тех, кто не в состоянии желаемое воплотить в действительное, а их по-

давляющее большинство, в этом аспекте опаснее неправедно разбогатевших. Движимые жгучим соблазном обретения новомодных благ, они в достижении цели могут ступить, и ступают, на безнравственный и даже преступный путь – воровства, убийства, обмана, проституции. Кстати, именно на эти деяния божественный Закон (десять заповедей) налагал табу; именно за эти (и не только!) преступления предписывалась смертная казнь.

С тех пор прошло три с половиной тысячи лет. И что же? Все так же воруют, убивают, лгут, торгуют собственным телом, находясь теперь уже *под защитой* юридического закона (моратория на смертную казнь), охраняющего преступника от высшей меры наказания за содеянное; в связи с чем размах преступности достиг уровня не *потенциальной* угрозы, а *реального* общественного бедствия. Сегодня мы уже не представляем себе и дня без информации о громких масштабных злодеяниях или единичных гнуснейших преступлениях, только ещё обретающих статус «типичных». Например, зверские убийства ветеранов войны с целью завладеть их воинскими наградами. И каждый раз, узнавая подробности новых, леденящих душу преступлений, думаем: «Неужто может быть что-либо еще страшнее, безнравственнее *этого*?». Оказывается, может! И даже не заставляет себя долго ждать.

Но гораздо страшнее самих преступлений наше отношение к ним, точнее – его полное отсутствие. Если даже люди, воспитанные моральным кодексом доперестроечной эпохи,

начинают обретать, и это заметно, устойчивую привычку к несправедливости и жестокости, если их уже ничем *таким* надолго не удивить, то как же тогда должны воспринимать *все это* ровесники перестройки и их более молодые сограждане?! Естественно, как органическую составляющую нашего бытия, как нечто нормальное, внутренне присущее демократии с ее «свободами». Для них факты бесчеловечности, еще как-то потрясающие стариков, не есть что-то из ряда вон выходящее. Их равнодушие к злодеяниям есть вполне адекватная реакция на явления, становящиеся общественной нормой.

Адаптация к жестокости – это страшно в полной мере, но столь вполне и закономерно. (Кстати, нечто подобное присуще не только человеку. Так, в книге М. Карпенко «Вселенная разумная» [27], с. 149 приводится пример, заключающийся в следующем. Измерялась электропроводность листа растения сперва в нормальных условиях, а затем – «лицом к лицу» с актом жестокости: в непосредственной близости с исследуемым листом в произвольные моменты времени в кипяток сбрасывалась живая креветка. В этот момент электропроводность листа изменялась на несколько порядков и очень медленно достигала первоначального значения. Лист «по-человечески» сжимался от чужой боли. Но когда растение становилось свидетелем мучительной смерти *возрастающего числа* креветок, его реакция на гибель очередной жертвы становилась все более слабой. Растение как бы

адаптировалось к учащающимся фактам несправедливости и жестокости, подобно человеку, бессильному что-либо изменить.)

* * *

Сетуя по поводу душевной черствости наших внуков, следует все же делать поправку на то, что это еще далеко не предел, что внуки наших внуков будут еще бездушнее своих дедов и отцов. Прогноз этот утешительным, к сожалению, не назовешь, но зачем обманывать себя? Душа человека, зажатая между крайними планами: катастрофически худеющим духовным и постоянно жиреющим животным, будет все в большей степени порабощаться последним, вырождаться в его служанку. И до какого предела это будет развиваться? Этого не знает никто, «ибо кто познал ум Господень?» (Рим. 11,34). Правда, можно опереться на библейские и исторические аналогии.

Мы знаем из Библии, что Христос-Спаситель явился избранному народу в момент, когда тот одной ногой уже стоял в духовной могиле, когда омертвевшая душа человека уже трансформировалась в некий рудиментарный орган. Христос разблокирует духовный план триады и через него реанимирует душу человека, теряющего человеческий облик. Видимо, и второе пришествие Христа промыслено с аналогичной целью: спасти еще раз деградирующее людское стадо для участия его в последующих этапах божественного эксперимента. Но это – последняя надежда на спасение души,

удержание ее от поглощения низшей природой человека. А до этого эсхатологического события условия божественного эксперимента будут, вероятно, изменяться Творцом неоднократно для высвечивания новых, не ведомых Ему тонкостей человеческой натуры. Даже Сыну Божьему они известны не в полной мере: «До последнего мгновенья творение не перестает Его удивлять. Он думал, что знаком с последней глубиной человеческой низости, но этот поцелуй (Иуды. – *Г. М.*) …» [44], с. 207.

Если условно принять активность *врожденной* самости как нечто исходное, как «зло от юности», то реальное «зло во всякое время», творимое нашей *окрепшей* самостью, впрямую зависит от текущих условий эксперимента. Они могут поощрять самость, действуя в одном с ней направлении, но могут и противостоять ей, причем довольно жестко. В этом случае она уползает в темные придонные слои нашей души, где, находясь в «дежурном режиме», ждет благоприятных условий, чтобы активизироваться вновь.

К примеру, в России благоприятные для процветания самости условия эксперимента Творец кардинально не изменял более трехсот монархических лет, хотя и варьировал их в широких пределах: от установления крепостного права до его отмены. В результате «священная» частная собственность (в союзе с узаконенной вседозволенностью) до такой степени разложила нутро ее владельцев, что они (надо же скатиться к тому!) обратили своих кормильцев в своих же

злейших врагов, в гробовщиков той самой «священной частной»! Куда же дальше?

Условия эксперимента исчерпали себя полностью, и Творец резко, «по-революционному» изменяет их. Теперь они становятся враждебными, болезненными для самости. Более семидесяти лет общественная собственность («наше», а не «мое») не позволяла самости вслух заявить о себе; более семидесяти лет люди жили в здоровом нравственном климате в союзе с высокой культурой и доступным просвещением; более семидесяти лет духовная пища через разблокированный свыше верхний план триады питала душу личности, формируя в человеке *человеческое* начало.

Но Творец вновь изменил базовые условия эксперимента: перестройка, а затем – откат к «священной» частной собственности. Самость, сдерживаемая внешними условиями в течение десятилетий, берет реванш; попирая элементарные нравственные нормы, она по-животному упивается своим торжеством. Однако базовые условия эксперимента сегодня хотя и работают на самость, как в дореволюционный период, но *не во имя* последней. Они всего лишь создают социальный фон для выявления на нем тех немногих людей, кто способен, *подавляя* собственную самость, сохранить и пронести сквозь лихолетье, находясь в оковах бесправия, истинно человеческие ценности, обретенные *на предыдущем* этапе эксперимента. Ведь только «претерпевший же до конца спасется» (Мк. 13,13) и, возможно, станет нравственной моделью

человека в последующей эпохе – эпохе Водолея. А остальные? Их ждет полная духовная дегенерация, вырождение их когда-то человеческой триады в примитивную скотскую диаду. Если, конечно, условия божественного эксперимента волею Творца не будут изменены раньше: ведь «непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его» (Рим. 11,33).

* * *

Люди уверены, что причиной любых социальных катаклизмов является исключительно *человеческий* фактор. В данном случае – якобы какой-то конкретный человек и группа его единомышленников вдруг замыслили и провели в жизнь, которая их всех почему-то перестала удовлетворять, радикальные ее изменения. Да, *видится* именно так. Однако обусловлена эта вполне *земная* метаморфоза *внеземной* причиной, о которой речь шла выше: резким изменением условий божественного эксперимента в соответствии с планом, ведомым лишь Самому Экспериментатору. «Ибо все из Него, Им и к Нему» (Рим. 11,36).

Инфантильное желание найти крайнего, выявить козла отпущения, чтобы отвести на нем душу, стало уже давно частью души самого человека. Уж очень хочется этому «образу и подобию» сформировать в привычном для него трехмерном пространстве первопричину (кто виноват?), которую можно было бы легко охватить пятью органами чувств, не напрягая свои более чем скромные мыслительные способности. Так, в упоминавшейся выше работе М. Карпен-

ко «Вселенная разумная» читаем: «Человеческий мозг работает с весьма низким коэффициентом полезного действия: он использует всего 3-4 % своих предельных возможностей. Очевидно, остальные 96-97 % могут содержать неожиданные тайны, невиданные возможности человека» [27], с. 180. Ну а пока всплывает в памяти другое – фрагмент из трагедии И. В. Гете «Фауст», где Мефистофель упрекает Творца в том, что Он осложнил жизнь Своего лучшего творения – человека, одарив его… разумом:

Он лучше б жил чуть-чуть, не озари
Его ты божьей искрой изнутри.
Он эту искру разумом зовет
И с этой искрой скот скотом живет.

Отсюда – безумные завывания стада простых смертных: «До чего Горбачев довел страну!», «Ельцин развалил Советский Союз!», «Это – все Гайдар…» (конец фразы опускаю из-за его неблагозвучия). Боже праведный! Неужели человек и впрямь до такой степени обделен разумением и настолько наивен, чтобы искренне верить в то, что *все это* под силу промыслить и свершить одной (!), пусть даже трижды харизматической, личности? Да любые лидеры с их командами соратников и единомышленников всего-навсего набор *инструментов* в руках Творца, посредством которого Он проводит Свой эксперимент на земле, воплощает Свой промы-

сел! Но для нас этот промысел, образно говоря, остается за кадром, поскольку большинство людей настолько близоруко, что воспринимает любое событие, в том числе и ужасающее, как изолированный факт: в чистом виде, вне связи с причиной (а уж тем более – с первопричиной), его породившей. В каждом преступлении люди способны узреть лишь то, что «в кадре», внешнюю, впечатляющую сторону злодеяния и фигурирующего в нем «стрелочника»: в убийстве – убийцу, в воровстве – вора, в коррупции – чиновника и т. д. Зато уж возмущения случившимся – безграничны, от души. Подобное неравнодушие, разумеется, радует. Но глубинная, корневая часть явления остается для них сокрытой. Действительно, глядя на пышные цветы, вряд ли кто-нибудь задумывается о грязных, некрасивых, но питающих их корнях, тем более если это корни махровых соцветий преступности.

Если бы люди в подобных ситуациях пытались подключать к своим проснувшимся эмоциям еще и дремлющий разум, то они, возможно, и обнажили бы эти корни, ибо «у разума нет вышестоящей инстанции» [33], с. 116, к тому же последние не так уж и глубоко сокрыты. Однако это опять же – *если бы.* К сожалению, «*разум,* как средство обнаружения истины и проникновения сквозь поверхность явлений к их сущности, уступил место *интеллекту* – простому инструменту для манипулирования вещами и людьми. Человек разуверился в способности разума установить правильность норм и идеалов человеческого поведения» [33], с. 147.

Однако думается, что на данном этапе божественного эксперимента, который не охватил пока и возраста одного поколения, человек еще способен при желании (единственное условие!) преодолеть умственную лень и установить причину, не подменяя ее следствием. Если он это проделает в нашем случае, то неминуемо придет к выводу: *первопричина* преступности коренится в «священной» частной собственности, а невиданные и неслыханные доселе преступления являются лишь следствием ее воцарения вширь и вглубь.

Будучи введенной в кровь и плоть общества, она сделала главное: раздавила социальное «наше» и заменила его единоличным «мое». Она провозгласила приоритет материальных ценностей над духовными, физиологии над культурой, сняла ограничения в купле-продаже всего и вся, обратив в товар самого человека. Если принять во внимание, что «Мое!» – это не только способ существования самости, но и ее боевой девиз, то несложно сформулировать и девиз всего этапа божественного эксперимента: «Самости – зеленую улицу!». При этом частная собственность играет роль питательного бульона для беспрепятственно развивающейся и размножающейся самости.

Однако в разрезе божественного эксперимента, как уже говорилось, взращивание самости – не самоцель, а создание условий, необходимых для воспитания души в спартанском духе. Торжество самости проявляется как раскрепощение, даже распущенность, биологического «Я» при явных же по-

пытках закрепощения духовного «Я». Понятно, что снижение роли механизмов управления инстинктами при одновременном поощрении самих инстинктов приведет (и уже привело) к крутой деградации личности.

Можно ли остановить или хотя бы замедлить процесс начавшегося разложения человеческой души? Думается, что нет: условия божественного эксперимента незыблемы, как незыблема и природа самости его участников. А вот ослабить в какой-то степени *последствия* этого процесса, противостоять им, то есть уберечь от его тлетворного влияния душевный план – вполне возможно. Но – только в индивидуальном порядке. Каких-либо общественных убежищ для защиты человека от этого оружия массового поражения не существует. Все зависит от того, утрачен или не утрачен человеком тот самый дар Божий – разум. И если – нет, то готов ли человек без промедления, которое на этот раз, действительно, смерти подобно, включить его в свою работу.

* * *

В триумфальном шествии на зеленый свет самости удалось очень неплохо защитить себя юридически: она добилась смягчения (а в отдельных случаях – и отмены) наказания за преступления, относимые ранее к тяжким. Разницу, естественно, легче заметить на большом временном отрезке.

Как следует из Библии, закон Моисеев, пытаясь оздоровить нравственность избранного народа, максимально ужесточал наказания за «свершение неугодного в очах Господа».

Приведу лишь три примера грехов, которые в библейские времена следовало искупать собственной жизнью. Лев. 20,9: «Кто будет злословить отца своего или мать свою, тот да буден предан смерти»; Исх. 22, 22-24: «Ни вдовы, ни сироты не притесняйте; если же ты притеснишь их, то убью вас мечом, и будут жены ваши вдовами, и дети ваши сиротами»; Лев. 20,13: «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость: да будут преданы смерти». Думается, что если бы эти заповеди (в той же редакции!) были сегодня законодательно приняты и, главное, неукоснительно исполнялись, то общество понесло бы значительные потери в людях, особенно ощутимые – в среде мужчин. Но это так, к слову: у нас уже нет ни смертной казни за грех, ни самого греха как понятия, которое с успехом вытеснено другим, обтекаемым понятием – «нравственные проблемы». К этим проблемам мы скатились, как с крутой горки с трамплинами, вытряхивая на каждом из них остатки морали доперестроечных времен.

Уровень, на котором мы находимся сегодня, правда, не самый низкий: как известно, совершенству, в том числе и в безнравственности, нет предела. «Греховодство», пожалуй, одна из немногих областей народного творчества, где мы достигли феноменальных результатов. (Повторяю, от «греха» как от термина, но *не* сущности, мы ушли. Ведь согласно [16], с. 95, грех «обозначает… преступление против закона Бога». Но мы-то всего лишь обрядоверцы, «орган веры»

в Бога и в закон Божий у нас атрофирован, хотя и носим крестики. Но если для нас не существует закона, то нет и подзаконного греха, «ибо законом познается грех» (Рим. 3,20). А потому и живем «безгрешно», по законам человеческим, но чаще – животным. Суть же преступлений сегодняшнего дня и глубоко греховна, и нравственно проблематична.)

Мы даже замахнулись «на приоритет» первичного греха! Под этим грехом привычно понималось и понимается нарушение нашими прародителями божественного запрета на вкушение плода от древа познания. Но это – первенец греха лишь в хронологическом аспекте; по содержанию же и смыслу грех Адама и Евы следует все-таки считать вторичным. Первичный же, как это ни парадоксально, совершен человеком только сегодня.

Дело в том, что божественному запрету на вкушение плода воспротивились люди, *уже* сформированные Творцом по половому признаку: «мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1,22). При этом и Адама, и Еву вполне устраивало то, что первый есть мужчина, а вторая – женщина. По крайней мере, когда «узнали они, что наги» (Быт. 3,7), то ничуть не возмутились божественным распределением полов. Да и потомков их во всех поколениях – от шестого дня творения до недавнего времени – в этом плане все устраивало. Но в наши дни произошел сбой в умах и сердцах некоторых из них. Возжелали они изменить пол (!), данный им Богом, силами человека. На поверхности – это проблема нравствен-

ности, а по существу – грех циничного вмешательства человека в базовую, *первичную* творческую акцию Бога – создание самого Человека! «Лучшее из творений» возжелало *подправить* своего Творца! *Такого* Господь, естественно, не мог предвидеть. Поэтому в перечне грехов, оглашенном Богом на Синае, транссексуализм отсутствует. Этот замах на Создателя превосходит по своей грубой откровенности даже строительство вавилонской башни, которая должна была стать зримым символом и механической опорой восстания человека против Творца (Быт 11,9).

Следует заметить, что «пикантные» библейские грехи и нынче в моде, только отношение к ним сейчас принципиально иное, не ветхозаветное. Если во времена Моисея, к примеру, тот же гомосексуализм преследовался как особо гнусный *грех* (Лев. 18, 22-23), то сейчас он процветает под эгидой СМИ: «К этому явлению – гомосексуализму, лесбиянству – можно плохо относится только от дремучести, от непонимания элементарных вещей», – просвещает нас, духовных троглодитов, газета «Московский комсомолец», 14.10.99 (Цит. по [34], с. 254). И тут же ставит *проблему* защиты содомского греха. Точнее – представителей нетрадиционной сексуальной ориентации. «Мы против гомофобии настолько, что готовы бороться с этим… Мы бы очень хотели изменить отношение людей к гомосексуализму (а оно во всем мире не слишком все ж достойное)», – сетует тот же «МК» от 12.03.03 г. Так что, дорогие сограждане, давайте от всей ду-

ши любить и уважать мужеложство и мужеложников, проявлять всю полноту симпатии к лесбиянкам! Им так тяжело в своем меньшинстве! Кстати, на провинциальном уровне сексменьшинства и сексбольшинство уже честно уравнены хотя бы в правах на размещение специнформации в СМИ: одна из вологодских газет, например, под рубрикой «Знакомства» регулярно публикует объявления, в которых не только традиционно Он ищет Ее или наоборот, но и где Он ищет… *Его*! Например: «Мужчина, 52 года, ищет молодого друга для встреч на моей территории» (г. Сокол). Следует отметить, что сексуальное меню, подаваемое региональной прессой, в последнее время заметно расширилось и… подешевело.

Не знаю только, как эта «нетрадиционная ориентация» совмещается у ее представителей с вполне традиционными нравственными ориентирами христианства (1 Тим, 1,8-10), к которому у нас в стране *не* причисляет себя *всего лишь* двадцать процентов населения! Неужели в эти два десятка процентов нехристей строго вписываются все «нетрадиционники» обоих полов? Ой ли! Рискну предположить, и не без оснований, что многие из них носят крестики, то есть формально пребывают в зоне христианской нравственности.

Однако прогресс в сфере «греховодства» в целом выражается не только в развитии старых (библейских) грехов, не только в снижении или отмене ответственности за них или в некоей сочувственной лояльности к ним. Нет! Он выражает-

ся прежде всего в сотворении новых, так сказать, сверхбиблейских грехов. Чего стоят, например, изощренные формы физических и моральных издевательств человека над человеком, демонстрируемых и смакуемых, в «воспитательных» целях конечно, нашим телевидением! А есть и такое, что просто потрясает своей хладнокровной жестокостью. Например, хищение детей и молодых людей с преступно-корыстной целью использовать их в качестве… доноров внутренних органов. Кровь стынет в жилах! И мы опять ужасаемся: «Ну куда уж дальше?!» Есть куда! Если уж не вглубь греха, то вширь его – непременно.

Грех как продукт жизнедеятельности человека (в форме мысли, слова, поступка) требует для своего «производства» хотя и отрицательной (условно), но все же энергии. Следовательно, с этой точки зрения грех подчиняется общему закону сохранения энергии. Он не может исчезнуть или возникнуть вновь (да и в соответствии с Библией, это «зло от юности» человека и «во всякое время» его), а может лишь переходить из одной, примитивной, формы в другую, более совершенную и «прогрессивную». Что, в общем-то, мы и видим. Сколько, к примеру, новых, «изысканных» форм воровства, убийства, лжесвидетельства и других древних грехов, прописанных еще в Декалоге, породила лишь только одна приватизация жилья (о предприятиях я уж и не говорю)!

Необратимо уничтожить грех как энергию определенной направленности невозможно. Да, «перековать мечи на орала

и копья – на серпы» (Ис. 2,4) – вполне реально. Но столь же реален и откат, обратный процесс: «Перекуйте орала ваши на мечи и серпы ваши на копья» (Иоил. 3,10). Все зависит от контекста: мечи и копья могут быть и оружием агрессии, и оружием защиты от агрессии.

О неистребимости греха в душе отдельной личности свидетельствует опыт и социально опасных преступников-*рецидивистов*, и людей, пытающихся самостоятельно преодолеть грехи, не выходящие за личностные рамки. К примеру, разрушение собственного тела алкоголем, табаком, наркотиками, сексуальными излишествами. (Замечу, кстати, что «грех против собственного тела» апостол Павел в 1 Кор. 6, 18-19 приравнивает к разрушению храма: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?».)

Общая характеристика нравственности современных людей вполне перекликается с той, что нам рисуют библейские стихи, относящиеся к преддверию Всемирного потопа: «И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле» (Быт. 6,5); «…и наполнилась земля злодеяниями» (Быт. 6,11). Это – для нашего общества в целом. А вот: «…всякая плоть извратила путь свой на земле» (Быт. 6,12) или «…нет делающего добро, нет ни одного» (Рим. 3,12) – может относиться к каждому его члену (разве что за редким исключением). Но мы можем жить спокойно: Бог обещал «в сердце Своем» после первого и единственного потопа, что

не будет более «поражать всего живущего» (Быт. 8,21).

Однако божественная клятва отнюдь не подразумевает смягчения *посмертной* участи живущих: «По упорству твоему и нераскаянному сердцу сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога, Который воздаст каждому по делам его» (Рим. 2, 5-6). Ведь если даже те, которые не знают закона, не освобождаются от ответственности, то что же говорить о тех, кто «под законом согрешили»? Они, естественно, и «по закону осудятся» (Рим. 2,12). Так что наших просвещенных греховодников в их «жизни после жизни» ждет более тяжелая участь в сравнении с участью безграмотных «развращенных человеков» допотопных времен. Мысль о том, что наказание усугубляется знанием Закона, подчеркивает и Христос: «… тот, который не знал и сделал достойное наказания, бит будет меньше», нежели тот, который знал и сделал. Он «бит будет много» (Лк. 12, 47-48). Эта истина справедлива и в земной, и в загробной жизни.

* * *

В соответствии с [28], с. 915, грех – это нравственное зло, в отличие от зла физического. Последнее А. Мень называет «физическим несовершенством мира» [17], с. 9, к примеру – болезни. Понятия «зло» и «грех» впервые озвучены Богом: понятие «зло» как антипод добра – еще в Эдеме, еще нашим прародителям, а понятие «грех» – уже Каину, первому земному человеку в первой же нравственной заповеди: господствовать над влекущим к себе грехом (Быт. 4,7).

Но Каин, как мы знаем, не справился с божественной задачей. Впрочем, и послепотопный человек, за редким исключением, есть «малоинтеллигентное существо, покорное своим импульсивным влечениям» [33], с. 135.

Троичная природа, свобода воли и знание критериев добра и зла, обретенные человеком в Эдеме, в совокупности своей представляют трехгранный монолит. Об этот камень преткновения и разбиваются бесконечно возрождающиеся *иллюзии* неизбежной и окончательной победы добра в его извечной борьбе со злом. Тем не менее допустим, что произошло чудо и мечта о торжестве добра сбылась в одной из нравственных сфер нашей жизни.

Представим себе, к примеру, хотя это почти невозможно, фантастическую ситуацию: во взаимоотношениях людей *исчезло равнодушие.* Все дружелюбны, отзывчивы и предупредительны, каждый готов оказать помощь ближнему и дальнему. Комфортно, не правда ли? Да, но только поначалу. А потом? Потом медленно, но уверенно все возвратится на «круги своя» или еще ниже.

Не следует забывать, что все три божественных дара человеку остаются неизменными при любом изменении условий его бытия. В частности, знание критериев добра и зла – дар, лежащий в основе заповеди: «Уклоняйся от зла и делай добро» (1 Пет. 3,11). Только вот к чему приложить это знание в рассматриваемой ситуации, ведь зла-то в ней уже нет, сплошь – добро, все совершенны? А тут, глядишь, со време-

нем дадут о себе знать и позывы свободной воли, реализующей себя сплошь в ситуации выбора. В частности, выбора поведенческой линии применительно к разным людям и ситуациям. (В иных условиях, к примеру, и руки-то кое-кому бы не подал при встрече, но в нашей условной ситуации это недружелюбное желание должно быть реально подавлено.) И как же умудриться удовлетворять естественную потребность *выбирать*, когда выбрать заведомо не из чего? Где выход из назревающего кризиса?

Разумеется, в переоценке ценностей, а именно – в выборе между *более* добрым и *менее* добрым! Самость, усмиренная лишь на время, станет побуждать душу, нашего третейского судью, дифференцировать все добрые дела, а иных здесь просто нет, по принципу: «очень» и «не очень». Последние со временем будут все более терять статус «добрых» и естественным путем трансформироваться в дела недобрые, злые. Такое превращение неизбежно в силу троичной природы человека, для которого все познается в сравнении с неким условно-оптимальным значением, принятым в качестве номинала. Да и закон энтропии снижает со временем «ранг» привычных добрых дел.

Даже в нашей реальной жизни, с ее избытком зла и острым дефицитом добра, последнее не находит подчас адекватной оценки. (Я уже писал, ссылаясь на конкретные примеры, что явленное добро и особенно добрые намерения пугают и настораживают, что зло и равнодушие воспринимают-

ся гораздо привычнее и естественнее.) Вспоминаю, с какой злостью смотрел бывалый пьяница, попрошайка при храме, вслед пожилой женщине, подавшей ему милостыню в виде горстки мелочи. Да он готов был запустить в спину своей благодетельнице ее скромные «две лепты»! Так что же тогда говорить о ситуации, где в одночасье исчезнет зло? Оставшееся сплошь добро начнет резко падать в цене. Девальвация добра – это характерный признак и призрак злого начала.

Нижний уровень восприятия добра из-за его обилия начнет повышаться, а все, что «ниже нижнего», будет считаться сперва никчемным мусором, а далее – злом. Этот уровень уже сегодня, когда добродеяния еще не сплошь и рядом, некоторые люди устанавливают сами. Так, один из «сирых и убогих», это уже в Москве на вокзале, нацепил на грудь кусок картона с начертанным предупреждением: «Меньше… рублей прошу не предлагать!». Здорово! Правда, мне потом разъяснили, что сумма варьируется в зависимости от места и времени.

Итак, сравнительный подход к общей оценке добра, вдруг сошедшего на нас подобно библейской манне, случись такое, неизбежно привел бы к постепенному зарождению и накоплению зла в недрах этого всеобъемлющего добра. (Кстати, по свидетельству Библии, древнееврейское людское стадо неохотно приняло небесную пищу, божественную манну, возроптало на Творца, который заменил ею мясо, рыбу и овощи, получаемые, да еще и даром, избранным народом

в египетском плену.)

Однако в реальных земных условиях, где «добро должно быть с кулаками», проблема заключается не только в *достижении* определенного превосходства над злом, но и в *удержании* этого завоевания, в его развитии. При должной активности сил, противостоящих злу, временная победа над ним вполне реальна, но не менее реальны, как уже говорилось, ее откат и реставрация зла. Достижения любого уровня, в том числе и личные, в любой сфере, в том числе и нравственной, не могут сохраняться, а уж тем более расти сами по себе, без должного энергетического обеспечения. Даже обитатели нового рая, «те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (Отк. 21,27), то есть достигшие уровня бессмертия, не могут удержать его без ежемесячной энергетической подпитки от древа жизни (Отк. 22,2). Почему? Ведь, казалось бы, зло уже уничтожено в озере огненном (Отк. 20,10)? Да, но уничтожены только внешние силы зла, олицетворяемые диаволом, зверем и лжепророком, а зло внутреннее, зло «от юности» и «во всякое время», именуемое *самостью,* остается в придонном слое души и в сердцах людей, даже «претерпевших до конца» и удостоившихся жизни вечной, так же *навечно.*

Так что же, борьба со злом как продуктом самости совершенно бесперспективна и бесполезна? И да и нет: в зависимости от того, *что* мы вкладываем в понятие «польза». Впрочем, этой темы я еще коснусь.

* * *

Согласно одному из религиозно-философских взглядов на характер взаимоотношений Бога и мира, Творец, создав последний, предоставил его самому себе, отдал во власть его собственных, мирских законов, а *Сам устранился* от вмешательства в жизнь природы и общества. Согласно второму, Бог не оставил сотворенный им мир: Он таинственным образом *воздействует* на жизнь Своего творения, на все материальные и духовные процессы. Вот такие полярно расходящиеся взгляды.

Но истина, в силу троичной структуры сотворенного мира, лежит посередине. Бог не теряет связи с ним, не изолируется от него, но и не воздействует на него активно, не участвует непосредственно в мировых событиях, не принуждает людей к тем или иным поступкам. Творец обновляет лишь *общие* условия эксперимента на каждой из его фаз и закрепляет за человеком *индивидуальную* жизненную программу в рамках этих условий, но с достаточно широким выбором вариантов ее исполнения. Информация о том, *каким образом* творение реализует эту программу, систематически поступает к Творцу. Подробнее об этом говорилось в предыдущей работе. Сейчас хотелось бы в общих чертах обрисовать одну из моделей этого процесса.

Представим, что Творец владеет неиссякаемым источником сигналов, постоянно излучаемых в мир. Отражаясь от людей, они возвращаются к Богу, неся на себе информа-

цию о состоянии, мыслях, словах и делах человека (модуляция). Эта информация отделяется от несущих сигналов (демодуляция) и в «чистом виде» поступает в божественный компьютер, где обрабатывается, систематизируется и заносится в его память. Таким образом, осуществляется постоянный контроль со стороны Творца за жизнью Своего творения. Экспериментатор имеет возможность судить о деятельности триады каждого экспериментируемого и выносить Свой вердикт. Это в какой-то степени ассоциируется с «книгой жизни» в откровении Иоанна Богослова: «И судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими» (Откр. 20,12).

В этом смысле справедливо утверждать: «Бог не оставляет человека!» Более того, Он защищает от непоправимых бед и спасает от гибели человека, *необходимого* Ему для продолжения эксперимента, человека, который, по промыслу Творца, еще не исчерпал своих творческих возможностей на пройденных этапах индивидуальной программы и способен отработать ее в полном объеме, явив нечто новое. Отсюда – и чудеса спасения, свершающиеся в ситуациях, когда спасти человека могло, действительно, только чудо, когда какая-то неведомая и невидимая рука, казалось, подхватывала его на краю пропасти, хотя внешне все происходило как бы по воле случая. Однако чудеса эти носят адресный характер. Даже в одной и той же катастрофической ситуации чудом спасены бывают далеко не все ее участники, а некоторых людей

невидимый заслон останавливает еще на дальних подступах (к примеру, вовремя вышел из рухнувшего дома или опоздал на обреченный поезд). «Так уж им на роду написано», – принято говорить в таких случаях и в отношении жертв, и в отношении спасенных. В какой-то степени это верно, ибо подразумевается, что «на все воля Господня».

Однако спасенный человек, возблагодарив Бога, должен бы серьезно задуматься над фактом своего спасения и пересмотреть взаимоотношения с Ним. Личное спасение в форс-мажорных обстоятельствах нередко инициирует в людях веру в Бога. Возможно, это аванс, выданный Творцом для *осознанного* участия данного человека в божественном эксперименте. И тогда перст Божий, а не счастливую случайность должен усмотреть он в своем спасении.

Признаком нравственного взросления служит *понимание* того, что жизнь на Земле люди выстраивают *по своим* представлениям о правильном и неправильном, отвергая подчас нравственные ориентиры, данные им Богом. «И когда мне говорят, что вот – война, что же смотрел Бог? Друзья мои, Он вовсе не смотрел. Он уже давно предупреждал, к чему все это приведет. Если бы люди открыли Священное Писание, они увидели бы, к чему шло попрание человечности, бездуховность, материализм. И когда все здесь случилось по Писанию, говорят: "Где же был Бог?". Там же, где всегда, он всегда предупреждал человека. Другое дело – когда человек не несет ответственности…» [17], с. 10. Это до боли знако-

мый нам мотив потребительского отношения к Всемогущему Богу: *пусть* Он сделает всех нас, причем без нашего участия, и даже при нашем противлении Ему, безмерно счастливыми, беззаботно улыбающимися, утопающими в благах земных! И конечно – красивыми, во всяком случае, не хуже самодовольных красавцев и красавиц, изображаемых на сусальных картинках журналов «Сторожевая башня» и «Пробудись!» (церковь Свидетелей Иеговы). Вот когда наступит всеобщий мир и благоденствие, тогда мы и признаем Бога! А пока…

Ясно, что золотой век – несбыточная мечта человечества. Однако сейчас идет речь не об иллюзии, а о реальном спасении в ныне существующих условиях эксперимента. Похоже, что даже физически существуем мы на земле лишь благодаря тем людям, которые, если уж и не достигли нравственных высот, то по крайней мере и не скатились в безнравственную пропасть. Идею спасения нечестивого большинства праведным меньшинством развивает Сам Господь в ветхозаветном эпизоде с Содомом и Гоморрой (Быт. 18, 20-32). Вкратце напомню сюжет. Господь вознамерился уничтожить город Содом из-за крайней распущенности нравов его жителей. Сердобольный Авраам, праотец еврейского народа, просит Господа пощадить город, если «есть в этом городе пятьдесят праведников». Господь соглашается. Авраам же, вовремя смекнув, что в столь развратном городе не найти такого числа праведников, мягко торгуется с Богом и постепенно

снижает его до… десяти. Господь соглашается даже на такую заявку! Но, к сожалению, содомляне дискредитировали себя богомерзким поступком полностью и окончательно, поэтому Содом был уничтожен «серой и огнем с неба». Та же участь постигла и Гоморру.

Итак, в библейские времена десять праведников, найдись такие, могли бы спасти от уничтожения целый город нечестивых. В наше время для подобной цели потребовалось бы неизмеримо большее число спасателей (наши города неизмеримо больше ветхозаветных, а плотность грешников в них – та же). Да и те были бы, конечно, не из праведников, которых сегодня на земле практически нет, а из тех, кто еще «на плаву». Последние же сохраняются лишь живущей в людях *энергией памяти* о праведниках, давно покинувших этот мир. Но, как это ни печально, энергии той явно не хватает: из ежедневных сообщений СМИ мы узнаем, что «тонут», расставаясь полностью с человеческим обличьем, не только одиночки, но и целые коллективы: предприятия, компании, семьи.

* * *

Можно ли спасти утопающих? Или это дело рук только самих утопающих? Прежде чем пытаться ответить, необходимо договориться о том, *что* в данном случае понимается под спасением.

Обычно мы связываем его лишь с физическим или материально-бытовым аспектом нашей жизни; реже – с мораль-

но-этической ее сферой (спасение авторитета, приоритета, идеи, и т. д.). Но в любом случае – с *проявленным* планом бытия в пределах короткой земной жизни. Практически – в масштабе «здесь и сейчас». Но именно сейчас речь пойдет о другом понятии – «спасение», которое Александр Мень формулирует следующим образом: «А что значит спастись? Это значит соединить свою эфемерную временную жизнь с бессмертием и Богом» [17], с. 27. Спасение – это жизненная цель, которая через призму божественного эксперимента видится как гарантия дальнейшего участия в нем человека. Это Высочайшее разрешение на эволюционное восхождение, которое человек самостоятельно, без божественной помощи, совершить не может, поскольку «греховность в человеке есть… глубокая порча или растление природы, получаемое человеком вместе с бытием, с душой и телом, и усиливаемое личною греховностию» [28], с. 2101.

Однако спасительная рука свыше подается именно тем, кто терпеливо, до конца своих дней усмиряет эту самую личную греховность. Насколько трудна даже для апостола эта осознанная, целенаправленная работа следует из Послания апостола Павла к римлянам: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех… Бедный я человек!» (Рим. 7, 19-20,24). Насколько же тогда труднее простому смертному «духом умерщвлять дела плотские» (Рим. 8,13), не сделаться «пленником закона грехов-

ного» (Рим. 7,23)!

Стать на путь сохранения себя от самого себя никогда не поздно, но чем это случится раньше, тем в большем можно преуспеть. Спасение человека – это предмет заботы самого человека (не Бога!) и во имя Человека. Бог лишь оценивает усилия и выбирает достойного благодати – «силы Божией, которой совершается спасение человека» [28], с. 337. И чем больше будет таковых, тем меньше вероятность гибели современных Содома и Гоморры. Это и есть ответ на вопрос, поставленный в начале параграфа.

Однако в зоне равнодушия, где по циничному выражению ее обитателей, «каждый – за себя, один Бог – за всех», именно каждый и пилит сук, на котором сидит. Всеобъемлющий закон энтропии, действуя в ней, автоматически смещает общий уровень нравственности к скотоподобию, к зоне зла.

Чтобы удержать моральную планку на уровне, соотносящемся с *человеческим* обликом человека, необходимо каждому индивидууму излучать «кванты» добра, жертвовать долей эгоистических интересов и потребностей. Эти тонкие ручейки, сливаясь в единый энергетический поток, должны сформировать глобальную силу, способную не только скомпенсировать угнетающее действие энтропии, но и превозмочь его, повысив степень нравственности общества в целом. Но человек – первейший враг самому себе, а первейший враг человека – его самость. Поскольку по природе своей любое добро, независимо от его масштабов, делается чело-

веком *только* за свой собственный счет, постольку его эгоистичная самость всегда отчаянно противится любому добродеянию, любой жертвенной акции.

В зоне равнодушия не признается приоритет общего над личным, поскольку общего как понятия здесь не существует. Поэтому общественная система, раздробленная человеческой самостью на бесчисленное множество эгоцентрических крупиц, сползает, подобно песчинкам без цементирующих связей, к низшему типу бытия. Причем, со всеми последствиями, не исключая и самоистребления. Так, говоря о причинах гибели легендарной Атлантиды, Д.С. Мережковский, автор художественного исследования «Атлантида – Европа», подчеркивает: «Физическая гибель эта была не случайной, бессмысленной, а предрешенной чем-то в *самих гибнущих* (курсив мой. – *Г. М.*), казнью за что-то» [52], с. 125.

Какие уж тут виды на спасение человека человеком, когда здесь немыслимо даже элементарное самосохранение! Ведь последнее люди видят лишь в бесконечном укреплении материальных основ жизни, решении проблем физического здоровья и полном отрешении от таких «ненужных и обременительных» духовно-мыслительных проблем. А это – путь в никуда: по сути, они всю жизнь укрепляют фундамент, ничего не выстраивая на нем.

Но ведь благодаря синтезу именно духовных знаний и разума, называемому в Библии мудростью, человек способен справиться с многими осязаемыми им проблемами. Напри-

мер, с проблемой здорового физического долголетия, поскольку в человеческой троичной природе физический, душевный и духовный планы энергетически взаимосвязаны. Так, благодаря своей вере, питавшей их *духовной* энергией, основатели русских монастырей проживали долгую *физическую* жизнь в диких, голодных условиях, усугубляемых трудами и добровольным постом. (К примеру, Антоний Печерский – 90 лет, Сергий Радонежский – 78, Кирилл Белозерский – 77, Нил Сорский – 75). Библейская Книга притчей Соломона содержит прекрасный монолог мудрости – главного действующего лица произведения, подтверждающий важность духовного начала в физической жизни человека. Фрагмент его вполне уместно процитировать: «И скудоумному она (мудрость. – *Г. М.*) сказала: «чрез меня умножатся дни твои и прибавится тебе лет жизни» (Притч. 9, 4,11). Правда, мы не знаем, внял ли мудрому наставлению тот, библейский, скудоумный. Современный же недоумок просто отмахнулся бы от подобного назидания, сочтя его неверно адресованным.

Даже если бы люди все вдруг стали праведными, то все равно не нашлось бы «человека праведного на земле, который делал бы добро и не нагрешил» (Еккл. 7,20). Но это не умаляет роли сотворенного добра. Значит, не только и не столько святые и безгрешные, но каждый человек способен противостоять натиску энтропии, замедлять процесс общей деградации и повышать вероятность личного спасения. Ко-

нечно, это возможно, лишь при *осознании* необходимости подобных действий. В общем, от каждого – по способностям, каждому – по вердикту Небесного Судьи. Естественно, такой подход потребует тотального пересмотра шкалы жизненных ценностей в пользу расширения ее духовной составляющей, что на сегодняшнем этапе божественного эксперимента маловероятно.

* * *

Сегодня люди предпочитают копить иные сокровища, которые «моль и ржа истребляют и где подкапывают и крадут» (Мф. 6,19). Сегодня живут лишь сегодняшним днем, не видя в нем переходного моста в день завтрашний. А потому так легко и прожигают настоящее, отрезая себе путь в будущее. «Бери от жизни все!» – этот бездумный агонизирующий клич, брошенный людьми без будущего и подхваченный ими же, звучит сегодня с телеэкранов, маячит на огромных рекламных щитах, соседствуя с тупыми самодовольными физиономиями этих самых берущих. Подразумевается, конечно, что брать надо здесь, сейчас, без отдачи, не считаясь ни с кем и ни с чем. Рекламных же призывов *давать* все (или хотя бы что-нибудь) этой жизни, обогащать ее своим трудом я нигде не читал.

Однако если предположить, что рекламируемые «ценности» и есть то самое «все», что только и может дать жизнь, если допустить, что из нее будет выхолощен начисто духовно-нравственный компонент, то она, *эта* жизнь, станет не

более ценной, нежели жизнь ординарного козла или свиньи. В общем, хорошая реклама, с самораскрывающимся подтекстом! Но поскольку ее рыночный замысел безошибочно ориентирован на воспрявшую ото сна людскую зависть и ослепляющее желание «красивой» жизни, постольку приторные рекламные физиономии гипнотически действуют на воображение, воспринимаются как неподдельно счастливые лица людей, *уже* живущих этой жизнью. Вредоносный же подтекст рекламы в целом при этом уходит в тень. Интересно, видят ли его авторы «шедевра»? Если – нет, то это свидетельство откровенного, «честного» убожества их жизненной позиции; если же – да, то это «волк в овечьей шкуре». Но в любом случае, реклама издевается над человеческим достоинством и культивирует примитивные животные наслаждения. Как не согласиться с Саади в том, что:

И зверь быть нами должен предпочтен
Тому, чья жизнь еда, питье и сон.
(Из «Бустана»)

Понятно, что персидский поэт тринадцатого века не мог охватить букета пикантных наслаждений нашей эпохи и поэтому ограничился набором простейших, стабильных зоологических радостей.

Однако следует помнить, что такой «содержательный» образ земной жизни чреват роковыми последствиями: «Смот-

рите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими, и чтобы день тот (судный день. – *Г. М.*) не постиг вас внезапно», – предупреждает Христос Своих учеников.

Парадоксально! Но именно «объядение» возведено сегодня в культ: ТВ-картинки, навязчиво рекламирующие изготовление пищи телесной и особенно ее поглощение в неприглядно– отталкивающих формах, буквально заполонили все программы.

* * *

Как уже говорилось, самость действует в тесном союзе «со священной» частной собственностью. Последствия этих контактов самые разные, но все – негативные. По сути, любой «минус», присущий самости как данность, развивается в результате такого содружества в нравственный порок. Нередко – в социально-опасный. К примеру, зависть, которая, как бы ни пытались ее порой обелить, всегда черная. И обращена всегда к темно-серому, животному началу в человеке. Белой же может быть только словесная ширмочка, прикрывающая ее при необходимости. Когда человек остро переживает недостаток плюсов и достоинств, которыми в избытке владеют или которых достигли другие люди (внешние данные, качества характера, деньги, талант, карьера, творческие достижения, связи и др.), и при этом сетует на *несправедливость* судьбы, то можете быть уверены, что его эмоции окрашены не в цвет ангельских одежд.

Христианская этика возвела зависть в ранг смертного греха. Последняя табуируется и десятой ветхозаветной заповедью: «Не желай ничего, что у ближнего твоего» (Исх. 20,17). Христос, развивая монолог Творца из Быт. 8,21 о *врожденных* пороках сердца человеческого, называет в их числе и зависть: «Далее сказал: исходящее из человека оскверняет человека; ибо извнутрь, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство» (Мк. 7, 20-23). Да, неплохой букет черноголовых махровых цветов, оказывается, можно собрать в сердце человеческом!

По утверждению святителя Дмитрия Ростовского, «зависть побеждается любовью» [35], с. 192. Однако в зоне равнодушия, где любви реально не существует, не может быть и речи о победе над завистью. Здесь реальным является лишь *удержание себя* от поступков, провоцируемых завистью, и не более того. Если мы вспомним историю первого библейского убийства, то, конечно, вспомним и его мотив – зависть, и строгое божественное назидание – *властвовать* над преступным желанием, порождаемым завистью (Быт. 4).

Зависть способна пробить брешь в сдерживающем сознании человека, даже усиленном жесткими нравственными императивами. А уж когда сняты практически все моральные и правовые ограничения, то противостоять желаниям и намерениям, возбуждаемым завистью, чрезвычайно трудно.

Зато легко заработать комплекс неполноценности, когда потребности превышают предел возможностей, и уныло страдать от него всю оставшуюся жизнь.

Сегодня скромный материальный достаток цинично приравнен к серьезному физическому недостатку, почти к уродству. А деньги, разумеется большие, являются неотъемлемым, если не единственным критерием *стоящей* жизни. Но кто же согласится расписаться в своей неполноценности? Кто не хочет «красиво» жить? Разумеется, никто! И вот влекомые завистью к состоятельным и удачливым, многие, очертя голову, хватаются за принцип: «цель оправдывает средства». К таким средствам может относится и преступление против личности: как чужой, так и собственной. Зависть беспощадно терзает душу своего владельца, если успехи постороннего оцениваются выше собственных, *даже* тогда, когда последние не так уж и низки. (Как-то по радио я услышал, что служащих некоторых британских фирм нервирует не столько низкий размер зарплаты, сколько его неодинаковость в среде работников одинакового уровня. Так что психологически «уравниловка» не столь уж однозначно негативна.)

В болезненном соревновании, становящемся самоцелью, все средства допустимы. Об одном из них говорится в старом еврейском анекдоте. Так, некий бедный еврей поймал золотую рыбку, которая пообещала ему в обмен на ее освобождение исполнить любое его желание, правда, с единственной

оговоркой: все желаемое получает не только он, но автоматически и его сосед, причем – в *удвоенном* количестве. Еврей, прикинув, что в этой жизни ему важна именно своя жизнь, а не соседская, легкомысленно согласился на условие волшебной пленницы. Отпустив рыбку, он тот час же заказал себе загородный дом со всеми удобствами, доступными его фантазии. Но когда он приехал в желаемую местность, то увидел рядом со своим шикарным дворцом два таких же, но принадлежащих соседу, человеку, который и рыбку-то никогда не ловил и вообще не имеет никаких заслуг и права на эту недвижимость! Скрепя сердце, он смирился с этим фактом и заказал рыбке «крутую» иномарку. Результат тот же, столь же болезненный. И так при исполнении каждого нового желания. Еврей уже боится о чем-либо просить рыбку, ему уже ничего не надо, «жаба» душит его. Наконец, спасительная мысль посетила беднягу: «Рыбка, – взмолился он, – сделай так, чтобы мне оторвало одно… (предположим) око!».

Вряд ли стоит уточнять, *чего и сколько* в этом случае лишится сосед, и комментировать анекдот в целом. Тем более что *такой* вариант поведения заказчика, если и возможен, то, действительно, лишь в анекдоте. В реальности же «вокруг нас» тот самый герой анекдота, думается, поступил бы иначе. Он вряд ли стал бы калечить себя, а попросив рыбку на время стать киллером, просто заказал бы ей своего соседа. Вариант отвратительный, но сегодня вполне имеющий место быть.

Зависть правит бал во всякого рода соревнованиях (в том числе – и в среде коммерсантов), состязаниях, первенствах, конкурсах. Ее рука тайно или явно действует в большинстве «несчастных» случаев в ситуациях, пропитанных духом соперничества и конкуренции. В этом плане весьма интересно замечание Пушкина: «Зависть – сестра соревнования, следственно из хорошего роду» [47], с. 301. Тонкая ирония!

Но если наша зависть всегда имеет причину и адрес (мы точно знаем, кому и в чем завидуем), то с *обидой*, подругой зависти, не все так однозначно: она может быть и необоснованной, и направленной не в ту сторону. Так, в притче Христа о хозяине виноградника работодатель, *в полном соответствии* с предварительным договором, расплачивается с каждым из работников равной суммой денег за их неравный по объему труд, но тем не менее возбуждает в них совершенно неправомочную обиду в свой адрес. Поскольку ситуации, схожие с евангельской, нередки и в современных «виноградниках», то я настоятельно советую как их хозяевам, так и работникам вникнуть в суть притчи из гл. 20 Евангелия от Матфея.

* * *

Разбирать по лепесткам каждый цветок из отвратительного сердечного букета, собранного в Мк. 7, 20-23, желания нет, как, впрочем, и необходимости. Я выбрал из него лишь одну скверну – завистливое око. Развернуть же остальные или найти еще кое-что сверх того, безусловно, может каж-

дый. Но поскольку «все это зло извнутрь исходит и оскверняет человека» (Мк. 7,23), постольку глубинно анализировать себя, копаясь в собственных моральных сквернах, возжелают далеко не многие. Гораздо легче и, главное, интереснее высвечивать душевные изъяны других людей.

Великий святитель Тихон Задонский сказал однажды: «Какие грехи мы видим в людях, те и в нас есть» (Цит. по [36], с. 71). Более того, мы только потому и видим в людях грехи, что сами в совершенстве владеем ими. (Можем ли мы, к примеру, понять речь другого человека, если сами в достаточной степени не владеем языком говорящего?) Тем не менее следует заметить, что вторая половина постулата, сформулированного святителем, для нас глубоко зарыта, первая же – как на ладони. Мы – крупные специалисты в области детального исследования сучков «в глазе брата твоего», однако при этом не чувствуем (да и не желаем того!) бревна в собственном глазе (Мф. 7, 3-5).

«И когда мы видим проявление зла или нечистоты в людях, то должны заглянуть в собственное сердце и спросить себя: «Нет ли во мне греха, который я вижу в брате моем?» [36], с. 72. Эта прекрасная рекомендация замечательного архипастыря Луки (знаменитого хирурга, ученого с мировым именем, профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого) идет значительно дальше идеи «Золотого правила», которое, как известно, предписывает воздерживаться лишь от того, что тебе не нравится в *других*. Наставление же архиеписко-

па-врача рекомендует подавлять и то, что тебе не нравится *в самом себе!* Но, к сожалению, в самом себе нам нравится все, включая и минусы. Для нас они святы, а для других – это «не твое собачье дело!». Ведь «мы все глядим в Наполеоны» (А. Пушкин), ведь мое мнение – это истина в последней инстанции, и если оно паче чаяния расходится с твоим, то *ты* – дурак. Вот так: коротко, ясно и даже с чувством собственного достоинства, хотя и ложного. Подобный высокомерный примитив подчас даже возводится в достоинство, выдается за отличительный признак индивидуальности.

Не то, чтобы люди в большинстве своем ставили себя на пьедестал. Нет, они способны наедине с собой признавать и даже порицать свои слабости и пороки. Но вместе с тем они не видят необходимости подавлять их. Зачем, по их мнению, терзать себя каким-то личным самосовершенствованием, если это не вызвано объективной необходимостью и не дает скорой и ощутимой выгоды или удобств? Однако люди не только легко мирятся со своими душевными изъянами и охотно прощают их себе. Нет! Они требуют большего: чтобы к их грехам с *пониманием* относилось и окружение! «Пусть принимает меня такой (таким), какая (какой) я есть!»

Это надменно-снисходительное, но весьма опрометчивое заявление нередко звучит в ежедневной низкопробной телепередаче, где цинично *подбирают* (подходит – не подходит) по определенным параметрам взаимоприемлемый живой товар – женихов и невест. Но ведь *даже любовь*, и та «покрыва-

ет множество грехов» (1 Пет. 48) лишь на непродолжительное время и в ограниченном множестве. А на какую, простите, терпимость к прогрессирующим с возрастом грехам партнера можно уповать в союзе, где любовь не подразумевается *изначально*? Впрочем, это уже другая тема.

Мы защищаем свои душевные пороки и нравственные изъяны, как слепо любящая мать защищает своих детей: от всех и каждого, кто, не дай Бог, приблизится к ним с критикой или замечанием. При этом в качестве средств активной защиты наших минусов пользуемся глуповатыми, но *как бы* вполне естественными, а потому и весьма устойчивыми, обобщениями. Приведу лишь два примера.

Первый. «Но ведь *всего* знать невозможно! И Вы ведь всего не знаете», – говорят нередко в оправдание своей неосведомленности люди с так называемым *высшим* образованием (и даже – с «двумя»!), причем в случаях, не требующих знаний выше уровня пятого-шестого классов средней школы. До чего же мы, право, склонны цепляться за крайности, как утопающий за соломинку! Но поскольку я и себя не исключаю из этого самого «мы», постольку позволю себе также прибегнуть к крайности, правда, полярно противоположной. Да, бесспорно, *всего* знать невозможно. Однако верно и другое: не знать *ничего* – тоже нельзя. Но если, не зная ничего, еще и *не пытаться* изменить ситуацию к лучшему, значит, не сопротивляясь действию энтропии, погрузиться в безнадежное скотоподобие. Ведь до сих пор стремление к позна-

нию, в отличие от тупого животного потребительства, считалось безусловной прерогативой человека.

Еще пример. Видимо, не только мне приходилось слышать оправдание: «Но ведь я живой человек! И мне, естественно, ничто *человеческое* не чуждо!». На первый взгляд, заявление кажется убедительным. Но если вдуматься в смысл сказанного, то нетрудно заметить, что все здесь поставлено с ног на голову, все здесь с точностью до наоборот. Верным было бы иное обобщение: «Хотя я и человек, но ничто *звериное* мне не чуждо». Как ни парадоксально, но чаще всего человек апеллирует к *человеческому* и напоминает всем, что он-де *человек*, в ситуациях, где проявлял себя именно как животное, «сиречь животина-скот, а не человек». Этот «человечный человек» не только не сопротивляется своим физиологическим позывам, не пытается истинно по-человечески «властвовать собой», но еще и пытается придать скотским по своей природе качествам статус человеческих слабостей. Можно ли, допустим, отнести к последним жадность, гнев, подавление слабого, сексуальную бесцеремонность, которым лукаво ищут (и находят!) «человеческие» оправдания? Не слишком ли? Да ведь у человечества хватает и своих, «специфически человеческих» грехов, названных Христом в Евангелии от Марка (Мк. 7, 21-23).

Безусловно, неслабая защита человеком своих «слабостей» снижает коэффициент полезного воздействия литературы и иных источников, формирующих духовно-нравствен-

ную составляющую ценностной шкалы, еще на дальних подступах к человеку. Однако «глухая защита» самостью своих порождений не может свести к нулю благотворное влияние извне. Поэтому ставить перед человеком нравственное зеркало (в любом обрамлении), где бы отражалось «бревно в собственном глазе его» (Мф. 7,3), нужно, и как можно чаще. Остается только пожелать, чтобы человек заметил его там. А заметив, понял, что это – инородное тело, с которым жить дальше нельзя.

* * *

Снижение нравственных параметров человека во временных рамках Нового Завета началось еще при жизни апостолов – современников Христа. Достаточно прочитать только первые главы Откровения Иоанна Богослова, чтобы убедиться в появлении первых признаков отхода первых церковных общин от «новой заповеди», данной Христом (Ин. 13,34), и Его реакции на эти отклонения.

Однако в Посланиях апостолов Петра и Павла еще активно фигурирует понятие *совесть* как мощный нравственный фактор. Совесть судит и обличает, она может быть уязвленной и оскверненной, доброй и порочной. К совести еще взывают, в ней даже можно сгореть (1 Тим. 4,2). Так что духовный план как *божественная* составляющая человеческой триады *в те* времена еще функционировал. Ведь «совесть, – по словам Николая Бердяева, – есть глубина личности, где человек соприкасается с Богом».

А что сегодня? Справедливости ради следует признать, что за две тысячи лет людские натуры обрели животную цельность и однородность, что за двадцать веков существования христианства и христианских заповедей человек достиг головокружительных успехов в… нравственной деградации. Сегодня его душа уже не способна терзаться угрызениями совести, поскольку последняя давно ее покинула. В результате такой утраты личность измельчала, душа очерствела к Богу и людям.

В безудержном стремлении к материальным благам человек уже не сталкивается с препятствием в виде нравственного долга; он не мечется между наслаждением и добродетелью, ибо и нравственный долг, и добродетели давно изгнаны из сердца человеческого идеалами «священной» частной собственности. Воистину, «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6,21).

Но обрел ли человек душевный комфорт, перестав жить на два фронта – материальный и духовный? Стало ли ему легче от того, что он отказался от второго во имя первого? Или же покой ему по-прежнему только снится? Похоже, что даже и не снится. Избавившись от болезней и трудностей духовного роста, он заразился инфекционной болезнью безудержного материального обогащения. Этот тяжелый недуг поразил душу человека, ввергнул его в состояние, которое по словам мудрого Соломона, есть «суета сует и томление духа» (Еккл. 4,16), «суета и зло великое» (Еккл. 2,21). Так

что покой к человеку сегодня не приходит даже во сне.

Создается впечатление, и даже уверенность, что христианские заповеди, обращенные к божественному началу в человеке, уже не в силах удержать его от сползания к зоологическим нормам бытия. Насколько это *так* – трудно судить, ибо мы не знаем, *как* выглядело бы сегодня нравственное лицо среднестатистического человека, не будь этих заповедей. Не следует забывать и о том, что людей, исполнивших индивидуальное задание свыше и не вышедших при этом за рамки закона Божьего, уже нет среди нас, теперь они на других уровнях бытия. И наконец, надо учитывать следующее обстоятельство.

В Евангелии от Луки (4,24) Христос обращается к собравшимся в синагоге: «Истинно говорю вам: никакой пророк не принимается в своем отечестве». В данном контексте «свое отечество» – понятие не географическое, а временное. Это качественное состояние общества в текущий, «свой» период времени. (Аналогичную мысль доходчиво озвучивает В. Маяковский в поэме «Хорошо!»: «Отечество славлю, которое есть, но трижды – которое будет!»).

Судьбоносные заповеди даются авансом, на вырост, для отечества, которое будет в… *следующей эпохе,* хотя они и обусловлены событиями, *современными* пророку, «движимому Духом Святым» (2 Пет. 1,21). Люди же текущей эпохи, то есть люди из среды, в которой вещает пророк, хотя и имеют «уши, чтобы слышать, а не слышат» его (Иез. 12,2),

ибо вещаемое пророком – не для их ушей. Миссия этих людей иная: *сохранить* и без искажения *продублировать* следующей эпохе все, ныне сказанное пророком.

Вывод, что осмысленное восприятие пророчества отстает во времени на целую эпоху (длительность эпохи составляет 2160 лет) относительно самого пророчества, подтверждается в результате сопоставления библейских фрагментов, связанных идейно и тематически. Так, в книге пророка Даниила, жившего в эпоху Овна (на рубеже седьмого – шестого веков до н.э.), говорится, что он, ветхозаветный пророк Даниил, получает указание Высших Сил: «…сокрой слова сии и запечатай книгу сию до последнего времени; многие прочитают ее и умножится ведение» (Дан. 12,4). Действительно, только в следующую эпоху, эпоху Рыб, Христос, комментируя сакральную истину, «реченную через пророка Даниила», утверждает, что «читающий да разумеет» (Мф. 24,15). Как видим, слова пророка доходят до сознания людей и «умножают ведение» лишь эпоху спустя.

Евангелисту Иоанну, автору Апокалипсиса, жившему в начале эпохи Рыб, ангел повелевает обратное: «…не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко» (Отк. 22,10). Естественно, заключительная книга священного Писания должна быть открыта *каждому,* «жаждущему и желающему воды жизни», *немедленно* – в эпоху, которая *уже* началась. Люди должны интенсивнее входить в *свою* эпоху, адаптироваться к ней, чтобы не поперхнуться, не

захлебнуться «водой жизни» в эпохе *следующей*, хозяин которой, Водолей, буквально обрушит живительную влагу на головы участников божественного эксперимента. (Как знак Зодиака Водолей изображается в виде человека с сосудом, из которого льется вода.) Людям необходимо осознать, что времени для *разумения* пророчеств, записанных в Апокалипсисе, у современников этой книги – в обрез: эпоха их исполнения уже близко.

В Евангелии от Иоанна (16,12) Христос, старший современник евангелиста, обращаясь к ученикам своим, то есть подготовленной, казалось бы, аудитории, говорит: «Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не можете вместить». Отсюда следует, что это «многое» будет сказано позднее, современникам следующей эпохи, уже способным «вместить». Даже апостолы не смогли самостоятельно постичь суть нравственных критериев Ветхого Завета, данных в *предшествующую* эпоху. Они этого достигли лишь с помощью Учителя, который «отверз им ум к уразумению Писаний» (Лк. 21,45) непосредственно перед Своим Вознесением. Так что не *им*, рыбакам и мытарям, а *через них* адресована человеку следующей эпохи заповедь Христа: «Исследуйте Писания» (Ин. 5,39).

Ну а мы, живущие *на рубеже* эпох Рыб и Водолея, можем ли мы «вместить» *сказанное* в Евангелиях и других новозаветных книгах? Да – для тех, «кому дано» (Мф. 19,11). Нет – для остальных, то есть подавляющего большинства,

ибо «многие слова Христа нами до сих пор непостижимы, потому что мы еще неандертальцы духа и нравственности» [17], с. 22. Нам глубоко чужд и смысл притчи: «Приобретение мудрости лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота» (Прит. 3,14).

Чтобы проникнуть в смысл некоторых «трудных» заповедей Христа, необходимо иметь более совершенную структуру мыслей и чувств. Должны быть в *принципе* другими тип, способ и, главное, масштаб мышления. Например, заповедь: «Ударившему тебя по щеке подставь другую» (Лк. 6,29) сегодняшний обыватель воспримет как декларацию трусости и безволия. Ему ближе закон талиона: «око за око, зуб за зуб» или даже превышение его норм: два зуба за один, чтобы обидчику впредь неповадно было. Этот индивид просто не может «вместить» масштабность заповеди Христа, ее вселенскую суть. Человек, ударивший по щеке, то есть сотворивший зло, выплескивает в среду обитания порцию негативной энергии. Если теперь пострадавший, внимая голосу мстительной самости, нанесет обидчику ответный (и только один!) удар, то он тем самым уже *удвоит* суммарный выброс энергии зла, уровень которого и без того высок: «…беззакония наши стали выше головы, и вина наша возросла до небес» (Езд. 9,6).

Или другой пример: «Всякому просящему у тебя давай, и от взявшего твое не требуй назад» (Лк. 6,30). Здесь речь идет об *удвоенном* импульсе положительной энергии, энер-

гии добра, улучшающем общий энергетический фон среды обитания. Способны ли мы на такие жертвы, моральные и материальные, *без усилий над собой?* Вряд ли: «…нет делающего добро, нет ни одного» (Пс. 13,3). Это образное изречение ветхозаветного царя Давида в наши дни воспринимается почти буквально.

Но что уж определенно мы обязаны были вместить за срок, превышающий эпоху, так это десять ветхозаветных заповедей, воспрещающих экстремальные формы зла. Они, заповеди, были даны в эпоху Овна для усвоения их людьми эпохи Рыб, эпохи христианства, в коей родилось и большинство ныне живущих. Однако если исходить из нравственных «достижений» текущего момента, то можно заключить, что современники эпохи Рыб *не справились* в целом с этой задачей: как из дьявольского рога изобилия на нас сегодня сыплется и льется скверна, однозначно табуированная Декалогом: убийство и насилие, кража и обман, обездоленные родители и изощренная подлость… Тем не менее не будем делать скороспелых, поверхностных выводов.

* * *

О нравственном фоне всей эпохи нельзя судить, исходя из вопиющей безнравственности ее завершающего этапа, который мы физически проживаем сегодня. В течение двух с лишним тысяч лет божественный Экспериментатор изменял условия эксперимента с людьми неоднократно и коренным образом, чтобы всесторонне испытать человека с его неиз-

менной от создания природой, включая и «зло от юности», во множестве разнородных ситуаций. В результате Творец убедился, вероятнее всего, лишь в одном: в *беспредельности* того, на что способно Его лучшее из творений.

Наряду с разгулом животных инстинктов, человек многократно являл миру прекрасную работу механизмов управления этими инстинктами. От полнейшей распущенности до жесткого аскетизма, от безудержного порыва страстей до беспощадного властвования собой – таковы лишь некоторые «полярные» возможности человеческой триады.

Войны, революции, подъемы Отечества из разрухи – эти этапы эксперимента предельно обнажили в Человеке чисто человеческие же признаки: духовную мощь и нравственное величие. Более того, очень многие люди опередили в духовном плане «свое» время: в эпоху Рыб они самоотверженно исполняли божественные установки, предназначенные грядущей эпохе Водолея. Они не просто уклонялись от зла, но и являли эталоны добра. Разве мыслимо, к примеру, представить себе, *сколько* раз и в *каких* условиях была исполнена высочайшая христианская заповедь: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13)? Менялись ее формулировки применительно к ситуациям, допустим: «сам погибай, а товарища выручай», но не менялся ее высокий жертвенный смысл. Во времена «Морального кодекса строителя коммунизма» мы еще держали высокую нравственную планку.

Тому способствовали: благоприобретенное индивидуальное самосознание и жесткая партийная дисциплина. И то и другое – плоды морально здоровой экономики, нимало не зараженной вирусом «священной» частной собственности. Мы располагали широким спектром высоких нравственных ориентиров, разносторонняя декларация которых в известной степени уравновешивала инстинктивные позывы самости, сдерживала имманентное зло в придонных слоях человеческой души; ценностная шкала большинства людей включала в себя достаточно разветвленную духовно-культурную зону. Понятия «мое» и «наше» пребывали в относительной гармонии, по крайней мере – не являлись антагонистами. Государственные законы не находились в противоречии законам нравственным, не являли вызова последним.

Условия божественного эксперимента в целом были сведены в хорошо согласованную динамичную систему, в длительной жизнеспособности которой никто не сомневался. Она представлялась нам вечной и нерушимой. И все же «скала» эта рухнула, и практически – мгновенно. Что же явилось причиной обвала? Человеческий фактор или божественная воля? Разумеется, – последнее, но в обличье – первого.

Эпоха Рыб подходила к своему завершению, но глубина человеческой низости, нутро его животной самости, степень сердечного зла «от юности» не были, да и не могли быть, раскрыты полностью. В *социалистических* условиях божественного эксперимента время, когда «отступники исполнят ме-

ру беззаконий своих» (Дан. 8,33), то есть явят крайние формы безнравственности, наступить не могло *в принципе,* поскольку партийно-государственная система блокировала *такое,* как правило, своевременно и жестко.

Творцу же тем не менее в канун новой эпохи крайне необходима максимально полная информация о низкопробных качествах человека, знание всех «резервов» его греховности. «Не спешить колебаться умом и смущаться… будто уже наступает день Христов… ибо день тот не придет, доколе… не откроется человек греха, сын погибели» (2 Фес. 2,3). Иными словами, без глубокого ведения того, на что *еще* способно Его лучшее творение, без ревизии арсеналов его нравственности Создатель не может успешно программировать дальнейший Свой эксперимент. Без знания всего комплекса негативных возможностей созданного Им человека Творцу затруднительно корректировать индивидуальные жизненные программы людей в новой эпохе. Ведь в нее-то *естественным* образом перейдут все, дожившие до нее физически, большинство из которых не готовы к этому морально. Ясно, что «дефектных» участников эксперимента с их неадекватными новой эпохе взглядами, Творцу желательно выявить заранее, чтобы в новых условиях формирования пожизненных индивидуальных заданий вносить в последние соответствующие коррективы.

Конечно, человеческому сердцу присуще «зло во всякое время» (Быт. 6,5), но поскольку сами времена (эпохи) меня-

ются, постольку обновляются и формы реализации зла. Так что каждому времени – «свое» зло, и тащить в новый этап эксперимента *нераскрытое* зло из прошлого – излишняя нагрузка на эпоху. Зло должно быть явлено Богу в нюансах и *в свое* время, которого остается, кстати, все меньше и меньше: эпоха Водолея поджимает буквально. Поэтому Бог резко меняет условия эксперимента. Но каким образом?

Дав его участникам небольшой временной отрезок (период «горбачевской» перестройки) для предварительной адаптации к принципиально новым условиям жизни, Он делает ход действительно достойный Творца! Изменив характер всего лишь *одного* параметра Своего эксперимента, Бог инициирует цепную реакцию, которая коренным образом и в кратчайшие сроки изменяет его характер *в целом.*

Выхолостив из экономики страны ее гуманистическую сущность, Творец вживляет в нее сущность зоологическую. Эта многоглавая «священная» гидра, разъедая материальную основу общества, его фундамент, буквально обрушивает *всю* жизнь, все ее аспекты, в том числе, и это главное: нравственный, культурный и духовный. Общественная триада распалась, неумолимо разлагаются вширь и вглубь триады индивидуальные. Новые, потребительские идеалы столкнулись с нравственным императивом предыдущего этапа божественного эксперимента. В этом хаосе быстро вызревают идеальные условия для разгула преступности и, следовательно, раскрытия зла, несущего в себе столь *необходимую Богу*

информацию.

Думается, что сегодня, по прошествии двадцати лет рыночно-базарной жизни, слова Библии: «И воззрел Бог на землю, – и вот, она растленна: ибо всякая плоть извратила путь свой на земле» (Быт. 6,12), как и в предпотопные времена, исчерпывающе характеризуют духовно-нравственное состояние людей: «И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого» (Лк. 17,26). Но есть и принципиальная разница.

В Библии Господь, видя, «что велико развращение человеков на земле, раскаялся, что создал человека на земле и восскорбел в сердце своем» (Быт. 6, 5-6). Грех проник в людей настолько глубоко, что его можно было уничтожить только вместе с ними, и Творец решается на потопление всего живущего на земле, кроме семейства якобы праведного Ноя. (Кстати, неспособность разглядеть в последнем безнравственную личность подчеркивает еще раз, что Творец отнюдь не всеведущ, и действует нередко методом проб и ошибок.)

В настоящее же время, на закате эпохи Рыб, людям, даже дошедшим до самого дна бездны зла, уже не грозит массовое уничтожение свыше, ибо «сказал Бог Ною и сынам его к ним: не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на уничтожение земли» (Быт. 8,11). Правда, более вероятным видится иной исход: эта самая плоть погибает не в водах всемирного потопа, а в пучине собствен-

ных экскрементов.

Однако Экспериментатор не допустит и этого: Спаситель, как и в начале эпохи Рыб, придет раньше *тотального* уподобления двуногих участников эксперимента четвероногим братьям нашим меньшим; но позже *той* его фазы, когда жизнь человеческая обесценится настолько, что многие будут завидовать библейским утопленникам, – зло должно созреть.

Кое-что для ускорения этого процесса мы уже сделали. Например, наложив мораторий на смертную казнь, успешно воспрепятствовали исполнению заповеди Христа, относящейся к кровавым убийцам и насильникам: «Да придет на вас вся кровь праведная, пролитая на земле» (Мф. 23,25). Этим «гуманным» в отношении злостных преступников актом мы выхолостили гуманную (без кавычек) суть из другой заповеди, апостола Иакова: «Суд без милости не оказавшему милости» (Иак. 2,13). Разве мягкие, *с милостью,* приговоры суда, сохраняющие жизнь педофилам и живодерам, которых, уж верно, просили о *милости и* пощаде их беззащитные жертвы, *само по себе* не является преступлением пред Богом и людьми?! Впрочем, сегодняшняя жизнь – это серия боев без правил.

* * *

Самое темное время наступает перед рассветом. Судя по всему, этот час еще не приспел, хотя мрак интенсивно сгущается. «По причине умножения беззакония во многих охладе-

ет любовь» (Мф. 24,12). Но поскольку беззакония и надругательства над законом обретают глобальный, всепроникающий характер, постольку любовь, охлаждаясь и *переохлаждаясь*, кристаллизуется в человеческую (даже не звериную!) ненависть.

Да, от любви до ненависти, как говориться, один шаг. А вот обратный процесс, к сожалению, невозможен:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.
(Н. А. Некрасов. «Замолкни, Муза мести и печали!..»)

Об этом свидетельствует резкое ужесточение преступности вообще и, что самое страшное, подростковой – в частности. Наше ТВ демонстрирует такие ее «образцы», что возникает не ужас или страх, а, простите, рвотный рефлекс. «Нередки случаи, когда принадлежность к роду человеческому перестает быть предметом гордости и становится источником стыда» [27].

«Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежит всему тому быть. Но это еще не конец» (Мф. 24,6). К глобальным катаклизмам и личным катастрофам, названным Христом в Евангелиях от Матфея, Марка и Луки, равно как и к заключению: «…ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доныне, и не будет», можно относится поразному. Можно, допустим, считать это развернутой гипер-

болой, приложимой, поскольку «жизнь на земле никогда не была раем» [18], с. 30, к любому периоду эпохи, к любому этапу божественного эксперимента.

Однако современный этап отличается от предыдущих тем, что, начинаясь в эпохе *провозглашения* заповедей, пророчеств и предсказаний, он плавно перетекает в эпоху их *исполнения*. Более того, некоторые из них уже сегодня исполняются *буквально*, а не символически. Так, пророчество: «И восстанут дети на родителей и умертвят их» (Мк. 13,12), условно, в контексте общей проблемы отцов и детей можно, конечно, отнести к бескомпромиссному противостоянию их мировоззренческих позиций, отрицанию (умерщвлению) детьми родительских идеалов и ценностей.

Но и буквальное исполнение пророчества, то есть физическое отцеубийство и матереубийство не как *единичный* факт, а *серия*, есть мрачная реальность сегодняшнего дня. Кстати, и первая часть рассматриваемого пророчества: «Предаст же брат брата на смерть и отец – сына» – также исполняется буквально и широко. Трудно сказать точно, сколько младенцев предано и продано, брошено и выброшено их «родными» папами и мамами! Но даже информации, доводимой до нас, с избытком хватает, чтобы прийти в ужас.

Итак, в глухой предрассветной тьме должны обнажиться и стать видимыми Богу и людям еще более страшные деяния, доступные человеку. По крайней мере, тенденция к тому вполне очевидна. Однако кульминационный пери-

од этих страданий, как и любое пиковое состояние, будет сравнительно недолгим. В отношении его продолжительности Христос говорит буквально следующее: «И если бы Господь не сократил тех дней, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранных, которых Он избрал, сократил те дни» (Мк. 13,20).

Первая часть сказанного Христом, по сути, развивает послепотопное обещание Творца: «Не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал» (Быт. 8,21). Что же касается второй части этого откровения, то из нее следует, что любой участник божественного эксперимента, *всякая плоть*, паразитирует, того не подозревая, на тех, кто более успешен и перспективен в своем духовном продвижении, у кого на шкале жизненных ценностей духовно-нравственный сегмент не просто имеет место, а значительно шире остальных. Так, в преддверии уничтожения Содома, как следует из Быт. 18, Господь соглашается на просьбу Авраама не проливать на город «дождем серу и огонь с неба» *при условии,* если в нем найдется хотя бы десять праведников. Бог допускает, чтобы на каждом из них «повисла» десятая часть горожан, утопающих в разнузданном грехе. Не слишком ли велика нагрузка на тех, кто «уклонялся от греха и делал добро»? Предельно ясно, что ее можно уменьшить лишь путем увеличения числа праведников и уменьшения весомости греха каждого из жителей.

Библейская ситуация успешно вписывается в нашу дей-

ствительность даже без исключения из нее содомского греха. (Правда, сегодня он и называется уже по-другому, и, вообще, это уже не грех). Но тогда резонно предположить, что вписываться она должна непременно в комплексе со *всеми последствиями,* ею вызванными, и, конечно, возмездием за содеянное.

Но с каких бы позиций, ветхозаветных или новозаветных, мы ни подходили к сегодняшнему этапу, ясно, что продолжительность человеческих страданий в его финальной, самой темной фазе зависит только и только от степени праведности каждого из нас. Надеяться на корректирование (смягчение) ситуации Творцом не следует: в любом случае, независимо от численного соотношения праведных и грешных, Он получит *адекватную ей* информацию об «угодном и неугодном в очах Господа». В Книге Иова (22,3) читаем: «Что за удовольствие Вседержителю, что ты праведен? И будет ли Ему выгода от того, что ты содержишь пути твои в непорочности?». Бог не предвзято, а объективно фиксирует поведение каждого участника Своего эксперимента, и выявленная при этом праведность важна лишь для *самого* человека, ибо *это* главный критерий в божественном решении его дальнейшей судьбы. «Разве может человек доставлять пользу Богу? Разумный доставляет пользу самому себе» (Иов. 22,2). Хочется продолжить: «Да, но только – при покровительстве свыше. Вне этого условия можно биться хоть головой в стену и при этом не доставлять пользы само-

му себе».

* * *

Естественно, Бог видит ситуацию дальше и глубже человека, но и того, что видит человек, вполне достаточно, чтобы сделать определенные выводы. Мы видим, к примеру, что большинство участников эксперимента отреагировало на изменение его условий тем, что заметно снизило свою нравственную планку, адаптировалось к злу; что меньшая, но все же значительная часть соблюдает «устаревшие» нравственные нормы, уклоняется от зла. И наконец, что уж совсем незначительной части людей, буквально единицам, присуще возрастание (!) нравственных требований к себе и окружающим, делание добра. Естественно, эти выводы базируются на личных наблюдениях и сообщениях СМИ.

О первой, я бы даже сказал, первичной, реакции большинства человеческих душ на прокламацию идеалов «священной» частной собственности говорилось достаточно подробно. Можно сказать, что эти деморализованные люди с омертвевшим духовным планом и заземленной душой и есть те самые библейские «нечестивцы» и «никакая плоть», но только в нашем времени. Это те, кто может получить божественную амнистию только за счет праведников и избранных (Мк. 13,20). Однако несмотря на их одиозность, они крайне необходимы Творцу, ибо составляют для Него бесконечный калейдоскоп пороков сердца человеческого «от юности» и «во всякое время», особенно тех, что трактуются человеком

сегодня *как добро.* К тому же эта категория служит фоном для другого сорта участников божественного эксперимента.

Следующая категория – это те, кто терпеливо переносит удары и соблазны внешнего мира, старается удержаться на плаву. Они соблюдают в большинстве своем первую половину заповеди апостола Петра – «уклоняйся от зла», но уходят от исполнения второй – «и делай добро» (1 Пет. 3,11). Поэтому они, не будучи до конца праведными, все же придерживаются как-то их пути, ибо «путь праведных – уклонение от зла» (Пр. 16,17). Естественно, в ситуации, обрисованной Христом в Евангелии от Марка, эти люди будут спасены, ибо «претерпевший же до конца спасется» (Мк. 13,13).

И, наконец, третья, самая незначительная количественно, но самая значимая по статусу категория – праведники. Они перешагнули рубеж уклонения от зла, «желание праведных есть одно добро» (Пр. 11,23). Ими спасается не только человек, но и всякая плоть: «Праведный печется и о жизни скота» (Пр. 12,10). Сам же он «верой жив будет» (Рим. 1,17). И это ставит его во главу угла божественного эксперимента: из среды праведников Творец избирает тех, кто достоин восхождения на очередной эволюционный виток. Иначе говоря, «праведникам и воздается добром» (Пр. 13,22).

Однако в рафинированном виде такой категории не существует, ибо «нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы» (Еккл. 7,20). Вопрос в другом: *чего* в этом синтезе больше? Сравнивая «уклонистов от

зла» и праведников, мы видим, что прежде всего они различаются характерами критериев добра и зла. Если для первых добро – это *уклонение от зла*, то для других зло – это *неделание добра*. В свете притчи Христа (Лк. 10) первые в большей степени тяготеют к левитам и священникам, вторые – к доброму самарянину; одни руководствуются десятью запретительными заповедями, данными Моисеем, другим ближе заповеди любви, данные Христом. Вот в таких пиковых ситуациях испытывает человека Бог-экспериментатор.

В нравственном калейдоскопе праведника «картинки» активного добродеяния складываются чаще, нежели невыразительные проходные сценки уклонения от зла. Праведные – люди далеко не святые. Они – не без грехов, но грехи эти локальны и не заразны для окружающих, а добродетели стабильны и *неподдельны*. Пытающиеся же надеть *маску* праведности падают ниже нижнего нравственного дна: фарисейство – страшный, трудноузнаваемый грех, нещадно бичуемый Христом и апостолами.

Уклоняющиеся и от злодеяний, и от добродеяний – это те, кто, по определению Христа, «тепл, а не горяч и не холоден» (Отк. 3,16). Они, по сути, сами того не подозревая, творят и то и другое одновременно или в разное время, в зависимости от обстоятельств. Отнявший у юродивого копеечку (А. Пушкин. «Борис Годунов») или «давший камень в руку, просящую хлеба» (Мф. 7,10), безусловно, гнусный мерзавец. Давший же юродивому просимую копеечку или даже две –

безусловно, добросердечен. А вот не давший и не отнявший? Просто прошедший мимо? Каков он, этот равнодушный человек? Он – добросердечен по отношению к первому, ибо не надругался над нищим, не ухудшил его и без того тяжелого положения; он – жестокосерден сравнительно со вторым, ибо не облегчил, а ведь мог, мучений голодного человека.

В широком смысле эти три разновидности участников божественного эксперимента, будучи хаотично перемешанными, составляют некую *нейтральную зону*. В ней временно, в соответствии с условиями эксперимента, допустимы все виды нравственной деятельности, что и «нейтрализует» ее в целом: «Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святый да святится еще. Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его» (Отк. 22, 11-12).

Выше этой зоны располагаются те, кто заслужил «право на древо жизни», то есть на эволюционное восхождение. Ниже – «всякий любящий и делающий неправду», неверные и скверные, псы, убийцы и чародеи, то есть заслужившие «участь в озере, горящем огнем и серою» (Отк. 21,8).

В общем, нравственная зона, в которой мы пребываем сегодня, это своего рода полуфабрикат, первичная смесь, сырьевая база для производства и добра, и зла. В приграничных слоях, что вполне естественно, наблюдаются диффузионные процессы: вверху – вялотекущие, к праведности; вни-

зу – интенсивные, к злу. Поэтому нравственный потенциал условно нейтральной зоны, в силу закона энтропии, в целом заметно снижается, тяготеет к зоне зла, и вряд ли кто-нибудь сегодня станет отрицать *это*.

Прекратить его сползание и обеспечить последующий подъем *теоретически* возможно: для этого достаточно умножить контингент людей, нравственно тяготеющих к верхней зоне – зоне добра. Однако добиться последнего в существующих рамках божественного эксперимента, в условиях «священной» частной собственности – *практически* невозможно. Представление, что, карабкаясь вверх по эскалатору, бегущему вниз, мы *поднимаемся* – всего лишь иллюзия: для этого эскалатор надо как минимум остановить.

* * *

Бытует мнение, что отсутствие нравственных законов и дефицит совести вполне возможно скомпенсировать принятием «совершенных» юридических законов, якобы способных все исправить и поставить на место. Однако при этом не учитывается наша традиционная необязательность в исполнении законов и упускается из виду, что человеческая самость изощреннее любого из них: на новый яд она быстро вырабатывает сверхновое противоядие. Эти две «поправки» к законам сводят на нет сами законы: люди прежде всего думают не о том, как их исполнить, а как обойти их или найти в них лазейки. Кстати, в последнем мы заметно преуспели.

«Вера – скрепы нашей жизни», – сказал в одной из про-

поведей (15.01.11) патриарх Кирилл. Исчерпывающее определение! В точку! И когда эти скрепы ослабевают или исчезают вовсе, жизнь превращается в огромную бессистемную россыпь отдельных жизней или ячеек – случайных, семейных, корпоративных и других. Призывы: «Побойся Бога! Не бери грех на душу!» – могли бы пресечь в человеке злонамеренную мысль, но только в человеке истинно верующем, ибо верующий в Бога – это, прежде всего, имеющий совесть или, по Бердяеву, соприкасающийся с Богом. Но когда в душе человека, даже если он мимоходом посещает церковь и постоянно носит крестик, нет места Богу, то ему и бояться некого, и греха как понятия для него не существует. Поэтому и законы не действуют, а их обилие говорит лишь о слабости или полном отсутствии в обществе главнейшего закона – закона нравственного. Ведь последний не требует мелочной регламентации человеческих поступков, в нем многие поведенческие нормы растворены как органически присущие ему компоненты, как нечто само собой разумеющееся.

По мнению апостола Павла к примеру, заповеди ветхозаветного закона: «не убивай», «не прелюбодействуй», «не кради», «не лжесвидетельствуй», «не пожелай чужого» и другие заключаются в одной-единственной заповеди – заповеди любви, в сем слове: «люби ближнего, как самого себя». И значит любые запреты на совершение зла в «зоне любви» совершенно излишни, ибо *в принципе* «любовь не делает ближнему зла» (Рим. 13,9). Как бы мы ни совершенствова-

ли юридическую базу, сколько бы мы ни плодили законов и ни подгоняли их под все случаи жизни, преступности в человеческом обществе с *зоологической* нравственностью – не изжить даже частично. Нет у нас веры ни в Бога, ни в людей, ни в самих себя. Нет у нас, наконец, и «веры как доверия к бытию» [17], с. 23, что просматривается невооруженным глазом на лицах и в поведении наших вечно брюзжащих верующих. Один безбожник говорил: «Если посмотреть на лица этих христиан, то нельзя подумать, что они верят в такие чудесные вещи». Как говорил преподобный Серафим: «Нет у нас пути унывать, а мы в этом сидим» [18], с. 29.

«Священная» частная собственность изолировала высоконравственные ориентиры, утвердила примат материального благополучия над духовными идеалами. Люди, не ведая того, превратились в жалких пожизненных пленников земных, чувственных благ. «Кто мучается земными вопросами, тот ответа о Небесном не получит», – писал Николай Рерих («Листы Сада Мории»). *Безверие и страсть* – вот краеугольные понятия, характеризующие нижнюю зону ценностной шкалы, засосавшую обывателя. Все остальное многоцветье пороков, «зло во всякое время», – лишь огромное потомство этих плодовитых прародителей.

Однако небесное не может быть уничтожено земным; на святое человек может только замахнуться (и замахивался!), но не разрушить его; верхняя зона ценностной шкалы, зона добра, может быть только временно заблокирована зоной

равнодушия и эгоизма, но не стерта ею.

Что же является *доминантой* высших ценностей? Так сказать, добром из добра? При всем многообразии формулировок и определений применительно к разным временам и эпохам (достаточно заглянуть в соответствующие словари по философии и этике) структурообразующим центром понятия «добро» является *самоотверженность:* «…если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя» (Мф. 16,24).

Если одной из специфических сущностей, отличающих человека от животного, является любовь, то *исключительной* сущностью, отличающей Человека от человека, является Любовь *самоотверженная*: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13). Естественно, это апогей – деяние, совершаемое даже в экстремальных ситуациях далеко не каждым. Отвержение себя на уровне собственной жизни – удел героев-одиночек. И это – не насилие над собой, не изнуряющий выбор. Это – *естественный для них* акт обретения высшего счастья и душевного блаженства, соседствующего с телесными муками. Видимо, это имеет ввиду пушкинский персонаж из «Мы проводили вечер на даче…», когда вопрошает: «Разве жизнь уж такое сокровище, что ее ценою жаль и счастия купить?».

Такие люди относятся к категории пассионариев. По определению Л. Н. Гумилева, это люди, «пассионарный импульс у которых превышает импульс инстинкта самосохранения». Под пассионарным импульсом понимается «поведенческий

импульс, имеющий направленность, противоположную инстинкту личного и видового сохранения» [37], с. 345.

Жертвенную сущность Любви с позиции Евангелия раскрывает А. Мень. Он пишет: «Любовь Христа стала любовью самоотдающей, поэтому Он говорит "кто хочет идти за Мною, пусть отвергнет себя". То есть своей самости – не своей личности, отнюдь, личность святое, а своего ложного самоутверждения, самости» [17], с. 20. Иными словами, приняв за доминанту зоны добра способность к самопожертвованию *во имя,* мы должны признать, что в качестве жертвенного тельца, по смыслу и независимо от формы конкретной жертвы, *всегда* будет выступать *человеческая самость.*

Мерилом добра служит жертвенность. Делать добро, не принося в жертву *чего-то от себя,* в принципе невозможно. В исключительных случаях, как уже говорилось, *этим* будет собственная жизнь, а на повседневном уровне – что угодно: здоровье, душевный комфорт, благополучие, внимание, время, деньги, личная собственность или личное желание (разумеется, все это в разной степени); даже – свобода, честь и авторитет, принесенные во имя более высокой ценности (в представлении жертвователя, конечно).

Оказать человеку мало-мальски значительную помощь, казалось бы, немыслимо без хотя бы какого-то *ущерба* для себя: принципы сохранения материи и энергии обойти нельзя. Однако подобный вывод – это заключение извне, «третьей стороны»: сами же эгоисты и альтруисты *таковыми* се-

бя не считают. И те и другие устремлены к *одной и той же* цели: комфортному, умиротворенному состоянию души. Только одни достигают его за счет присвоения (сохранения) ценностей, а другие – их отдачи (самоотречения). Это две стороны одной медали: эгоизм есть альтруизм наизнанку.

Реакция же *самости* на добрые дела вполне очевидна: независимо от масштаба последних, она всегда будет их врагом. Так что вторая часть апостольской формулы самосовершенствования: «делай добро» (1 Пет. 3,11), по существу, сводится к призыву: «укрощай свою самость». А вот первую часть заповеди: «уклоняйся от зла» – самость может в зависимости от ситуации дополнить и зловещим «разумным» предупреждением: *«иначе – будешь отвечать»*. Включив инстинкт самосохранения, мгновенно сопоставив все «за» и «против», она может спасти злоумышленника, упредив его от тяжелых для него последствий. Двойственная роль самости вполне очевидна: она способна как побудить человека к злодеянию, так и удержать от него – налицо все признаки поведения животного с его обостренным инстинктом самосохранения.

* * *

Опорная поведенческая заповедь из 1 Пет. 3, 11, по существу, двухполярна. Между ее «полюсами», принципами: «уклоняйся от зла» и «делай добро», ощущается пробел, в котором, в силу троичного восприятия мира, первый и второй принципы должны были бы как-то сочетаться в тре-

тьем (подобно душе человека, соединяющей и одновременно разделяющей его животную и духовную ипостаси). Да, в апостольской формуле действительно пропущен ее средний член. Он, вероятно, должен бы формулироваться следующим образом: «Борись со злом во имя добра».

Борьба со злом – это особая категория деяний, отличная как от пассивного уклонения от зла, так и от активного сотворения добра. В отношении последнего, это, образно говоря, есть и его предтеча, и его защита. К примеру, факторы, совершенствующие здоровье человека: физкультура, режим дня, правильное питание, профилактическое лечение и т. д. (добро) – могут быть эффективными лишь при жестком *предварительном* подавлении факторов, разрушающих его, то есть при защите его от алкоголя, наркотиков, курения и т. д. (борьба со злом). (Кстати, рекомендация: «Уклоняйся от зла» допускает разночтение, в чем я убедился лично. В первом значении – «уклоняйся от причинения зла другому человеку»; во втором – «уклоняйся от зла, причиняемого другим человеком, как от отравленной стрелы». Я считаю, что контекст заповеди подразумевает все-таки первый вариант.)

Думается, что среднее звено в житейском наставлении апостола опущено не случайно. Поскольку Петр наставляет отдельно взятую личность, постольку его рекомендации носят индивидуальный характер. Действительно, в одиночку можно *творить* и добро, и зло. Но в одиночку нельзя *бороться со злом,* здесь – «один в поле не воин». Силы зла

многогранны, хотя и фокусируются в точку. Зло по своей сути является векторной величиной, оно всегда целенаправленно, оно никогда не бывает «вообще». Его сила всегда обращена на кого-то или против чего-то. Поэтому бороться со злом может только – *антизло:* встречное действие, сила которого равна силе зла или превышает ее. Вспомним, к примеру, какие жесткие физически и словесно методы (антизло) применял Христос в борьбе со злом, изгоняя торгующих из иерусалимского храма (Ин. 2,15)!

Но это – Богочеловек! Простому же смертному, даже если с помощью единомышленников он и свершит нечто подобное, аналогичные действия будут инкриминированы как самосуд, естественно, со всеми вытекающими последствиями. Если вы, к примеру, *внутри* своей квартиры или дачи установите на ночь капкан на вора, и последний, залетев туда, получит увечье, не совместимое в дальнейшем с его «профессией», то вас накажут по закону едва ли мягче, нежели преступника. Хотя следовало бы поощрить: во-первых, благодаря вашей изобретательности одним ворюгой становится меньше и, во-вторых, создается тревожный резонанс в преступной среде пока еще не изуродованных его сотоварищей.

Кстати, Ветхий Завет, с его жестким законом талиона, объективнее подходил к индивидуальным борцам со злом, нежели наш «самый гуманный суд в мире». Так, в книге Исход (гл. 22, ст. 2) Господь Бог освящает следующую правовую норму: «Если кто застанет вора подкапывающего и уда-

рит его так, что он умрет, то кровь не вменится ему. Но если взошло над ним солнце, то вменится ему». Как видим, уничтожение носителей зла, хотя бы в ночное время, было в прямом смысле святым делом.

Сегодня же это опасно: активная борьба один на один со злом приравнивается к *неуклонению* от зла. Так что терпите и дальше, уважаемые потерпевшие, или пытайтесь подключить к единоборству со злом громоздкую, тихоходную правоохранительную машину, которой государство доверило преследование зла. Сами же – упаси вас Бог! Иначе вы рискуете получить двойной ответный удар: один – в отместку от растревоженного зла, другой – по закону: пресловутая степень необходимой обороны – норма, *не бесспорно* защищающая вас.

Отдельные критические выпады против зла малоэффективны еще и по той причине, что слишком уж различен *порог восприятия* зла, как различными людьми, так и единым законом. «Процент содержания зла» в одном и том же событии они будут исчислять по-разному. К примеру, так называемая любительская охота на диких животных. Закон и люди, охочие до убийств «братьев наших меньших», вообще не относят ее к злодеянию. Но есть и полярно противоположная точка зрения, с которой люди, чувствительные к злу, воспринимают это *любительство* как нравственное извращение. «Ведь на его (любителя охоты, – *Г. М.*) стороне классики: и Тургенев, и Хемингуэй и многие другие пев-

цы бессмысленного убийства, поэтизировавшие и превратившие его в утонченное романтическое и извращенное удовольствие» [27], с. 153. Справедливости ради, следует заметить, что и чувствительность к добру лежит так же в весьма широком диапазоне: от холодной бесчувственности до слезной растроганности.

Ходульные заявления о том, что зло побеждается исключительно добром, к сожалению, реализуются только в сказках и произведениях, где:

…при конце последней части
Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок.
(А. Пушкин. «Евгений Онегин»)

Практически же этого не может быть, поскольку добро по отношению к злу является *питательной* средой последнего. Зло существует и развивается *только* за счет добра. Мягкотелое, беспомощное добро, в отличие от жесткого антизла, не может эффективно противостоять злу еще и в силу того, что работает оно в плоскости, *параллельной* действию зла. Поэтому старания добра *как борца со злом* не пересекаются с последним, не достигают цели. А если косвенно и воздействуют на зло, то этим лишь раздражают его и побуждают к еще большим злодеяниям. Примеров тысячи, возьмем два разномасштабных.

Один добрый человек пенсионного возраста делает по-доброму замечание за *что-то* группе недобрых (это выяснилось позже) детишек. Думается, «воспитательный эффект» в общем случае вполне предсказуем: дай Бог этому доброму борцу со злом подобру-поздорову унести ноги. Зато юные вершители зла, естественно, укрепились в вере, что – *все можно*.

«Чтобы чиновник не брал взяток, ему надо хорошо платить», – директивно убеждают нас и законодатели, и исполнительная власть. Этот добрый метод борьбы со злом уже привел к тому, что «государевы люди» не только не отказались от взяток, но и повысили их минимальный размер пропорционально повышению своей зарплаты.

Зло экспансивно и неуемно в своих амбициях, оно бесцеремонно расширяет свой ареал, особенно в зоне равнодушия, когда молчит антизло. К примеру (весьма наглядному), компания отпетых мерзавцев не придет пировать на ранее изгаженную ими полянку, а будет искать для очередного уик-энда новое местечко. И так до тех пор, пока всю «зону отдыха» они не превратят в сплошной человеческий свинарник. Подбирать же экскременты, оставленные злом, естественно, терпеливая миссия покладистого добра. Правда, иногда в воспитательных целях оно прибегает к методам убеждения, увещевания зла. Подчас – весьма оригинальным.

Так, много лет назад в Паланге, у центрального входа в приморский парк, вместо привычных табличек с призыва-

ми: «По газонам не ходить!», «Цветы не рвать!» – красовался стенд с отдельными сценками из «парковой» жизни. К примеру, симпатичная самодовольная свинья с многочисленным потомством беззаботно разлеглась на клумбе; козлы играют в бадминтон на цветочном газоне, а баран, забравшись в розарий, составляет букет для своей возлюбленной овцы.

Комментарии, разумеется, излишни. Но каков же «воспитательный» эффект? Нулевой! Ибо *людям* эти более чем прозрачные картинки-намеки просто не нужны, но и для человека-свиньи, человека-козла и человека-барана они также излишни, поскольку эту категорию диковинных гибридов такие «деликатные» намеки просто не «прошибают»: с этими уродами следует изъясняться только на языке силы – сурового антизла, одной из форм которого являются жесточайшие запреты.

Утверждения некоторых телевизорных болтунов-любителей, что запретами-де бороться со злом *невозможно*, – есть или заблуждение, или лукавство. Естественно, *уничтожить* зло запретами, как, впрочем, и другими способами, нельзя: оно неистребимо по природе своей «во всякое время». Но *снизить* его уровень, обуздать его – под силу *только* запретам, подкрепленным крайне болезненным и *практически* неотвратимым наказанием за их нарушение. На оскотинившуюся личность, содеявшую зло, должно быть наложено взыскание, *адекватное* ее нравственному уровню.

Расширение зоны зла – непременное условие его развития. Но это, как ни парадоксально, и его ахиллесова пята. Простейший заслон в виде *неприятия,* отторжения зла (даже не борьбы с ним!) уже приводит последнее к усыханию на корню. Локализованное, неразделенное зло угасает само в себе.

В силу всеобщего закона действительности на определенной стадии развития зла в его недрах вызревает до состояния боевой готовности имманентное антизло, снижающее уровень активности зла до равновесного *с добром* значения. Самоуничтожение зла образно выражается известным символом (одна из трактовок последнего): змея, свернувшаяся кольцом, кусает собственный хвост. В целом этот символ можно выразить фразой: «В моем начале заложен мой конец» или «Конец находится в начале» [38], с. 326.

Таким образом, уже с момента своего зарождения зло живет в постоянной зависимости, не всегда осознанной или прочувствованной, от своего антипода – «догоняющего» антизла. К примеру, поголовье волков в ареале (зло), количественно достигая своего максимума, закономерно идет на убыль и в конце концов скатывается к минимуму вследствие усиления голода (антизло), вызванного неминуемым сокращением стада зайцев. Теперь рождение каждого волка есть же и причина смерти, как его собственной, так и его сородичей.

Это в дикой природе. Но и в среде *цивилизованных дика-*

рей, в силу их близорукости и беспредельного эгоизма, закономерности те же. Так, устремившись к массовому комфорту бытия, люди произвели и купили столько автомобилей, что теперь очередной приобретенный «четырехколесный друг» становится реальным недругом себе и, главное, другим, о чем свидетельствует рост пробок и аварий, сокращающих *естественным* образом количество машин на дорогах до некоторого равновесного значения.

Разумеется, *мыслящая* категория людей не ждет самоуничтожения зла, естественного начала его конца, а вступает в единоборство со злом на ранних стадиях, пытаясь снизить его уровень, приблизить его конец. Однако, вмешиваясь с благими намерениями в природные закономерности, люди рискуют, в силу неглубокого их знания, усугубить зло или создать новые его разновидности.

Человеку, намеревающемуся вступить в *единоборство* со злом или воздать его носителям адекватным антизлом, следует иметь ввиду, что *все это* прерогатива Бога: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу *Божию.* Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь» (Рим. 12,19). Или прерогатива власти: «Ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению» (Рим. 13,1). Причем не только власти закона, но и власти стихии, и власти толпы. Необходимым условием успешной борьбы со злом *в одиночку* является поощрение

к действию (санкция и поддержка), полученное человеком-борцом свыше. (Вспомним, что даже Геракл, популярнейший из древнегреческих героев-одиночек, совершал подвиги, имея неизменной своей покровительницей богиню Афину). В противном случае, в единоборстве со злом человек неизбежно будет положен на лопатки, а весь комплекс героических «антизлодеяний» будет квалифицирован как самосуд. Со всеми негативными последствиями, конечно.

Борьба зла и антизла происходит с попеременным успехом для обеих сторон, но в пределах круга, очерченного телом змеи в рассматриваемом выше символе. Иными словами, *явленное* зло не безгранично во времени и пространстве, но практически бесконечен арсенал его форм.

* * *

Итак, круг замкнулся. Остается только подтвердить, что в заповеди 1 Пет. 3,11 столь необходимое по смыслу соединительное звено, где противление злу приравнивалось бы к предтече добра, отсутствует не случайно: *индивидуально* противоборствовать злу по меньшей мере бесполезно. Поэтому в поведенческой формуле апостола Петра, предназначенной конкретной личности, средний ее член исключен. Крайние же звенья, уклонение от зла *и* делание добра, разделены как деяния, хотя и независимые, но вполне совмещаемые (через союз «и») в сознании человека. Именно осознание себя как личности делает возможным и уклонение от зла, и делание добра. Более того, отточенное самосознание

делает безнравственным уклонение от *добра,* что вещает уже другой апостол, Иаков: «Итак, кто разумеет делать добро и не делает, тому грех» (Иак. 4,17). Здесь, как видим, грехом считается уже не содеяние зла, а сознательное уклонение от делания добра.

Да, высока планка, устанавливаемая Иаковом! Но это, если хотите, есть нравственный пропуск в новую эпоху – эпоху Водолея. Пока же делающие добро – скорее исключение из общей массы живущих. Зато они ярче высвечиваются на фоне массы равнодушных и творящих зло и беззаконие. (В событиях, связанных со страшными стихийными трагедиями к примеру, участвуют не только привычные нам воры, мародеры и эгоисты, но и яркие фигуры самоотверженных спасателей и спасителей.)

Суд божий, то есть жесткая критическая оценка Творцом результатов Своего эксперимента, безусловно, выявит людей, как достойных перехода на очередной виток эволюции, так и не достойных этого. Однако по мысли патриарха Кирилла, суд Божий не страшен тому, кто вершит суд над собой *при жизни*, кто раскаивается и заставляет себя исправляться (ТВ 06.02.2010), то есть становится лучше, чем он есть, совершенствуясь всесторонне. А главное – нравственно и духовно. «Человек в гораздо большей степени, чем в эволюции тела, нуждается в эволюции и совершенствовании духа» [27], с. 182.

А. Ельчанинов, православный иерей, чей духовно-просве-

тительский опыт дает право на рекомендации, предлагает предельно доходчивый повседневный совет: «А в обычное время нужен труд и некоторое *насилие над собой* (курсив мой. – *Г. М.*), чтобы разбудить свою косность. И будьте уверены, эти усилия принесут свой плод, и невидимое пока для Вас накопление духовных богатств проявится в нужную минуту, может быть спасет Вас в настоящей беде» [23], с. 155. Как видим, труд нелегкий, регулярный, но благодарный, на перспективу.

Неделание добра, сознательное или в силу устойчивой привычки, чревато иной перспективой: вымиранием *ближнего*. Сперва – как явления, а со временем – и как понятия. Ведь только сделавший адресное добро становится ближним адресату – такова мораль притчи Христа о милосердном самарянине (Лк. 10). Сокращение же числа ближних, естественно, приведет к пропорциональному сокращению категории «возлюбивших ближнего, как самого себя». Любить-то *такой* любовью скоро будет практически некого!

Но когда разрушается любовь, соединяющая пары взаимно ближних (особенно близких) людей, то какие *душевные* качества неизбежно всходят на ее развалинах? Разумеется, ядовитые сорняки – самовлюбленность и ненависть. Да, «от любви до ненависти – один шаг» (тонко подмечено!), и мы его уже сделали. Включите телевизор, и вы убедитесь в этом. Я же, глядя в этот жуткий калейдоскоп, убеждаюсь все более в правоте М. Карпенко, автора книги «Вселен-

ная разумная»: «Основное качество, которое отличает человека от животных, – пишет он, – это его злоба. Злоба чаще всего беспричинная, злоба, круто замешанная на самовлюбленности и эгоизме. Превосходство – одна из основных причин, порождающих бессмысленную злобу и жестокость человека» [27], с. 150. Да, в стремлении *превзойти* рождаются не только призовые места, рекорды, высокие достижения и показатели (в чем-то и чего-то), но и низменные до отвращения мысли, слова, поступки. В сущности, это одна из ярких интерпретаций божественного откровения, что помышления сердца человеческого зло во всякое время (Быт. 6,5). Что же, за все надо платить! Только жаль, что за *материально-чувственное* приходится расплачиваться *духовно-нравственным.* Здесь явно игра *не* стоит свеч! Тем не менее…

Мы пришли к тому, что первопричиной злого начала в каждом человеке является опять же… его самость! Точнее, *сама самость* и есть злое начало. Никуда от нее не деться: эта ехидна способна отложить яйца в любой сфере человеческой жизни, а «порождения ехиднины» (Мф. 23,33) – «успешно» испоганить ее. Самость неискоренима по природе своей. Однако *сильный* духовный план человеческой триады способен воздействовать на нее, укрощать ее и управлять ею, что и утверждает, по сути, А. Ельчанинов, говоря о необходимости накопления духовного богатства.

В моем представлении, к последнему относится все то,

что способствует эволюции души человека. В частности, – духовные знания, активно воздействующие на мировоззрение человека, его нравственную ориентацию. Их резерв – не копилка с беспорядочным наслоением разношерстной информации, а работающая система знаний, питающих душу и разум человека. Эти знания формируют и корректируют нравственные критерии, с позиции которых человек оценивает действительность и себя в ней. Они являются *нравственным* поводырем человека во всех жизненных ситуациях: простых и сложных. Все другие знания, в том числе и называемые энциклопедическими, конечно, полезны, нужны, а подчас и просто необходимы, но в иных, «узкополосных» целях. Вообще говоря, многознание не есть мудрость, хотя многие и ставят между этими понятиями знак равенства.

Особенности «помышления сердца человеческого» индивидуальны и неповторимы. «В каждой душе живет свой, такой изменчивый и эгоистичный моральный закон» [27], с. 185. Иными словами, каждая избираемая человеком система нравственных ценностей имеет индивидуальную окраску и, разумеется, носит для него характер категорического императива. В действительности же истинна она только в той степени, в какой соответствует вечным нравственным ценностям, провозглашенным Христом. Но только вот путь к ценностям этим открыт лишь тому, кто способен выложить его личными накоплениями духовных богатств – сокровищ, которые «ни моль, ни ржа не истребляют, и где

воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6,19).

Возникает естественный вопрос: «Возможно ли *сегодня* получить информацию, смыкающуюся с понятием «духовное знание»? Да, но при исполнении двух условий, каждое из которых связано с преодолением самого себя. А именно: *удерживать* себя «от» и *принуждать* себя «к».

Во-первых, необходимо заставить себя уклоняться от заманчивой информации, заведомо бесполезной или вредоносной. «Худые сообщества развращают добрые нравы», – резюмирует апостол Павел (1 Кор. 15,33). Видимо, этим объясняется массовая безнравственность и безграмотность наших современников, находящихся в тесном информационном сообществе с телевизором, компьютером и конъюнктурными газетами. Так называемая массовая культура – из той же категории сообществ, ибо «сознательно ориентирует распространяемые ею духовные и материальные ценности на усредненный уровень развития массовых потребителей» [51], с. 194, который в настоящее время значительно ниже пояса. Естественно, на такой «высоте» безнравственность можно только культивировать, но не бичевать (чтобы не повредить…), что и делается успешно по всему «культурному» фронту. Итак, первое условие: защититься от растленного влияния дурных сообществ всех мастей, дабы не растерять ценных качеств духовного плана, поскольку «кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет» (Мф. 13,12). В общем, следует жестко исполнять обращенное к себе требова-

ние – *не навреди.*

Во-вторых, в освободившееся время заставлять себя… читать, ибо это основной способ извлечения духовных богатств. Тесное общение с «худыми сообществами» вытеснило интерес к чтению как духовному процессу. Мысль перестала напрягаться, а душа – трудиться «и день и ночь», впав в наркотическую зависимость от развлечений. Необходимо повторно учиться осмысленно читать и глубоко вчитываться в источники духовных знаний.

Главным из них, как уже говорилось, является Библия, Книга книг, где духовные богатства располагаются на разных уровнях: от лежащих на поверхности до глубоко сокрытых, например, в притчах Христа. Выбор же других источников зависит от индивидуальных вкусов и потребностей. Здесь нельзя что-либо предлагать, а тем более – навязывать. Важно только, на мой взгляд, чтобы чтение было *работой* ума и души, а не их отдыхом и развлечением. Этому требованию в большей степени способствует, на мой взгляд, обращение к добрым «архаичным» бумажным книгам, а не к современным электронным источникам знаний. Впрочем, это дело вкуса и привычки.

Вообще говоря, все эти «во-первых» и «во-вторых» весьма условны и не являются чем-то новым или забытым старым. Это скорее комментарии к рекомендациям А. Ельчанинова, наставления которого можно было бы считать панацеей, если бы не одно «но».

Здесь мы подходим к коренному условию, вне которого любые рекомендации по нравственному и духовному самосовершенствованию, горы книг с наставлениями, как и для чего надо стать «лучше, чем я есть», – всего лишь благие пожелания и кучи макулатуры. Таким условием является *положительный* ответ на простой и одновременно сложный вопрос, обращенный к себе: «А нужно ли мне *все это?*».

Добровольно «трудиться и совершать некоторое насилие над собой», конечно, можно, но лишь во имя *того*, что человек воспринимает как *ценность* (в широком смысле этого понятия). Тогда – это цель, оправдывающая средство. В противном же случае любые приходящие извне душеполезные рекомендации, советы или доводы есть не что иное, как «слону – дробина», как бесполезный залп по окаменевшей оболочке живого духовного плана человека. Тем не менее следует и дальше терпеливо «обстреливать» и его дух, и его душу, выражаясь словами опять же апостола Павла, «поучениями, обличениями, наставлениями в праведности».

Ведь вполне возможно, что в триаде человека существует точка, уязвимая хотя бы для одной из множества духовных стрел, микротрещина в казалось бы непробиваемом панцире его души. Проникнув через эту ахиллесову пяту, личинка духовности, этот дар Божий, начнет развиваться, разъедать самость и очищать от нее, как от старой коррозии, душевный план, пробуждая его к жизни человека. «Первой обретенной благодатью бывает дар отрезвления», – утверждает Франс-

уа Мориак, французский писатель, академик, нобелевский лауреат [44], с. 61. Самосознание, освобождающееся от гнета самости, приведет человека и к поиску собственных путей нравственного восхождения, и к творческому восприятию рекомендаций извне.

Реконструкция духовного плана, изменение направления мыслительной деятельности способны изменить представление человека о счастье, ибо «качество Ваших мыслей определяет степень Вашего счастья» [10], с. 9. Так что попытка воздействовать на душевный план человека через план духовный есть делание добра по большому счету. Результативность этой акции *сегодня* хотя и близка к нулю, но все же не равна ему, и это обнадеживает. А надежда, как известно, умирает последней. В общем, «стучите, и отворят вам» (Мф. 7,7).

* * *

Подтолкнуть человека к осознанию необходимости нравственного исправления невозможно, не вскрыв степени его безнравственности, и делать это надо так, как хирург вскрывает гнойник: бескомпромиссно и безжалостно, и честно называть вещи своими именами. Иначе человеческая самость уцепится за любое «смягчающее» обстоятельство, за малейший намек на оправдание, за ложный оптимизм и тем испортит все дело. «Есть много людей, которые врут из жалости. Ложь – религия рабов и хозяев. Правда – бог свободного человека», – произносит Сатин, герой пьесы Горького «На

дне». Конечно, по форме – это лозунг, но по смыслу – нравственный ориентир на все времена.

Разбуженное самосознание должно вызвать у человека ощущение физиологической неприязни к тому, какой я есть, нравственной ущербности (вспомним еще раз пушкинское: «И с отвращением читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю») и, как следствие, твердое намерение стать лучше, чем я есть: оставаясь самим собой, «господствовать над влекущим к себе грехом» (Быт. 4,7). Такова в общих чертах цель и спасительная схема действия злых по форме, но доброжелательных по замыслу нравственных обличений: «Злое наказание – уклоняющемуся от пути, и ненавидящий обличение погибнет» (Притчи Соломона 15,10).

Тем не менее далеко не все согласны с такой парадигмой. И в первую очередь – те самые «уклоняющиеся» и «ненавидящие», многие из которых видят в резких обличениях своих минусов не благие намерения, а целенаправленную обиду, враждебные выпады в свой адрес. Естественно, предполагать, что эти недотроги станут, в свете заповеди Христовой (Мф. 5,44), благотворить ненавидящим их и молиться за обижающих их, вряд ли стоит. Так что стремясь с позитивной целью и добрыми намерениями сделать человека *временно* противным *самому себе*, мы станем, вероятнее всего, противными *ему* и *на все времена.* Неприятно? Да, но не более, ибо это вполне ожидаемо, а значит – и не слишком болезненно.

Убедительный пример бичевания человека в оздоровительных целях являет нам, как это ни парадоксально, дьявол-Мефистофель, олицетворение духа зла. Безжалостно упрекая «лучшее» из творений Всевышнего («вся эта дрянь, что на земле живет») в том, что разум, Божий дар, оно смогло употребить лишь на то, чтоб «из скотов скотиной быть», Мефистофель, наряду с тем, настойчиво позиционирует себя как силу, которая, хотя и «вечно хочет зла, но делает добро». (Гете, «Фауст»). Однако в отличие от добра, обретенного через духовное накопление, это добро – *с кулаками.* Его результативность связана с причинением боли, но боли исцеляющей. Оно сродни болезненной инъекции, восстанавливающей и активирующей самосознание. «Оставьте все предрассудки, – призывал Н. Рерих, – пользуясь *силой,* духовно помогайте людям» (курсив мой. – *Г. М.*).

Кстати, жесткое обличение в человеке «зла от юности его» не исключает других, более мягких методов воздействия на его душевный план. Так, в Послании к своему сотруднику Титу бескомпромиссный апостол Павел назидает: «Сие говори, увещевай (убеждай – *Г. М.*) и обличай со всякой строгостью» (Тит. 2,15). Досадно, право, но именно строгость чаще всего и смешивают с ненавистью. Это принципиально не одно и то же, хотя в жестких обличениях присутствует и то, и другое, но не в смешении, а в рациональном соединении. Да и предназначаются они *разным* сущностям: строгость – *душе* человека, ненависть – *врагу* человека в самом себе, само-

сти. Невозможно делание и даже пожелание добра без чувства ненависти к носителю зла, противящегося добру. Если строгость подстегивает человека к тому, чтобы стать лучше, то ненависть к «злу от юности» удерживает его от того, чтобы не стать хуже.

Дальнейшее углубление в тему обличения по меньшей мере нецелесообразно, поскольку сегодня нет обличителей с эпитетами «гневный» или «суровый». В столь привычной нам зоне глухого равнодушия к человеку их успешно вытеснили «обличающие» шепотом и заглазно, а также осторожно брюзжащие в кулуарах, злорадно хихикающие критиканы всех и вся. Вот уж кому бы следовало в целях собственной безопасности запомнить простейшую притчу: «…кто радуется несчастью, тот не останется безнаказанным» (Пр. 17,5).

Перемещение приоритетов в пределах индивидуальной шкалы жизненных ценностей, как и смена самих ценностей, процесс естественный, находящийся в корреляции с изменением обстоятельств и условий бытия: возрастных, личных, социальных и других. Сюда же, видимо, следует отнести и судьбоносные «случайности», заложенные Творцом в индивидуальную жизненную программу. Процесс неизбежный, но далеко не равномерный и не односторонний. Движение это в общем случае может быть как «вверх», так и «вниз»; как к «одухотворению материи», так и к «материализации духа». Чаще, конечно, последнее – спад, обмирщение и сужение интересов, «погружение в материю», суетность.

Это и понятно: на духовную деградацию исправно «работают» совращающие условия божественного эксперимента и неумолимый закон энтропии. Духовное же восхождение возможно лишь в результате *преодоления* последнего (не компенсации!) с некоторым запасом энергии. Это архитрудно, поэтому людей, вырвавшихся из нижней зоны ценностной шкалы, не столь уж много вокруг нас.

Но и сползание вниз по ценностной шкале, особенно для тех немногих, «кто много имеет» уже от духа, и особенно в начальной стадии «нисхождения в материю», – процесс не из легких. Сперва это «всего лишь» безобидное, безболезненное, а потому и не замечаемое человеком, охлаждение к духовным ценностям, сужение духовных потребностей вследствие расширения потребностей материальных. И когда человек начинает, наконец, осознавать *это,* то для него открывается долгий и мучительный этап тщетных попыток убить двух зайцев, обойти заповедь Христа: «Не можете служить Богу и маммоне» (Лк. 16,13).

Пребывая в раздвоенных чувствах, он *еще* способен остро переживать нехватку времени и сил на приращение (или хотя бы поддержание) духовного богатства, поглощаемых заботами о приращении и обновлении богатств материальных. Эти терзания – отчаянный зов изголодавшегося духовного плана: значит, не все потеряно, еще жива в душе человека последняя надежда на подавление самости и возвращение к *человеческим* ценностям! Но…проходит время, духовный

голод притупляется, зов свыше слабеет, и человек в конце концов сереет, становясь *как все*: потребительская психология нивелирует нравственность обывателей. Кстати, эта духовная в прошлом категория людей, проваливаясь в зону материальных ценностей и чувственных наслаждений, в своей безнравственности, как бы наверстывая упущенное, откатывается гораздо дальше постоянных ее обитателей и «отрывается по-полному», как принято говорить сегодня. Только за все надо платить, в этой жизни или другой, за вероломство и предательство своего божественного начала – животному, ибо закон воздаяния (карма) неумолим: «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе» (Мф. 18,18).

* * *

В ходе работы над заключительной главой меня долгое время не покидало сомнение: соответствуют ли ее заголовок и содержание друг другу? Ведь изначально под «вечным боем» подразумевался нескончаемый конфликт между антагонистами по природе: духовным и физическим планами человеческой триады, «ибо плоть желает противного духу, а дух – противного плоти: они друг другу противятся» (Гал. 5,17). Но чем больше я углублялся в материал, тем явственнее осознавал, что на *данном этапе* божественного эксперимента никакого *реального*, ощутимого боя между духом и плотью нет, и быть не может, что они в большей степени *потенциальные* враги.

Сегодня духовный план не в состоянии конкурировать с животным планом в эффективности воздействии на душу, так как он заблокирован по всем каналам связи с внешним и внутренним миром человека. Да и сама продажная душа человека-потребителя жаждет подчинения духовных ценностей – материальным, беззастенчиво оценивая значимость духовных достижений в денежно-вещевом эквиваленте. Победа человеческого *духа* поощряется *материально!* Это ли не «сладостная» узурпация божественного начала в человеке началом зоологическим?! Моральные стимулы уничтожены практически полностью: вспомним о *денежной* весомости наград победителям всякого рода *«интеллектуальных»* ТВ-игр (всего лишь!), а об олимпийских – я уже и не говорю.

(Проведу не сравнение, а лишь некую параллель, ссылаясь на разобщенные фрагменты информации из книги Л. Винничук «Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима»: «Венок победителя, славу греки ценили выше дорогих наград и готовы были, не щадя себя, вновь и вновь тренировать в палестрах тело и дух… Каковы же у вас награды? На Олимпийских играх венок из дикой маслины, на Истмийских – из сосновых ветвей, в Немее – венок из сельдерея… Наградой был венок из оливковых ветвей, который победитель вешал потом у своего домашнего очага. Этот скромный венок приносил его обладателю необыкновенный почет и славу не только в родном городе, но и во всем государстве, во всей стране, а его семье – честь, уважение всех соотечественни-

ков» [54], с. 386,387,392. Без комментариев!)

Природная самость в союзе со «священной» частной собственностью лишили, по сути, духовный план права на существование. Какой уж здесь бой, если один из бойцов практически обезоружен, обескровлен и закован в узы! Казалось бы, что уж сегодня, когда противник повержен, сложились все условия для спокойного единовластия победителя. И тем не менее покоя нет как нет. Впрочем, все закономерно: с окончанием войны «по вертикали», между верхним и нижним планами триады, сразу же начинается жестокая война «по горизонтали», между уродливыми порождениями самого животного плана человека, самой самости. Эта война за «лучшую жизнь» втягивает в свою орбиту каждого из ныне живущих, ибо она – война инстинктов. Только для одних людей – это борьба всего лишь за элементарное выживание, место под солнцем, для других же – способ безграничного тупого обогащения. Обе категории живут в нервном напряжении, не испытывая покоя ни во сне, ни наяву. Однако вторые чувствуют себя несчастнее. Да, «пресыщение богатого не дает ему уснуть» (Еккл. 5,11).

Вечный бой сегодня – это кровавые разборки и разбои с физической гибелью множества людей, что страшно само по себе. Но гораздо страшнее другое: в результате этих кошмаров неизбежно и необратимо *уродуются души* пока еще физически живых.

Этот изуверский процесс охватывает не только категории

непосредственных преступников и пострадавших, но и свидетелей, и всех нас – вольных и невольных потребителей регулярной и назойливой широковещательной информации о преступлениях больших и малых. Самое зловещее из последствий этого душегубства состоит в нашей адаптации к криминальной хронике. Мы уже воспринимаем криминал как нечто неизбежное, как естественную составляющую нашей рыночно-барахольной жизни. Нам, к примеру, уже стала привычной и какой-то своей, домашней убойно-сексуальная тематика наших телесериалов. Мы втягиваемся в них и уже ждем от них не «чего-то для души», а предвкушаем «что-нибудь этакое», подобно наркоману, нетерпеливо ждущему очередной дозы губительного зелья.

Бездушная душа – это не игра слов, а диагноз тяжелого нравственного заболевания. Интересно, что единственное средство, избавляющее человека от этого недуга, находится не за семью печатями, а рекламируется более трех тысяч лет. Это – *разум*. Еще Соломон, олицетворение библейской мудрости, подчеркивая нравственную природу разума, декларировал: «Кто приобретает разум, тот любит душу свою; кто наблюдает благоразумие, тот находит благо» (Притч. 19,8). Яснее не скажешь! Но поскольку разум и по сей день в дефиците, постольку и с «душелюбием» у нас из рук вон плохо. Ощутимая же нехватка разума объясняется исключительной сложностью его природы. Это детище двух проблемных сущностей: *ума и духовности*.

Проблему первую четко обозначил Никколо Макиавелли, известный средневековый мыслитель, в романе «Воскресшие боги» Д. С. Мережковского: «Умы человеческие бывают трех родов: первые – те, кто сам все видит и угадывает; вторые видят, когда им другие указывают; последние сами не видят и того, на что им указывают, не понимают. Первые – лучшие и наиболее редкие; вторые – хорошие, средние; последние обычные и никуда не годные» [50], с. 379. Иначе говоря, умов, способных «зачать» разум, в общей копилке умов человеческих не так уж много. По крайней мере – не большинство.

Вторая проблема, как говорилось ранее, возникает вследствие глухой, непробиваемой изоляции духовного плана, возведенной силами плоти, враждебными ему. Духовная энергия не в состоянии пробиться к человеческому уму, «лучшему и наиболее редкому» по шкале Макиавелли, и оплодотворить его. А без такого слияния невозможно появление одухотворенного ума (разума) как базового условия нравственного самосознания. Как видим, наставление мудрого царя требует всего лишь ума, вскормленного духовно здоровой пищей. Однако всепроникающая «священная» частная собственность по природе своей есть *враг* духовности и *покровитель* узко прагматичного ума – рассудка. («Вспоминаю слова: "Рассудок – это разум без крыльев". Я всегда вспоминаю эти слова в качестве девиза для внутренней борьбы, какую без устали приходится вести с самим со-

бой…» [48], с. 226).

Так что же? Неужто создалась тупиковая ситуация, изменить которую способен лишь Творец, поставив в иные условия Свой эксперимент? В принципе – да, если говорить о глобальных изменениях духовно-нравственного состояния всего общества. И в принципе – нет, если относить их к отдельным людям. Каким именно?

В среде первой категории умов, тех, «кто сам все видит и угадывает», есть очень немногочисленная группа людей, обладающих повышенной пассионарностью. Они выделяются на фоне серых обывателей и заурядных потребителей материальных благ, в первую очередь, своим мировоззрением. Оно формируется у них не как у всех, не *под* воздействием доминирующих условий божественного эксперимента, *а вопреки* им. (Вспомним с благодарностью Еву – Праматерь первого *человеческого,* то есть *разумного,* поступка!)

Применительно к нашим рассуждениям, это те, кто пробивается к духовной сфере человечества сквозь частнособственнические заслоны и ловушки и вызволяет энергию духа, трансформирующую прагматичный ум в *нравственный разум*. Но поскольку таких людей мало, постольку и суммарного разума, естественно, хватает лишь на то, чтобы с натяжкой обеспечить среднестатистическому человеку право называться… *человеком.* Да их и не должно быть много, ибо они лишь *предтечи* будущих многочисленных представителей новой эпохи.

Жить этим людям, конечно, сложно: на стыке эпох, в условиях глухого непонимания окружающими, эти «белые вороны» должны не только оставаться верными самим себе, но и помочь другим разглядеть в себе и оценить *сугубо человеческое,* «подтолкнуть» их к необходимости пересмотреть свою ценностную шкалу. Эти духовно продвинутые одиночки, сами того не подозревая, готовят к новому этапу божественного эксперимента, способствуют адаптации к непривычным условиям своих «собратьев по разуму». Чем и заслуживают у последних *особое* отношение к себе: от скрытной неприязни до откровенного отторжения. Впрочем, *даже* Христа за изгнание Им бесов из человека, державшего в страхе и ужасе всю «Гадаринскую окрестность», «благодарное» население просило «удалиться от них, потому что они объяты были великим страхом» (Лк. 8, 26-30). Иными словами, потому что в каждом из них сидел свой, такой привычный бес!

Переход на новые условия божественного эксперимента будет означать не частичную ломку привычных, устоявшихся критериев ценностей, а болезненную для человека *переориентацию* на новые ценностные приоритеты. Ой как трудно будет завтра тем, кто сегодня исключил духовность из личной шкалы жизненных ценностей! Тем, кому предстоит перейти из дня сегодняшнего в день завтрашний, будет гораздо труднее, нежели тем, кто пришел с моралью вчерашнего дня в день сегодняшний: *удержаться* от падения с высоты человеческого уровня бытия в откровенное скотоподо-

бие все же легче, нежели, *уже барахтаясь* в нем, подняться на уровень сугубо человеческого бытия.

Такое восхождение, процесс не скорый и сложный сам по себе, тормозится еще и откровенным нежеланием большинства людей стать его участниками, пересмотреть свою ценностную шкалу. И хотя мы не знаем сроков окончания текущей фазы эксперимента, поскольку «о дне же том или часе никто не знает… но только Отец» (Мк. 13, 32), затягивать обретение разума (не рационального сухого интеллекта!), право же, не стоит. Кстати, подобная рекомендация, только языком евангельской притчи о девах разумных и неразумных (Мф. 25), была дана человечеству около двух тысяч лет назад.

Насколько же высоки *сегодня* шансы на успех этой рекомендации, подкрепленной заповедью: «Смотрите, бодрствуйте, молитесь; ибо не знаете, когда наступит это время» (Мк. 13,33)? Учитывая явно выраженное верховенство животного начала в человеке над духовным, следует думать, что они едва ли выше нуля.

* * *

Вполне очевидно, что большинству ныне сформировавшихся потребителей, безоглядно уверовавших в приоритет материально-чувственных ценностей над духовными, вряд ли уже что– либо поможет: болезнь нравственной сферы пустила корни слишком глубоко, метастазы пошли уже по всем моральным устоям. Думается, участь этой огромной катего-

рии людей предрешена, что вызывает скорее жалость, нежели сострадание.

Страшнее другое – проклятая наследственность: если только Творец кардинально не изменит условия Своего эксперимента, то и дети, и дети детей обречены на нравственную болезнь в еще более тяжелой форме, нежели родители, а тем более – прародители. Это и понятно: зоологические идеалы последних в условиях непрерывного обновления и роста материальных благ неизбежно «совершенствуются» в детях. Вот кого можно и должно спасать, ибо если уж родители не смогли, то способен ли ребенок, получивший *такое* моральное наследство (да еще подкрепленное материальным), *самостоятельно* открыть для себя существование идеалов другого, не товарного счастья? Да если еще и среда обитания активно противится тому? Нет, конечно! Вообразить *подобно*е ничуть не легче, чем, к примеру, представить себе многомерное пространство, постоянно вращаясь в пространстве трехмерном.

Духовная сфера человека в рамках новых условий божественного эксперимента, то есть в контакте со «священной» частной собственностью, стала заметно хиреть. Это вполне закономерно. Радикальная смена прежних условия эксперимента, не изменяемых Творцом десятки лет и, как следствие, полностью исчерпавших себя, была для людей, что гром с ясного неба. Хотя правильнее было бы это сравнить с потопом, если не всемирным, то уж точно со всесоюзным, в ко-

тором гибли и государство, и люди вместе с их устоявшимися нравственными идеалами.

В этих условиях людям надо было как-то экранировать себя от зла, а не воевать с ним, инстинктивно выживать, а не осмысленно жить. *Последнее* требует высокого и устойчивого уровня нравственности и взгляда в перспективу, в то время как «священная» частная собственность для *выживания* в ее условиях требует от человека равнодушного попрания нравственных норм и следования принципу: «живи сегодняшним днем». В общем, большинству людей в таких противоречивых условиях как-то не до духовности и разума было. Тем не менее первые стоики в области духа, ради выявления которых Творец промыслил болезненные для человека метаморфозы, сформировались именно тогда. Естественно, эти «белые вороны» вызывали в большей степени раздражение, нежели уважение.

Сегодня условия, вызвавшие растерянность и нервозность в начальный период насаждения рыночно-базарных отношений, *казалось бы,* должны стать привычными: ведь прошла четверть века! Тем не менее адаптации к ним нет как нет: жизнь, базирующаяся на частнособственнических идеалах, не может быть стабильной *в принципе,* поскольку предательски скользка, неустойчива и алчна по природе своей ее основа – «священная» частная собственность.

Но если целью жизни бедных является элементарное выживание, то цель богатых – непрерывное обогащение. По-

скольку обе цели ясно не очерчены (предел мечтаний – величина переменная), то сетуют на свою жизнь и те и другие. Их роднят, несмотря на разность уровней, потребительские, по сути, позиции; у обеих *материальное* «на корпус» впереди *духовного.* Справедливости ради следует отметить, что и представителей категории тех самых духовно продвинутых «белых ворон», особенно в среде молодых людей, стало заметно больше. Критическое осмысление происходящего, переоценка жизненных ценностей в среде потребителей становятся все более явными, что, конечно, радует. Но пока это скорее *тенденция* к желаемым изменениям, не более того.

Жизнь, основанная на таком нестабильном фундаменте, всамделишной не воспринимается. Будучи перенасыщенной атрибутами бутафории, она, естественно, не имеет ни глубины, ни константы. Зато она имеет *ось,* вокруг которой вращается денно и нощно: это *деньги.* Все в такой жизни суетливо, поверхностно, фальшиво; все без исключения продается и перепродается. В сущности, это пир животного начала в человеке; причем пир во время чумы. Коммерческий дух пропитал все и вся, святого нет ничего (кроме денег, конечно), поскольку сама «священная из священных» сродни профессиональной проститутке, неукоснительно следующей изменчивой конъюнктуре рынка без оглядки на мораль и нравственность. Ценности, наполняющие *такую* жизнь, или материально-физиологичны до откровенного цинизма, или сусальны и глуповато мишурны до безнадежного примитива;

коэффициент полезного действия ее крайне низок. В целом это дорогостоящая дешевка, начисто лишенная красоты – «сосуд она, в котором пустота» (Н. Заболоцкий. «Некрасивая девочка»).

Взаимоотношениям людей с гипертрофированным животным, недоразвитым душевным и атрофированным духовным планами триады, естественно, не чужды встречная ненависть и взаимное озлобление. К примеру, моральный климат наших автодорог, где, за редким исключением, человек человеку – волк. Однако наиболее яркой, глубокой и всеобъемлющей является, мягко говоря, *нелюбовь* бедных к богатым (варианты: бедных – к менее бедным, богатых – к более богатым). Да, это антагонисты, но лишь сугубо в плане *межчеловеческих* отношений, не более того. В масштабе же *божественного* эксперимента в целом – это не враги, а сотрудники, исполняющие разные функции в решении общей задачи, соучастники единого грандиозного процесса. (Впрочем, взаимоотношения между сотрудниками даже в пределах одной конторы могут быть далеко не безоблачными.)

Разделение людей с помощью инструмента, именуемого «священной частной собственностью», промыслено Творцом для достижения главных целей Своего эксперимента: выявлению в человеке всей глубины «зла от юности его» и спасению людей, «претерпевших до конца». Этим же целям служат божественные разделения людей и по иным параметрам. К примеру, разделение «преступники и жертвы»,

где и те и другие могут в зависимости от обстоятельств меняться местами и даже исполнять обе функции одновременно. Обращаясь к ученикам, Христос говорит: «Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение» (Лк. 12,51).

Это назидание, если вдуматься, призвано открыть человеку простейшую истину: разделение людей по различным критериям на полярные противоположности есть *божественная данность,* неизбежное условие бытия. Можно ненавидеть антагониста, ибо нам еще далеко до воплощения заповеди: «…молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5,44), но не признавать за ним права на свою нишу – нельзя; ненужных (по человеческим меркам!) людей в божественном эксперименте не существует. Поэтому не следует сетовать на Бога, причитая: «И как только Господь терпит такого… (такую… таких…)?!». Именно в противостоянии и столкновении антагонистических интересов (и не только материальных или служебных) людей, разделенных Господом, и открывается все многообразие неведомых Ему доселе качеств, присущих лучшему из Его творений – человеку.

Неудовлетворенность жизнью, как уже говорилось, в той или иной форме выражают все – и богатые, и бедные. Это и понятно, поскольку те и другие исповедуют *общий* и к тому же *один-единственный* идеал (разница лишь в степени приближения к нему). Но коль скоро идеал, как линия горизон-

та, уходит все дальше по мере приближения к нему (аппетиты-то растут!), то полного удовлетворения жизнью не испытывает никто.

Однако изменить своему идеалу, точнее – отношение к нему, вращаясь в системе низкопробных ценностей, большинству людей не под силу. Отчасти – вследствие того, что этим людям просто *не ведомы* иные ценности. Однако чаще – потому что они *не хотят* верить в них, точнее, ни во что, кроме сущностей, примитивно воспринимаемых ими, как и подобает высокоорганизованным животным, лишь пятью органами чувств.

Причинами всех социальных бед они считают несовершенство и несоблюдение законов. Да, это на поверхности. Однако не видя дальше собственного носа, они не в состоянии разглядеть *причину причин:* развала духовно-нравственных основ, на которых зиждятся и законы, и система контроля за их исполнением. Но главное – ответственность человека перед законом, *внутренняя потребность* исполнять законы. Именно *вследствие* морально-нравственной катастрофы и воцарилось беззаконие. Но первопричиной самой катастрофы явилось воцарение «священной» частной собственности, для которой беззаконие и есть то условие, вне которого она не может не только процветать, но просто существовать. Более того, беззаконие и частная собственность находятся в положительной обратной связи, то есть усиление одной из них автоматически укрепляет позиции другой. Лю-

ди же, оказавшись «между молотом и наковальней», между «законным» злом и злом вне закона, оказались заложниками своих эфемерных ценностей, своих потребительских представлений о счастье.

Естественно, такая иссушающая человека причинно-следственная связь не может существовать бесконечно. Она должна исчерпать себя раньше, нежели исчерпает себя человек, питающий ее. Следовательно, для продолжения Своего эксперимента Творцу необходимо своевременно внести изменения в его условия.

Но «кто познал ум Господень?» (Рим. 11,34). Будут ли эти условия принципиально новыми или слегка обновленными – не знает никто, ибо «непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его» (Рим. 11,33). Но исходя из *человеческой* логики *божественного* эксперимента и критериев эпохи Водолея, приводимых астрологами в своих прогнозах, можно предполагать, что изменения эти будут носить радикальный характер. Новые условия должны обеспечить коренную перестройку шкалы жизненных ценностей, в структуре которой приоритетными будут ценности *духовные.* «Задача Водолея – разрушать существующие структуры и заменять устаревшее чем-то новым» (из гороскопа американского астролога Сьюзан Миллер). При этом базовую роль будут играть духовные накопления предшествующей эпохи. «Если мы потеряем нашу духовность, значит мы ничему на научились из эпохи Рыб» (там же). Безусловно, из этой туманной

информации невозможно извлечь ответы на конкретные вопросы. Ее ценность состоит в другом: она расширяет и яснее очерчивает круг этих вопросов.

На любом этапе божественного эксперимента условия земного бытия конструирует и воплощает, конечно, человек, но не спонтанно, не по своей воле, как это может показаться поверхностному взгляду, а в развитие и воплощение *целенаправленной* идеи, инспирированной Творцом. Такой «осевой» идеей, сформировавшей особенности нашего бытия, стала, как уже говорилось, идея реставрации «священной» частной собственности, посеянная Им в нужное время и в нужном месте. Идея, воистину достойная Творца!

Будучи воплощенной человеком в земных формах, она явилась ключом, открывшим Всевышнему все звероподобное, «мерзейшее и распрепакостное» (А. Чехов), что есть в человеке. Бытие сформировало адекватное ему потребительское сознание, нравственную доминанту общества. Цель достигнута! Творец убедился, что «зло от юности», находившееся в состоянии анабиоза в душах людей советского времени, окончательно пробудилось к активной деятельности в сердце человеческом «во всякое время» (Быт. 6,5; 8,21). В данном случае – в наше.

* * *

Однако «всякое время» рано или поздно становится временем перемен, когда меняются лозунги, выражающие его нравственную суть. Нынешнему лозунгу: «Самости – зеле-

ную улицу» – придет в свое время на смену лозунг: «Самости – красный свет». И хотя сегодня нам частенько очень плохо только потому, что другому очень хорошо, и хотя еще «мы подсыпаем соседу гвоздей в жидковатый борщ на коммунальной кухне, но эра Водолея стучит в наши сердца (с сайта Архангельской астрологической ассоциации). По прогнозам астрологов, реформироваться будет «все и вся, включая и носителя духа – человека» (там же). Задача, архисложная сама по себе, отягчается еще и тем, что дух современного человека заблокирован в микроскопически тонком слое верхнего плана триады и практически не может проявить себя в пределах толщины этой «фольги».

Мелкие, разрозненные и до неузнаваемости деформированные фрагменты духовности человека сегодня находятся под гнетом тяжеловесных материально-чувственных ценностей, не раскидав которые, невозможно пробиться к захоронению духа. Буквально каждую из этих «ценностей» необходимо публично развенчать, убедительно обесценить в глазах человека, раскрыть ее никчемность и пагубность. Только так можно предотвратить скопление «сокровищ», опасных для сердца, «ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6,21). Восстановление каналов связи духовного плана человека с его душой с одной стороны и Высшими Духовными Силами с другой – это предтеча новой божественной программы по воскресению, а затем и вознесению принципа: живи «не по плоти, но по духу» (Рим. 8,1).

Вероятно, программа будет представлять собой грандиозный, разветвленный комплекс заданий. При этом исполнение *каждого* из них является условием необходимым, но отнюдь не достаточным для достижения цели. Поскольку самость, которую теперь надо уже не холить и лелеять, а подавлять всемерно, – гидра, как известно, *многоголовая*.

Никто сегодня, разумеется, не знает, какие конструктивные идеи, события и нововведения будут предшествовать отмиранию существующего и рождению нового ценностного императива. *Что* будет отменено, изменено и введено во имя торжества последнего, в *какой* последовательности и на *каком* уровне – можно только гадать, глядя в перспективу через призму собственного видения и руководствуясь *общим принципом* взаимоотношения ценностных императивов смежных эпох: «…плоть желает противного духу, а дух противного плоти: они друг другу противятся» (Гал. 5,17). Это позволяет (хотя весьма субъективно и приблизительно) судить о ценностях будущего времени как неких *антиподах* ценностей сегодняшних.

Речь, однако, идет не о сведении на нет значимости материально-чувственных ценностей, как это фактически случилось сегодня с ценностями духовными, а о *доминирующем* значении последних над остальными, о верховенстве духа над плотью. В отличие от нынешнего этапа божественного эксперимента, призванного «вывернуть наизнанку» для всеобщего обозрения животное нутро человека, предстоящий

этап имеет целью сполна раскрыть в человеке его Высшее, духовное начало; пробудить в нем устремление собирать сокровища, что «ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6,20).

Тем не менее обогащение духовной зоны шкалы жизненных ценностей – не самоцель. Духовные знания, *сами по себе,* сегодня представляют в большей степени торговую ценность, их можно обменять на деньги и материально осязаемые призы в современных ТВ-играх, викторинах, называемых почему-то «интеллектуальными». Думается, что коэффициент интеллекта (ай-кью) обезьяны, впервые сообразившей использовать палку в качестве орудия труда, недосягаемо высок для иных участников умственных ристалищ. Не в обиду им будь сказано!

Истинное призвание духа иное: воспитание человеческой души, очищение, обогащение и защита ее от разлагающего воздействия самости. Конечной же целью воспитательной работы духа на этапе божественного эксперимента, простирающегося из эпохи Рыб в эпоху Водолея, является выведение души «тесными вратами» на путь эволюции, «узкий путь, ведущий в жизнь» (Мф. 7,14).

Присутствие духа в человеческой душе, тела «духовного» в «теле душевном» (1 Кор. 15,44), коренным образом изменит структуру ценностной шкалы: едва заметно, подобно ходу часовой стрелки, не ощутимому глазом, в ней будет неизменно возрастать роль духовно-нравственных ценностей и

одновременно снижаться роль ценностей иного свойства.

Еще задолго до эпохи Рыб все тот же Соломон, с присущей ему лаконичностью, расставил приоритеты ценностей: «Лучше знание, нежели отборное золото» (Пр. 8,10). Притча эта звучит как жесткое назидание, видимо, большинство людей его времени исповедовало все же идеал «отборного золота».

А что можно сказать о ценностных ориентирах людей в *канун* эпохи Водолея? Практически человеческие идеалы не претерпели изменений за тридцать веков. «Неужели невозможно представить себе цивилизацию, ценности которой практически полностью воплощены не в создании и потреблении материальных ее плодов, а в мышлении и познании?» – вопрошает уже наш современник [27], с. 148. Иными словами, возможно ли представить себе людей, способных испытать блаженство от *осмысленного и познанного ими* не в меньшей степени, нежели от обретения тугого кошелька или новомодной иномарки? Людей, душа которых погружается в комфортное состояние от воздействия духовных посылок *напрямую*, а *не* через их «узаконенный» материально–денежный эквивалент?

Да, представить такое можно, но не более того, поскольку еще не создана база для проведения божественного эксперимента нового типа. Ведь до сих пор, в эпоху Рыб, опыты Творца со своим лучшим творением базировались на устойчивом животном плане последнего, арсенал возможностей

и запросов которого (самость, во всем ее многообразии), в сущности, и исследовался Создателем.

В экспериментах же эпохи Водолея объектом божественного интереса должен стать духовный план человека. Однако эта ипостась осталась в своем развитии на эмбриональном уровне, не изменилась со времен, когда Господь Бог вдунул в лице глиняной куклы «дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт. 2,7). По образному определению Александра Меня, «мы еще неандертальцы духа и нравственности». [3], с. 178. В структуре жизненных ценностей духовная составляющая являет собой узкую полоску, изолированную от души и Высших Сил глухой нейтральной зоной с грязными прожилками самости. Поскольку духовный план, как, впрочем, и животный, является частью единой структуры человека, ипостасью его природы, постольку очищать его от самости, взращивать и укреплять предстоит человеку и только человеку, а не Богу. (Функции Бога видятся в другом, об этом чуть ниже.)

Вполне очевидно, что скудный ум и убогий дух не позволяют нам представить себе, *каким образом* все это будет воплощаться в жизнь. Состояние верхнего плана человеческой триады сегодня – это своего рода авгиевы конюшни, здесь царит полнейший хаос. Впрочем, некоторые проблемы вполне очевидны. Например, установление каналов связи с внешним духовным миром, с духовными накоплениями человечества (в литературе, изобразительном искусстве, музыке и

т. д.); «переработка» обретенных духовных ценностей в ценности нравственные (очеловечивание зооморфной души человека); приведение в действие механизмов управления разнузданными инстинктами и другие проблемы, лежащие на поверхности. Очевидно также и то, что работа по восстановлению духовного плана триады связана не только с наращиванием «плюсов» – воспитанием достоинств, но прежде всего и в большей степени – с обузданием «минусов», злонравных качеств. Последнее дается труднее, особенно в условиях, поощряющих зло, от юности гнездящееся в сердце человека. И это – тоже очевидно.

* * *

Но вот что является совершенно *не очевидным,* так это совокупность внешних условий божественного эксперимента, в которых, пользуясь определением архангельских астрологов, человеку надлежит *реформировать* себя. И главное из них: будет ли духовная реформа осуществляться на фоне благоденствующей ныне «священной» частной собственности, с ее уродливыми порождениями и гримасами, или последнюю сменит иная, более гуманная форма производства и распределения материальных благ?

Думается, что следует настраивать себя на первое, то есть худшее, поскольку вариант с внешними условиями, *способствующими* внутреннему самосовершенствованию, Творец уже отрабатывал в течение длительного периода, предшествующего перестройке. Теперь задание ужесточается: че-

ловеку по-прежнему необходимо совершенствовать себя духовно и нравственно, но в условиях, *противных* его духовно-нравственному восхождению. Иными словами, он должен являть *лучшее* в *наихудших* для этого условиях. Вопреки не изменившимся внешним условиям эксперимента, ему предстоит: изменить приоритеты в структуре ценностной шкалы, сформулировать новый поведенческий кодекс, активизировать механизмы подавления самости и многое-многое другое. Способен ли человек реализовать все это самостоятельно, *без* непосредственного вмешательства в эксперимент Творца-экспериментатора? Нет, конечно!

И не потому, что у него для подобной метаморфозы маловато волевых, умственных или физических сил, а лишь по той причине, что силы эти находятся в состоянии глубокого сна и требуют основательной *божественной* встряски! У человека есть все необходимое для проведения коренной реформы ценностной шкалы, и только одного не достает ему – понимания необходимости такой реформы, осознания неизбежности внутренней перестройки и, как следствие, *желания пробудить* в себе эти силы для целенаправленных действий.

Озарение, которое бы, подобно молнии, высветило в убогом, затемненном уме человека представление об иных, поистине *человеческих* ценностях – это и есть «сокровенная манна» небесная (Отк. 2,17) сегодняшнего дня, «хлеб наш насущный на каждый день» (Лк. 11,3), в чем сегодня ис-

пытывает острейшую нужду лучшее из творений Создателя. Предварительное «облучение» людей живительным импульсом божественной энергии, способным озарить весь спектр ценностей, чтобы для человека не осталось «ничего тайного, что не сделалось бы явным», – необходимейшее условие вхождения Эксперимента в эпоху Водолея.

Однако цель молниеподобного озарения заключается не только в том, чтобы высветить ценности новые, сокрытые доселе индивидуальному человеческому сознанию. Не менее важно и другое: явить человеку в непривычном для него *холодном контрастном* освещении, какое и дает молния, все то, что *ошибочно* воспринимается им сегодня как безоговорочные ценности.

Известно, что видение (в обобщенном смысле) вещей в *ином* свете способно изменить отношение к ним человека всерьез и надолго. Так, в книге В. Демидова «Как мы видим то, что видим» (Изд. «Знание», 1979) описан случай, когда нарядный праздничный стол облучили интенсивным *фиолетовым* светом. В результате аппетитные яства сразу же потеряли свою привлекательность, а вид некоторых из них, например салатов, вызвал у гостей физиологическое отвращение. Думается, эта выразительная «картинка», засев в памяти, способна испортить им еще не одно застолье, даже при нормальном освещении.

Пример *адресного* озарения свыше мы находим в Библии. Это сошествие Святого Духа на апостолов в День Пятиде-

сятницы (Деян. 2). Огненные языки, «почившие по одному на каждом из них», есть видимые символы невидимой молнии, вспыхнувшей в сознании и, как следствие, отразившиеся в мировоззрении человека.

Как бы мы ни относились к историчности библейского сюжета, ясно одно: без божественной коррекции нашего внутреннего зрения мы никогда не узнаем, что такое *человеческая жизнь,* и будем вечно обманывать себя, барахтаясь в жалком *зооморфном существовании.* Расцвеченное прагматичным человеческим интеллектом, оно создает иллюзию красивой жизни, земного материально-чувственного рая. Таким образом, без импульса Света – духовного предтечи эпохи Водолея, призванного сделать все тайное явным, а потаенное вывести наружу (Мк. 4,22), *масштабное* вхождение эксперимента в эпоху Водолея – невозможно.

Однако столь же наивно было бы думать, будто этого условия вполне достаточно, чтобы *все* люди стали участникам этого процесса. Да, откровение свыше предназначено *всем,* но реагировать-то на него будет *каждый* в отдельности, с позиции *своей* шкалы жизненных ценностей, возможно, не слишком высокой, чтобы увидеть все то, что «выше сапога». К примеру, *подготовленным* ученикам Христа духовного посыла, полученного в десятый день по воскресении Учителя, хватило не только для собственного духовного преображения, но и для проповеди мира, который «не от мира сего», причем на языке, понятном каждому, «в собственном

наречии, в котором родились» (Деян. 2,8). А вот к потребителям, живущим исключительно в плотных рамках мира сего, озаряющий импульс божественной энергии может не пробиться вообще сквозь мощную оболочку бездуховности и «биологической защиты». Понятно, что эти люди, с отвердевшими идеалами эпохи Рыб, не могут быть полноценными участниками эксперимента новой эпохи. Они войдут в него чисто *физически*: или как его балласт, или как его «скрытый резерв», или в качестве фона для нравственного портрета иных, достойных участников – Экспериментатору виднее.

Но даже если квант божественного света и пробьется к цели, то это еще не гарантирует успеха, стартовых изменений в сознании человека: его реакция на свет Божий совершенно не предсказуема. Открывшийся внутреннему взору спектр доселе затемненных духовных ценностей скорее всего поставит человека в сложную ситуацию выбора, ибо его врожденная самость, извечный враг духовности и надежный страж материально-чувственного начала, почувствовав угрозу свыше, немедленно выстроит в душе и сознании человека «веские» защитительные доводы, стремясь удержать его в лоне привычных и доступных ему ценностей низшего порядка. Как скоро прервется этот «колебательный процесс» и что в итоге – трудно сказать. Все зависит, как уже говорилось, от «текущего» состояния шкалы жизненных ценностей человека и действия свободной воли, дарованной ему Богом.

Тем не менее, независимо от результатов, пребывание че-

ловека в состоянии «витязя на распутье» – в подобной ситуации *уже* неплохо! Это все же лучше, чем тупое, с ходу отторжение высветившихся в сознании новых ценностных ориентиров. Ведь в этой раздвоенности человек, по существу, переживает состояние, близкое к *нравственному равновесию,* пусть неустойчивому и кратковременному, между привычным ему желанием согрешить и неведомым ему желанием воздержаться от греха! И если червь сомнения *вообще* – враг действия, то в *данном случае* этот червь, прогрызая саму ткань сомнения, создает некую пунктирную дорожку к *действию,* ибо «вы можете, если вы подумали, что вы можете» (из лекции «Победители и проигравшие», Брахма Кумарис Всемирный Духовный университет). Вполне вероятно, что может появиться пусть самая незначительная и робкая, но *попытка* господствовать над влекущим к себе грехом (Быт. 4,7). А это – уже победа над собой, хотя и в бою «местного значения».

А что считать *предпосылкой* победы «по всему фронту» индивидуальной ценностной шкалы? Конечно, покаяние – честное *оценочное* видение наслоений собственной безнравственности в свете той самой вспышки божественного света.

Вспомним, что Иоанн Креститель, предтеча Христа, «спрямляя пути Господу», призывал именно к покаянию, считая его непременным условием «для прощения грехов» (Мк. 1, 2-4). «Но и поныне, – пишет Ф. Мориак, автор книги «Жизнь Иисуса», – осознание нашей сквер-

ны во всей ее неприглядности – знак Божественного Присутствия» [44], с. 122. Так что стартовым изменением сознания, вызванным Этим Присутствием, должно считать непредубежденное, «с отвращением», прочтение своей жизни, что, как уже говорилось, имело место в жизни Пушкина.

* * *

Желательно, однако, чтобы старт не замкнулся на себя, не стал самоцелью. Просветленное сознание должно в конечном счете привести человека к некоему финишу, желанию избавиться от *кое-чего* из «прочитанного» в прошлой жизни, «отрясти прах от ног своих» (Деян. 13,51), а затем уж – и к простейшему, но очень трудному обобщению: *так* дальше жить нельзя!

А *как* можно? Скорее, в *отречении* от «минусов», нежели в *обретении* «плюсов», поскольку в свете божественной молнии высвечиваются именно пороки, причем в *отталкивающих* деталях. Хотя в большинстве случаев второе выступает как *автоматическое* следствие первого. Вообще же, ясность в коротеньком вопросе: «как жить?» – величина переменная хотя бы уже в силу *возрастных* изменений шкалы жизненных ценностей. К примеру, поэт Федор Сологуб утверждает, и с ним нельзя не согласиться, что:

День только к вечеру хорош,
Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.

К сожалению, эту невеселую закономерность открывает для себя далеко не каждый. В большинстве своем люди ни на миг не напрягаются смыслом жизни ни в далекие, ни в близкие от смерти годы: они тупо проживают дни в комфортной бессмыслице своего существования. Впрочем, это и понятно, ибо «тот, кто не знает, что такое смысл, не чувствует, не поймет, что такое абсурд. Он будет жить с ним, как рыба в воде, не возмутится против него» [17], с. 20. Это и есть тот самый обитатель «зоны равнодушия», о котором шла речь в первой главе.

Целенаправленный посыл божественной энергии призван значительно омолодить возраст пробуждения самосознания, обретения той самой ясности бытия и своего места в нем, что сегодня открывается человеку, если только это происходит вообще, «в возраст поздний и бесплодный, на повороте наших лет» (А. Пушкин). Возможно, даже приблизить духовно продуктивный возраст к возрасту «крошки-сына» (вспомним с благодарностью В. Маяковского еще раз), *уже* стремящегося к различению добра и зла. Честная самооценка есть серьезная предпосылка к самосовершенствованию, исправлению себя, но не гарантия его, поскольку можно просто смириться с тем, «какой я есть». Вывод же: «буду делать хорошо и не буду плохо» – это ближе к делу. Но важнее всего – само дело: действие или, наоборот, подавление его волевым усилием.

С чего начинать индивидуальный «очистительный» про-

цесс? С чего угодно! Исходную точку пусть выбирает самостоятельно каждый, вставший на этот путь. Можно руководствоваться *общими* установками, допустим, «золотым правилом», предписывающим не делать того, что не нравится в другом; можно следовать более определенному направлению самосовершенствования, к примеру, повышать уровень общей культуры; или уж совсем конкретно – щадить родной русский язык.

Вполне приемлемо – и с отказа от вредных привычек (нет, не от курения!). Допустим, от раздражающей привычки ставить себя на пьедестал: «Вот, *я, например*, никогда не стану (всегда буду)…»; или от идиотской манеры тупо назидать менторским тоном некое расплывчатое людское большинство: «Вот, если бы *все* так…», «До тех пор, пока *мы* не научимся…».

Не исключено, однако, что и с *элементарных* этических и даже, как это ни противно говорить, физиологических норм. (На дверях стоматологического кабинета красуется тошнотворное обращение к «уважаемым пациентам», сводящееся к просьбе – очищать полость рта от остатков пищи перед визитом к врачу. Да это же крик души несчастного стоматолога, души, в прямом смысле изгаженной оскотинившимися пациентами! Правда, в других местах можно встретить как реакцию на «типовое» скотоподобие призывы и похлеще. Примеров несть числа, но не будем о грустном.)

Вообще говоря, выбор начала начал в этом благотворном

процессе не столь уж важен: любое из них, если процесс не сорвется, приведет человека к критическому просмотру по кругу *всего* комплекса личных качеств, пересмотру *всей* шкалы жизненных ценностей. И когда стремление изменить себя и свое отношение к жизни станет в дальнейшем образом самой жизни, отступить от него человек уже вряд ли сможет: совершая бесконечный ряд проб и ошибок, он будет жить не столько радостью эпизодических побед над собой (достаточно даже одной!), сколько надеждой на них, ожиданием их, стремлением к ним.

* * *

В эпоху Водолея в результате инициирования Творцом духовного плана человеческой триады соотношение ролей зоологического и божественного начал в человеке приближается к *паритетному*. Теперь уже душа обретает комфорт ценой мучительных метаний между их равносильными доводами. Вот когда нет «ни сна, ни отдыха измученной душе»! Примеров – бесчисленное множество; время выбора варианта различно: от мгновения до целой жизни. Возьмем лишь один пример, рядовой на сегодняшний день.

…Водитель глухой ночью сбивает пешехода на «зебре». Свидетелей нет, пострадавший без внешних признаков жизни. «Рви когти, пока не поздно! Спасай свою шкуру!» – панически шипит инстинкт самосохранения. И водитель, поддавшись ему, готов уже сделать это. Но здесь включается холодный голос инициированного самосознания: «Остано-

вись! Ты же с *этим* жить не сможешь! Немедленно спасай чужую жизнь и собственную душу!». Вот когда шкала жизненных ценностей выступает непосредственно в роли измерительной линейки нравственности! Если при *явном* перевесе сил одного из двух начал (плотского или духовного) душа не мучается выбором вообще, ибо все свершается однозначно и молниеносно, то в случае, когда эти силы *соизмеримы,* наша душа, наш третейский судья, попадает в затруднительное положение. И тогда вполне предсказуем третий вариант поведения: вначале – рывок, попытка скрыться (импульс самости), затем – резкий разворот к пострадавшему человеку в надежде спасти его (включение самосознания).

Этот исход в *нравственном* аспекте дорогого стоит (хотя в практическом – возможно, и «цветы запоздалые»). Здесь в человеке два борющихся начала, божественное и зоологическое, трансформируются в третье – *человеческое;* здесь – победа духовных сил над плотским инстинктом. Хотя могло быть и по-другому, ибо и плоть, и дух – суть ипостаси одной человеческой триады. В рассмотренной ситуации во всей полноте проявился эгоизм *«с человеческим лицом»*: себялюбие, уравновешенное *предвидением раскаяния* в потенциально содеянном грехе; жертвование комфортом плоти во имя комфорта духа.

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное», – учит Христос (Мф. 5,3). Комментируя эту заповедь блаженства, Ф. Мориак пишет: «Это означает, что не име-

ющий духа отречения изгоняется из Царства». Отречения от чего? Естественно, от греховных намерений или сотворенного греха. Эта заповедь блаженства из Нагорной проповеди Христа обретает особое значение в период, переходный от эпохи Рыб к эпохе Водолея. Она отражает ту стадию самосознания человека, когда он *еще не всегда* может «уклониться от зла» (вспомним наставление апостола Петра в 1 Пет. 3,11), но *уже иногда* способен (естественно, под воздействием просветляющего импульса свыше) осмыслить его и, раскаявшись, навсегда отречься от него, чем и гарантировать себе место в Царстве. Иначе говоря, – остаться в эпохе Водолея в качестве *участника* нового этапа божественного эксперимента, а не жалкого последыша эпохи Рыб, *каковым* сегодня, к примеру, выглядел бы персонаж из притчи Христа о богатом юноше (Мф. 19). Если, конечно, этот юный богач до сих пор, за время целой эпохи, так и не раскаялся в своем выборе и не отрекся от богатств земных во имя «сокровищ на небесах», обещанных ему Христом. Иными словами, не трансформировался из «эгоиста по плоти» в «эгоиста по духу».

Однако будем откровенны: для современного «богатого юноши» подобная метаморфоза еще менее вероятна, нежели для того, библейского. Структурная триада *участника* божественного эксперимента (не тупого прожорливого и сластолюбивого обывателя!) сегодня работает буквально на разрыв: с одной стороны – высокие духовно-нравственные ори-

ентиры; с другой – столь же высокий соблазн отвергнуть их во имя чувственных «радостей жизни», которые становятся все радостнее и изощреннее.

Оба противоборствующих условия в целях раскрытия сокрытой душевной сущности человека инициируются Творцом, что сближает современную ситуацию с библейской действительностью в канун исхода евреев из Египта: Господь, *всячески укрепляя* Моисея, Своего посредника в требованиях к упрямому фараону, вместе с тем систематически «ожесточает сердце фараона» (Исх. 7,3; 9,12; 14,4), чем целенаправленно обостряет ситуацию и непомерно осложняет миссию Моисея. Но в отличие от ветхозаветных времен, «вечные бои» эпохи Водолея возгораются в большей степени не вне, а внутри нас, меж ипостасями одного и того же «Я». В общем, серьезное испытание для эгоизма с человеческим лицом.

Кстати, как ни парадоксально, но мы до сих пор не представляем себе даже в общих чертах, каким оно, это самое лицо, должно быть. Нам сегодня доподлинно известны лишь человек-животное и человек-компьютер, уживающиеся подчас в одной личности. Однако нравственную физиономию ни того, ни другого назвать *человеческой* невозможно даже с натяжкой. Обе разновидности, несмотря на диаметральное различие их сущностей, одинаково бездуховны, бездушны и… незрячи. Первая живет слепым инстинктом, вторая – интеллектом, ослепленным ложной самодостаточностью.

Когда человек переходит из примитивного животного бытия в иную крайность – бытие механистическое, или, наоборот, – из последнего в животное, то он, к сожалению, перешагивает через *не* увиденную им *истинно человеческую* сущность и проваливается в одну из сущностей нечеловеческих. Здесь, как в притче Христа, где слепой ведет слепого. Эта закономерность отражена и в структуре ценностной шкалы, где присутствуют в основном ценности, видимые физическим, а не внутренним зрением, что говорит о *реальности* духовной слепоты, но никак не об *условности* или эфемерности самих духовных ценностей.

Предсказание массового внутреннего прозрения было сделано задолго до эпохи Рыб: «И в тот день глухие услышат слова книги, и прозрят из тьмы и мрака глаза слепых» (Книга пророка Исаии, гл. 29, ст. 18). Исчерпывающе! Но исполниться древнему пророчеству суждено только в эпоху Водолея, когда «блуждающие духом познают мудрость» (Ис. 29,24). Но когда именно придет «*тот день*» – известно одному Творцу. Пока же мудрость «блуждающих духом» просматривается или в откровенной спекуляции жалкими клочками этого духа, или в попытке скроить из этих лоскутов ту самую «овечью одежду», в которую и рядятся современные «волки хищные» (Мф. 7,15). И хотя волчьи уши «священной» частной собственности предательски торчат из этой маскарадной «духовности», мистификация в целом проходит успешно.

По существу, библейские «блуждающие духом» (в проекции на сегодняшний день) и есть обитатели той самой нейтральной, мутной «зоны равнодушия», о которой подробно говорилось выше. Но поскольку просветляющий импульс божественной энергии может духовно оплодотворить только тех, кто «блуждает» в верхних, то есть относительно прозрачных ее слоях, смежных с зоной добра, постольку все остальное «блуждающее» население обречено на пребывание в «глухоте» и «слепоте». При этом не сдерживаемое никакими «выталкивающими силами» оно неизбежно будет погружаться в нижнюю нравственную зону – «зону зла». И до какой глубины? Говоря о жителях Римской империи начала эпохи Рыб, Э. Ренан, французский историк и блестящий знаток библейских текстов, констатирует: «Люди дошли до самого дна бездны зла; дальше идти было некуда, разве только вверх» [43], с. 14. Думается, это утверждение без изменений и дополнений применимо и к началу нашей эпохи, эпохи Водолея.

Но этот «естественный» путь *наверх через низ* – долог и труден безмерно. Ведь подниматься-то надо со «дна бездны», то есть от стадии *пресыщенности* материальными благами и *переедания*, до отрыжки, чувственными наслаждениями. Иными словами, надо ждать начала самоуничтожения зла – укуса символической змеей собственного хвоста. Но вот *когда* замкнется это «змеиное» кольцо, локализующее зло внутри себя, – ведомо только Всевышнему Эксперимен-

татору.

Правда, есть иной, более короткий и надежный путь – путь нравственного восхождения *непосредственно* из нейтральной зоны, но он предназначен тем и только тем, кого проймет импульс, инициирующий самосознание. (Разумеется, для тяжелых, морально непробиваемых «броненосцев» подобный путь закрыт навсегда.) Этот просветляющий посыл божественной энергии возбудит в человеке (естественно, вне его физического тела!) абсолютно неведомое ему доныне *сугубо человеческое* ощущение – чувство *духовного* голода, утоление которого неизбежно приведет к образованию духовных накоплений, о чем и писал А. Ельчанинов. Но поскольку из всех сокровищ, которые «ни моль, ни ржа не истребляет», именно *духовные* имеют больше точек соприкосновения с *душевным* планом, постольку они эффективнее других влияют на душевные качества человека, создавая предпосылки к его нравственному восхождению.

Особое положение, возвышаясь над рядом духовных ценностей, в эпоху Водолея занимает Библия. О ней как священном собрании общечеловеческих нравственных ориентиров говорилось неоднократно, теперь же хочется подчеркнуть еще одну исключительно важную ее функцию.

Поскольку Библия обладает широкими и глубокими смысловыми, эмоциональными, тематическими и сюжетными связями со всеми без исключения видами изобразительного искусства, музыкой и литературой, постольку она есте-

ственным образом *сращивает* духовные богатства с нравственными, благотворно воздействуя на всю триаду человека. «Можно, наверное, признать, что человечество не стало лучше, но настолько же оно могло стать хуже, если бы не было Великого Искусства, будоражащего душу, пробуждающего совесть, учащего добру, любви и милосердию» [27], с. 183. Да, но одним из мощнейших источников, *вскармливающих* это Великое Искусство, является Библия. Как это ни патетично звучит (мы уже отвыкли от патетики, нам бы что-нибудь попроще, но говорить о Книге книг без пиетета невозможно), но именно Библии, особенно ее христианской составляющей, уготована роль *руководящей и направляющей силы* в нравственном становлении человека в эпоху Водолея. Я имею ввиду *не* «Евангелие Иисуса Христа эпохи Водолея» [49], эзотерическую фантазию по мотивам Нового Завета (кстати, очень интересную), а канонические Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна в эпоху Водолея.

Конечно, оторваться от зооморфных ценностей эпохи Рыб и следовать рекомендации Н. Рериха: «Устремите уродливое к прекрасному» – архитрудно. Тем более что сегодня *уродливое* даже и не маскируется под прекрасное, а просто вытесняет последнее, цинично (и, к сожалению, небезуспешно!) навязывает себя невзыскательному обывателю. Трудность перехода усугубляется еще и тем, что мы уже неплохо адаптировались к довольно широкому спектру уродств, а к некоторым из них даже испытываем наркотическую страсть.

Тем не менее сокращать угол между безнравственным курсом личного бытия и направлением на нравственную доминанту христовых заповедей нам все же придется. В противном случае, «человек эпохи Рыб» морально выродится в «животное эпохи Водолея» – тупое, прожорливое и похотливое существо о двух ногах.

* * *

Как уже говорилось, импульс Духа Святого откроет прозревшему Человеку полный ценностный ряд: от Любви, королевы ценностей, до самого низменного биологического желания. Но *в принципе*, как и в эпоху Рыб, выбирать придется опять же между «Богом и маммоной», поскольку структура человеческой триады останется неизменной «во всякое время». Однако сам процесс выбора будет мучительнее прежнего, в силу значительного усиления *духовного* плана триады. Действительно, инициированный Творцом в эпоху Водолея, он станет вполне способным *конкурировать на равных* с неизменно сильным и бескомпромиссным животным планом в их извечной борьбе за власть над душою, *сердцевиной* человеческой сущности. Ценностные приоритеты в этом противостоянии далеко не однозначны.

Сравним для наглядности фрагменты стихов двух поэтов, точнее – идеи, доминирующие в этих строках. Читаем бессмертные строки из пушкинского «Памятника», написанные два века назад:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал…

До чего же тонко высветил поэт *инициирующую* роль Духа, символизируемого лирой, в раскрытии истинно человеческих чувств, дремлющих в человеческой же душе! Вот он, этот тонкий, трепетный, едва ощутимый физически процесс превращения ценностей духовных в духовно-нравственные, эволюция в «разрезе»!

Однако если Пушкин видел свою заслугу в *одухотворении* человеческой души, то поэт Иосиф Бродский, стоящий на двести лет ближе к эпохе Водолея, считает, как это ни странно, что:

Поэта долг – пытаться единить
Края разрыва меж душой и телом.

Здесь *суть* нравственного долга, закрепляемого за поэтом, диаметрально иная. В сущности, это «возвышенный» призыв к необратимой нравственной деградации. О каком *еще,* прости Господи, единении «краев разрыва» можно говорить, если плоть *уже* поработила душу «от края до края», обратив последнюю в прислугу и карманного адвоката? Куда уж дальше?!

Гражданский долг поэта, на мой взгляд, призывать к обратному: спасительному *отрыву* души от губительного жи-

вотного плана и воспитанию ее «в духе». Хотя бы – духе рекомендаций Николая Заболоцкого в стихотворении «Не позволяй душе лениться». Естественно, плоть воспротивится превращению своей «рабыни» в «царицу», будет активно действовать и кнутом, и пряником. Значит, бой неизбежен!

Настоящий бой! Не злобные междоусобные разборки в пределах самой самости, а полномасштабная война за превосходство в системе жизненных ценностей между полярными ипостасями триады: животным началом и божественным образом, навечно соединенными и одновременно разделенными в Человеке его душой – миротворцем нашей триады. Поступательное устремление к гармонии планов и есть состояние покоя – реального (не во сне!) *динамического* покоя человеческой триады в целом.

Дай Бог, чтобы пророчество Исаии, «евангелиста Ветхого Завета», относительно обретения человеком внутреннего зрения и внутреннего слуха, исполнилось над *каждым,* поскольку человек *среднестатистический,* главное действующее лицо в моей работе, фигура во многом *условная*: он отличен от человека *реального*, хотя и неизбежно схож с последним в той или иной степени. Подвигнет ли человека этот *новый* дар свыше к следованию заповеди: «…будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» или не подвигнет – зависит только от самого человека, обладающего *от Сотворения* иным божественным даром – свободой воли. Об этом уже говорилось. Однако не будет излишним напомнить,

что в случае *соединения* в себе обоих даров, человек перемещается в эпоху Водолея *всею* триадой своею, как *полноценный* участник божественного эксперимента; в противном же случае – только *плотию* своею, застряв навсегда в ушедшей эпохе Рыб и духом, и душой. Ясно, что в последнем случае Водолей получает в наследство от Рыб, как это ни прискорбно, лишь некое существо в физической оболочке человека, но с зоологической моралью и нравственностью.

Ну а тот, кто служил Богу, а не маммоне, кто старался «входить тесными вратами» и следовать еще в эпоху Рыб нравственной парадигме эпохи Водолея, пусть примет результат своих усилий как личный *исходный рубеж* на новом этапе нравственной эволюции Человека – эволюции Души через возвышение Духа.

«Известный специалист по этике В. Г. Иванов однажды поделился со мной наблюдением: не тогда, когда ребенок скажет: "Я хороший!", а тогда, когда он скажет: "Я плохой!", можно утверждать, что в нем просыпается нравственное сознание» [39], с. 110.

Для того, чтобы вызвать это драгоценное признание в сердце человеческом (причем, независимо от возраста), возбудить в нем желание с отвращением, подобно Пушкину, прочитать и перечитать жизнь свою, и задумана настоящая работа с ее практически нескрываемой резкостью, обидными эпитетами и нелестными сравнениями. Естественно, ме-

ня беспокоит, что этот далеко не медоточивый тон обращения к *среднестатистическому* человеку может быть расценен человеком *реальным* как оскорбление, как проявление нелюбви или, не приведи Бог, ненависти к нему. Уверяю вас, что я менее всего хотел бы выглядеть в глазах читателя одиозной личностью, этаким мизантропом-любителем, ибо *здесь* – все с точностью до наоборот, *здесь* – надежда на то, что вызревшая в душе человеческой неприязнь к своему *разоблаченному* нравственному образу, увиденному в жестком, контрастном свете, подвигнет конкретного человека к решимости *изменить себя к лучшему,* сделать пробный шаг в направлении к Человеку.

Конечно, начать «новую жизнь» или «жизнь с чистого листа» (подобную оптимистическую глупость нам нередко навешивают на уши как нравственную панацею) невозможно. Но *кое-что* исправить, подчистить или смыть на «старом листе» – может при желании каждый. Речь идет не о том, чтобы чуть-чуть больше излучать добра, а о том, чтобы чуть-чуть больше *сдерживать* зло, гнездящееся в сердце человеческом «от юности его» и «во всякое время» (Быт. 6,5; 8,21).

В какой степени мне удалось воплотить свой замысел – судить читателю. Но если под влиянием этих глав хотя бы *только один* человек, хотя бы *только окинет* неравнодушным глазом свою застоявшуюся шкалу жизненных ценностей и откроет для себя ее троичную структуру, я, честное слово, буду удовлетворен сполна.

Литература

1. Библия (Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета, канонические, в русском переводе с объяснительным вступлением к каждой книге Библии и примечаниями Ч. И. Скоуфилда с английского издания 1909 года.) – Чикаго, 1990.

2. *Тухолка С.* Магия и оккультизм. – МЦ «Форум», 1990, ч. 1.

3. *Мень А*. О Христе и Церкви. – М., 1961.

4. Русская идея. – М., 2002.

5. *Рерих Н*. Семь Великих Тайн Космоса. – М., 2004.

6. *Мень А*. Трудный путь к диалогу. – М., 2001.

7. *Уолш Н. Д*. Беседы с Богом (необычный диалог). – ИД «София», кн. 1, 2006.

8. Словарь по этике (Под редакцией А. А. Гусейнова и И. С. Кона). – М., 1989.

9. *Соловьев В*. Избранное. – М., 1990.

10. Мысли на каждый день (Изд. Брахма Кумарис Всемирный Духовный Университет). – М., 2003.

11. *Бердяев Н*. Смысл истории. – М., 1990.

12. *Мень А*. Православное богослужение. Таинство, Слово и образ. – М., 1991.

13. Церковно-исторический атлас Вологодской области. 2007, ч 1.

14. Религии мира (Под редакцией Я. Н. Щапова). – М., 1994.

15. *Барсенков А.* Введение в современную российскую историю. – М., 2002.

16. Библейский энциклопедический словарь (сост. Э. Нюстрем). – Торонто, Мировая Христианская миссия, 1989.

17. *Мень. А.* Быть христианином. – М., 1994.

18. Проповеди протоиерея Александра Меня. Пасхальный цикл. – М., 1991.

19. Эзотерический словарь (сост. Б. Р. Корженьянц). – Москва – Рига, 1993.

20. Библейская энциклопедия. (Труд и издание Архимандрита Никифора). Москва, типография А. И. Снегиревой, 1891. (Имеется современное репринтное переиздание: Свято-Троице-Сергиева лавра, 1990 г.)

21. *Гордиенко Н.* Современное русское православие. – Лениздат, 1987.

22. *Булгаков С.* Православие: Очерки учения православной церкви. – М., 1991.

23. *Ельчанинов А.* Записи. – М., 1992.

24. *Розанов В.* Апокалипсис нашего времени. – М., 1990.

25. *Мень А.* Как читать Библию. Руководство к чтению книг Ветхого Завета. – Изд. «Жизнь с Богом», 1981.

26. *Муравьев Г.* Троичность вокруг нас. – Вологда, 2006.

27. *Карпенко М.* Вселенная разумная. – М., 1992.

28. Полный православный богословский энциклопедиче-

ский словарь. – СПб. изд. П. П. Сойкина. (Современное репринтное переиздание: Концерн «Возрождение», 1992.)

29. Апокрифы древних христиан: Исследование, тексты, комментарии (пред. А. Окулов). –

М., 1989.

30. *Богданов А*. Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. – М., 1990.

31. Реинкарнация (Учение о перевоплощении). – Владивосток – Ялта, 1997.

32. *Ориген.* О началах. – Самара, 1993.

33. *Ницше Ф. ,Фрейд З., Фромм Э., Камю А., Сартр Ж. П.* Сумерки Богов. – М., 1990.

34. Толковый словарь русского языка начала 21 века (под редакцией Г. Н. Скляревской). – М., 2008.

35. Жития и творения русских святых. – М., 1993.

36. *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)*. «Сила моя в немощи совершается» – М., 1997.

37. *Гумилев Л*. От Руси до России. – СПб., 2002

38. Полная энциклопедия символов (сост. В. Рошаль) – М., 2003.

39. *Шердаков В*. Иллюзия добра. – М., 1982.

40. *Тихоплав В., Тихоплав Т*. Начало начал (На пороге Тонкого Мира). – СПб., 2004.

41. *Даль В*. Толковый словарь русского языка. – М., 2000.

42. *Ренан Э*. Жизнь Иисуса (репринтное воспроизведение издания М. В. Пирожкова 1906 года). – М., 1990.

43. *Ренан Э*. Антихрист (печатается по изданию: С– Петербург. М. В. Пирожков, 1907 г.). – Ленинград, 1991.

44. *Мориак Ф*. Жизнь Иисуса. – М., 1991.

45. *Пушкин А*. ПСС в 10-ти томах, т.7, – М., 1958.

46. *Пушкин А*. Собр. соч. в 3-х томах, т.3, 1987.

47. *Пушкин А*. Собр. соч. в 10-ти томах, т.7, – М., 1976.

48. *Парандовский Я*. Алхимия слова. – Изд. «Правда», 1990.

49. Евангелие Иисуса Христа эпохи Водолея. – СПб, 1998.

50. *Мережковский Д*. Воскресшие Боги (Леонардо да Винчи). – Киев, 1992.

51. Эстетика: словарь (под редакцией А. Беляева). – М., 1989.

52. *Мережковский Д*. Атлантида – Европа. Тайна Запада. – М., 1992.

53. *Байджет М., Лей Р., Линкольн Г*. Священная загадка. – СПб., 1993.

54. *Винничук Л*. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. – М., 1998.